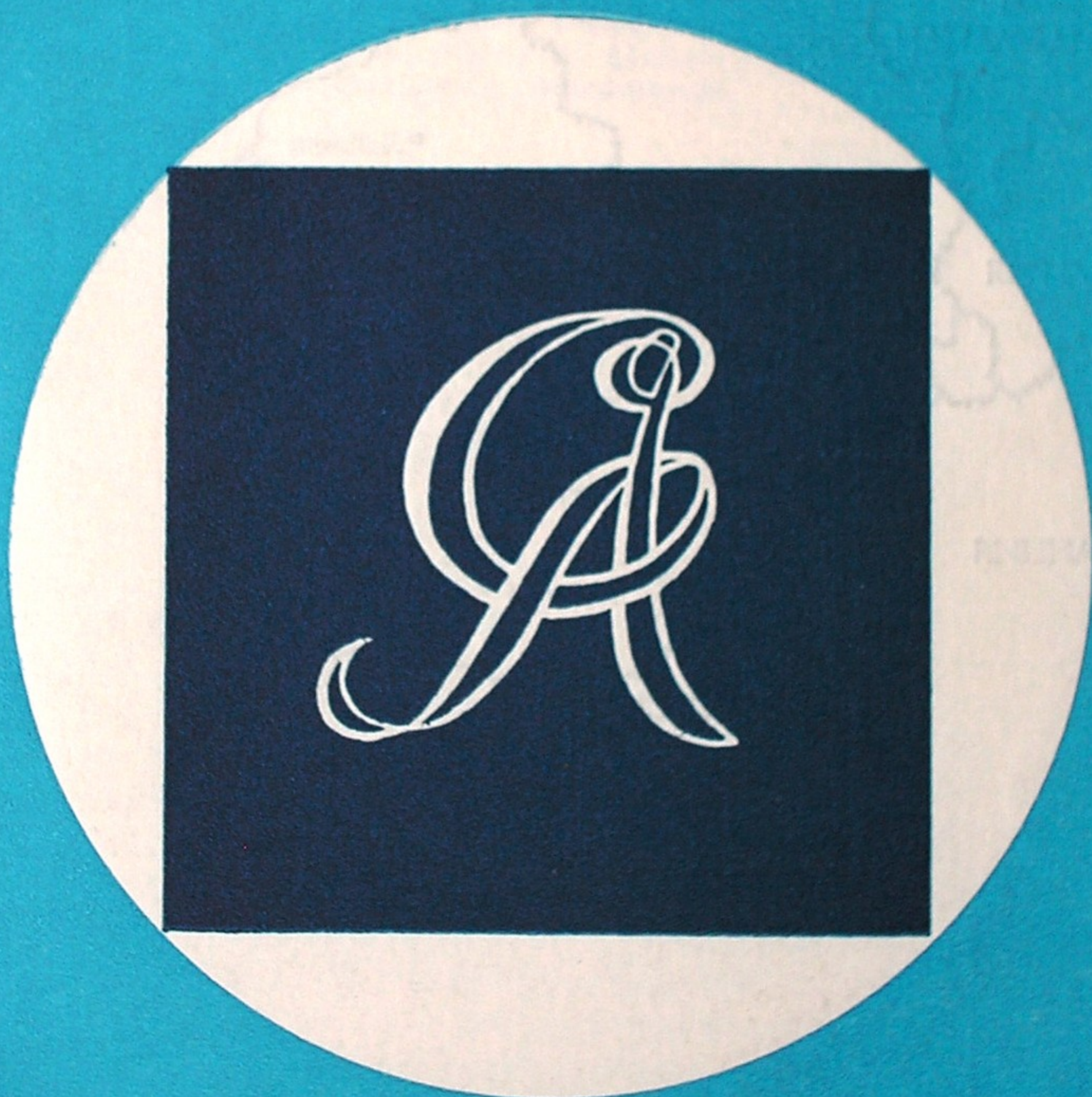

ПОЛАБСКИЙ ЯЗЫК

А. Е. СУПРУН

Славянские языки

ПОЛАБСКИЙ ЯЗЫК

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования БССР в качестве учебного пособия для студентов вечерней и заочной форм обучения филологических факультетов университетов

Рецензенты:

Кафедра славянской филологии Львовского государственного университета им. Ив. Франко, заведующий кафедрой К. К. Трофимович,
доктор филологических наук, профессор;

В. В. Мартынов, доктор филологических наук, профессор

Супрун А. Е.

С 89 Полабский язык: [Учеб. пособие для веч. и заоч. форм обучения филол. фак. ун-тов]. — Мн.: изд-во «Университетское», 1987. — 94 с.

Учебное пособие представляет собой первое на русском языке описание языка полабских древян, славянского языка, распространенного на западном берегу Эльбы недалеко от Люнебурга вплоть до середины XVIII в. Предшествующие полабские грамматики были выпущены на немецком языке (Шлейхер 1870) и на польском языке (Лер-Сплавинский 1929). Очерк лексико-фразеологической системы полабского языка публикуется впервые. Во многих разделах пособия отражены результаты специальных исследований автора. В приложении приведены все дошедшие до нас полабские тексты. Библиография включает важнейшую литературу о полабском языке.

Предназначается для студентов вечерней и заочной форм обучения филологических факультетов университетов.

4602010000—067
С М317(03)—87 50—87

ББК 81.2—923

© Издательство «Университетское», 1987

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Историко-географические сведения. В VII—X вв. нашей эры территорию между Одрой (Одером) и Лабой (Эльбой), а также между Лабой в ее нижнем течении и Балтийским побережьем, включая остров Руян (Рюгген), заселяли славяне. Крайнюю северо-западную часть этой территории занимали племена, зафиксированные в древних источниках как варны, ободриты (бодричи), глиняне, полабяне, вагры, к западу от Лабы вплоть до 10° восточной долготы, почти до нынешнего Гамбурга, жили древяне. Ободритский князь Готшалк (ок. 1010—1066) объединил эти племена и делал попытки их христианизации. Отсутствие единства этого славянского форпоста на Западе вело к его слабости перед лицом немецкого натиска, к утрате самостоятельности в особенности после Крестового похода 1147 г., направленного против славян-язычников, к германизации славян на этой территории. Славяне в составе немецких графств и княжеств с конца XII в. стали занимать подчиненное как в политическом, так и в экономическом отношении положение. Это вело к тому, что в своей деятельности им приходилось часто использовать немецкую речь; в славянскую речь проникали многочисленные немецкие заимствования, а затем она постепенно, но неуклонно вытеснялась немецким языком из различных сфер жизни — сначала общественной, а затем и из бытового общения. Так, на острове Руяне уже в 1404 г. была отмечена смерть последней женщины, пользовавшейся славянским языком. Во многих местах славянская речь была полностью вытеснена, отражаясь лишь в некоторых немецких диалектных словах вроде *tschagneize* «черника» и в топонимах, таких, например, как Росток (из **gostoka*), Бюлитц (**bēlica*), Ланке (**lōka*) и многие другие. Но в отдельных местах, в частности в болотистых местностях к юго-западу от Лабы вплоть до р. Ильменау вдоль р. Етцель, в округе Люхов — Данненберг бывшего княжества Люнебург, входившего в герцогство Ганновер (ныне земля Нижняя Саксония в ФРГ), славянская речь сохранялась вплоть до XVII — начала XVIII в.

Именно этот, дольше других сохранившийся, славянский языковой островок получил в науке наименование полабского языка, языка полабских (или залабских) славян (или древян). Немцы называли славян вендами, и в последний период существования полабского языка сами его носители называли свой

язык вендским. Указанную территорию и теперь называют Вендланд, а также верхний и нижний Дравен (Дравенланд), что связано со славянским этнонимом *древяне*.

В первой половине XVII в. полабский язык еще широко существовал как язык бытового общения крестьян в селах Дравении (Дравенланд), как язык устного народного творчества (песен, заговоров, причитаний). На каком-то этапе полабский язык, возможно, применялся и христианской религией, о чем свидетельствует факт записи христианских молитв на полабском языке, но затем церковь отказалась от полабского языка, и его использование оценивалось отрицательно. В общении со светскими и церковными чиновниками говорить по-полабски запрещалось. Но, как свидетельствуют данные в докладах о церковных ревизиях, еще в 60—70-х годах XVII в. славяне соблюдали свои обычаи: они распевали полабские свадебные песни, «благословляли скот вендскими словами», приглашали на похороны плакальщиц, причитавших по-полабски, в ночь под Ивана Купалу молодые женщины пели по-полабски «суеверные вендские песни». В школе полабская речь, конечно, запрещалась, но еще около 1670 г. один учитель жаловался инспектору, что детей трудно «отучать от вендского языка».

К концу XVII в. полабский язык был вытеснен почти из всех сфер своего применения. Даже важнейшую христианскую молитву «Отче наш» оказалось в то время трудно записать по-полабски. Молодежь около 1700 г. старалась по-полабски не разговаривать на улицах, чтобы не вызывать насмешек. В начале XVIII в. слыть вендом означало подвергаться не только насмешкам, но и преследованиям. Только пожилые люди еще пользовались в быту полабским языком. Вустровский пастор Христиан Хенниг, составивший наиболее полный полабский словарь, писал в предисловии к нему в 1711 г.: «В нынешнее время по-вендски здесь говорят только некоторые старики, их дети и другие молодые этого не могут делать, так как их за это высмеивают... Поэтому лет через двадцать, много тридцать, когда старые умрут, язык станет прошедшим, и тогда не найдешь больше венда, который бы мог заговорить на своем языке, даже если ему дать за это много денег». За год до этого Хенниг похоронил своего главного информанта Яна Енишге, крестьянина из Кленова, умершего в возрасте 54 лет. Енишге хорошо владел полабским языком, о чем, в частности, свидетельствуют записи в словаре Хеннига.

В семье единственного известного нам грамотного полабянина Яна Парум-Шульце дед и отец (бывший сельским старостой) говорили хорошо и по-полабски и по-немецки. Ян Шульце вспоминает о молитвах к деде Марии на полабском языке. Его младшая сестра еще понимала по-полабски, а брат, который был на 8 лет моложе Яна, уже совершенно не знал полабского языка. Сам Ян Шульце, владевший полабским языком, писал в 1725 г.: «Умру я и еще три человека в нашем селе, и никто не будет знать

как собака называлась по-вендски». И он, как мог и умел, взялся за фиксацию остатков родного слова, вероятно не зная, что за полтора десятка лет до этого в нескольких милях от него вустровский пастор составил сравнительно подробный словарь полабского языка. В записях Шульце до нас дошли интереснейшие тексты живой полабской речи, живых диалогов. Шульце умер в 1740 г. Между 1744 и 1752 гг. была сделана последняя запись полабского текста — «Отче наш» Бухгольца. А в 1756 г. в церковной метрике Вустрова, где раньше работал Хенниг, записано, что 3 октября после долгой болезни умерла 88-летняя вдова старосты и домохозяина в Долгове, которая «была последней из тех, кто хорошо владел вендским языком и мог петь по-вендски, почему она должна была явиться перед его королевским величеством нашим все милостивым господином в Гёрде (населенный пункт в одноименном лесничестве к западу от Данненберга. — А. С.), чтобы он услышал этот язык из ее уст».

Но еще в 1751 г. анонимный путешественник записал: «Теперь не найдешь уже места, где бы говорили по-вендски. Мой друг общал, что еще несколько лет тому назад в так называемых деревенных (или лесных) селах (в оригинале — *Holzdörfern*, что, быть может, является калькой полабского названия — «древянные села». — А. С.) жили еще старики, которые еще немного знали этот язык, но показывали это только после настоятельных просьб. Потому что нынешние жители имеют отвращение к вендам...» Йоганн Генрих Юглер, составивший по рукописным и печатным источникам первый сводный словарь полабского языка, пытался в 90-х годах XVIII в. найти кого-нибудь, кто знал бы хоть немного «по-вендски», но это было уже совершенно невозможно. (Подробнее о закате полабского языка см.: Олеш 1968а; Хейдзянка 1980.) Любопытно, однако, что еще во время одной из переписей населения в конце XIX в. в округе Люнебург 637 человек (20,6 % всего населения) показали себя «вендами», т. е. славянами, хотя вендским они считали свой нижненемецкий диалект.

§ 2. Письменные памятники. Когда носителей полабского языка осталось немного, ряд немецких деятелей проявил к нему интерес. В 80-х годах XVII в. пастор в Вустрове (примерно в 5-ти км к югу от Люхова) Христиан Хенниг из Йессена (1649—1719) начал записывать материалы о языке и обычаях остававшихся еще там полабян. Во время пожара 1691 г. записи Хеннига сгорели в его доме, но после пожара Хенниг возобновил свой труд, и в 1705 г. писал в «Кратком сообщении о вендском народе», сохранившемся в рукописи, о своем намерении со временем подготовить полабский словарь. Этот словарь был подготовлен еще до 1710 г., одна из его копий переплетена в рукописном томе вслед за «Кратким сообщением». Словарь Хеннига дошел до нас в виде 4-х рукописных полных и нескольких сокращенных копий, изготовленных около 1710 г., в том числе самим Хеннигом. Одна из этих копий, хранящаяся в Ганноверской земельной библиотеке

под номером XXIII-842, была воспроизведена в 1959 г. факсимильно в издании Олеша (Олеш 1959). Варианты по другим копиям приводились в издании Роста (Рост 1907), в словаре Юглера (Олеш 1962), а наиболее полно даются в новом словаре Олеша (Олеш 1983).

Словарь Хеннига — самый крупный источник по полабскому языку. Он включает около 3000 словарных статей, расположенных по алфавиту исходного — немецкого — языка. Некоторые статьи содержат неначальные формы (в частности, мн. ч.), словосочетания, пояснения. Хенниг относительно последовательно пытался передать средствами немецкой графики звуковую форму полабского языка. Однако эта последовательность нередко нарушалась, а установка на немецкую речь мешала Хеннигу точно передать полабскую звуковую и фонологическую систему. К словарю Хеннига приложены полабские названия некоторых окрестных городов, свадебная песня с нотами — единственное дошедшее до нас произведение устного народного творчества полаблян, переведенное на немецкий Гёте, который включил его в свою музыкальную драму «Рыбачка». Словарю предшествуют в рукописных копиях различные варианты предисловия, а также полабский текст «Отче наш».

Наряду с автографами и копиями большой и малой версии словаря Хеннига сохранилось три небольших словарика, основанных на его материалах, но имеющих некоторые отличия от текста большого словаря. Это «малый автограф Хеннига» (более 200 слов), «вендские вокабулы для месье де Бокёра» (вероятно, ганноверского представителя в Париже де Букёра), выписанные в 1710 г. (около 400 слов), и «вендские вокабулы», выписанные секретарем Г. В. Лейбница Ходанном, весьма близки к выпискам для де Бокёра.

Как увидим далее, это не единственное свидетельство интереса великого немецкого ученого к полабскому языку. Названные словарные материалы, как и некоторые этнографические наблюдения Хеннига, вошли в изданный Олешем сборник «малых полабских источников» (Олеш 1967).

Важное место среди источников наших сведений по полабскому языку занимает своеобразная хроника, которую вел крестьянин Ян (Йоганн) Парум Шульце (1677—1740) в д. Зютен в 7-ми км к западу от Люхова. Хроника включала сведения о различных событиях с 1691 г. до самой смерти Шульце, а частично и о более ранних, существенные для восстановления этнографических особенностей жизни полаблян. Здесь и сведения об очень дождливом лете, о крупном наводнении, о ценах на продукты и промышленные товары, рецепты народных лекарств, сведения о народных одеждах и многие другие материалы (Герхардт 1977а, 1978).

Свою хронику Я. П. Шульце вел на немецком языке, но в 1725 г. написал, решительно, хотя и несколько коряво, что он хочет записать для потомков вендский язык, «так как это очень трудный язык говорить, и тоже очень трудный писать. Я получил датскую книгу и там стоят буквы гораздо ближе к словам в немецких книгах, чем когда я называю хлеб (Brod) stjejb или коня (Pferd)

tjühn; поэтому я часто должен называть такие звучания, что записанное сами не сможете прочитать». Шульце начинает словарь с полабских слов, обозначающих «человека с головы до ног», потом переходит к описанию деревни, деревьев, животных, одежды, приводит несколько диалогов на полабском языке, снова возвращается к словарю, называет обозначения отрезков времени, приемов пищи, некоторых орудий; эти семантические группы нередко перемежаются, в них включаются слова разных частей речи, а иногда словосочетания и предложения, не имеющие прямого отношения к наметившейся как будто бы теме. Но чрезвычайно важно, что записи эти сделал человек, владевший полабским языком, а потому точно знавший, что означают полабские слова.

К сожалению, недостаточная образованность Шульце (хотя он хорошо знал Библию и читал другие книги) не могла не сказаться на точности его записей в фонетическом плане, но тем не менее, несмотря на известную непоследовательность в применении средств немецкой графики (к тому же Шульце на письме пытался пользоваться немецким литературным языком на верхне-немецкой основе, а разговаривал, видимо, как и окружавшие его другие крестьяне, на нижненемецком) и неточности копиистов, переписавших дошедшие до нас копии его записей, они важны для характеристики звуковой системы полабского языка. Важно и то, что Шульце записал единственные дошедшие до нас производившиеся (создававшиеся заново), а не воспроизводившиеся (повторявшиеся) тексты (см.: Супрун 1978а). Можно лишь пожалеть, что этих текстов мало (вместе с отдельными предложениями и словосочетаниями их наберется, может быть, полторы — две печатные страницы), как и отдельных слов (порядка трех сотен). До нас не дошел оригинал хроники Шульце. В последний раз его видел русский исследователь А. Ф. Гильфердинг в 1855 г. у зютенского крестьянина Й. Шульца. По сохранившимся копиям хроника Шульца, и особенно ее лингвистическая часть, публиковалась. Лучшую публикацию подготовил Олеш в уже упоминавшемся сборнике (Олеш 1967). Следует иметь в виду, что рукопись Шульце в оригинале использовал Юглер при составлении своего полабского словаря.

В одной хранящейся в Копенгагене рукописи после нескольких рапортов о церковных ревизиях в Древянии в 1671 г. и сочинения «Вендское суеверие» содержится немецко-полабский словарь примерно на 350 слов и выражений. Этот словарик, названный в рукописи *Vocab. et phras. Vandal.*, называют иногда Копенгагенским. Он был в 10-х годах XVIII в. переписан люховским пастором Й. А. Бортфельдтом. В 1744 г. Й. Г. Домейер опубликовал полабско-немецкий словарик из наследия какого-то пастора, очень близкий по содержанию к Копенгагенскому словарю. К этим двум словарям в определенной мере примыкает и словарь Й. Ф. Пфеффингера (1667—1730). Он был опубликован еще в 1711 г. в книге И. Г. Эккарда «История этимологи-

ческих исследований» вместе с записанными Хеннигом «Отче наш» и свадебной песней. Этот словарь представляет собой французско-полабский словарь, несколько больший, чем предыдущий, включающий некоторые новые материалы, но и явные семантические ошибки, свидетельствующие о том, что записывавший не знал записываемого языка. Новая публикация трех названных словарей, у которых, видимо, был общий не дошедший до нас источник, осуществлена Олешем (Олеш 1967).

В письме люховского окружного начальника Г. Ф. Митхофа придворному советнику Х. Шрадеру в Целле от 17(27) мая 1691 г. сообщаются некоторые обычаи полабян и приводится текст «Отче наш» и еще четырех коротких молитв на полабском языке. Это письмо было ответом на запрос Лейбница, который его опубликовал в своем труде *Collectanea etymologica* (1717), сопроводив краткими комментариями. Там же опубликован небольшой список (десигнация) «слов вендов или славян в Данненбургском и Люховском округах герцогства Люнебург», составленный анонимным автором и включающий около полутораста слов и выражений с немецкими переводами. В Ганноверской земельной библиотеке хранится рукописная копия этого списка, в которой есть пояснения, сделанные рукою Лейбница. Как и письмо Митхофа с комментариями к нему Лейбница, ганноверская копия опубликована (Олеш 1967).

Самая последняя запись полабского языкового материала была сделана автором «Опыта истории герцогства Мекленбург» (Росток, 1753) Самуэлем Бухгольцем между 1744 и 1752 гг. Это текст «Отче наш» (Олеш 1967). В научный оборот славистики этот текст ввел Й. Коблишке (Коблишке 1923). Он же (Коблишке 1906) ранее показал, что неоднократно воспроизводившийся до того текст «Отче наш» люховского бургомистра К. Н. Мюллера (ум. 1755) представляет собой фальсификацию. Олеш воспроизводит текст Бухгольца, а в примечаниях и текст Мюллера (Олеш 1967).

Как словарь Хеннига, а также записи Шульце, малые полабские источники выполнены средствами немецкой графики, причем применялись они не очень последовательно даже в рамках одного источника, не говоря уж о различных словарях и текстах.

Перечисленные материалы, собранные в конце XVII и первой половине XVIII в., составляют корпус фактов, на котором базируются наши знания о полабском языке. Кроме названных изданий анализу источников посвящен ряд специальных исследований, из которых следует назвать: Тецнер 1902; Трубецкой 1926; Олеш 1963, 1963а, 1965, 1968б, 1968в, 1968г, 1975а; Герхардт 1977, 1977а, 1978. Для изучения полабского языка привлекаются также данные топонимики, но по своему возникновению и бытованию они относятся к различным этапам развития полабского языка и к разным территориальным разновидностям славянской речи в бассейне Лабы. Поэтому эти данные не должны просто суммироваться с данными письменных источников, а могут ис-

следоваться как дополнительный источник в тех случаях, когда письменные источники недостаточно информативны.

Письменные памятники полабского языка отражают три говора окрестностей Люхова: зютенский (записи Шульце), вустровский, или кленовский (записи Хеннига), и люховский (записи Пфеффингера и Митхофа). В записях Пфеффингера, а отчасти и Хеннига приводятся также факты, записанные в других местах. Различия между говорами не весьма показательны, что и понятно, так как места записи отдалены друг от друга на 5—10 км. Подробности см.: Полянский 1965, Олеш 1975б.

Первый, собирательский этап изучения полабского языка завершился составлением на рубеже XVIII—XIX вв. сводного полабского (люнебургско-вендского) словаря. Этот словарь составил на основе тщательного обследования полабских письменных источников (Хенниг, Шульце, Домейер, Эккард, Пфеффингер, Митхоф) и некоторых других публикаций вторичного характера, в частности, в петербургском сравнительном словаре доктор медицины, ганноверский ландфизикус доктор Йоганн Генрих Юглер (1758—1812). Юглер закончил свой словарь в 1809 г. Издать словарь он не успел. Рукопись была приобретена за 170 талеров университетской библиотекой в Гёттингене.

В словаре Юглера в алфавитном порядке занесены все полабские слова в том виде, в каком они зафиксированы в источниках. Юглер объединил воедино в словарных статьях варианты написания одних и тех же слов, а также записи разных грамматических форм одного и того же слова; в словарную статью включаются словосочетания с данным словом и предложения с ним, имеющиеся в источниках. Немецкие (и французские) соответствия источников Юглер в какой-то мере унифицировал и преобразовал, особенно в том случае, когда имелся разнобой, не затрагивающий, однако, смысловой основы соответствий. Таким образом, Юглером была проведена большая работа по первичному анализу материала и его предварительному объединению.

Словарь Юглера, являющийся важнейшим вторичным источником (а в части Шульце он отражает исчезнувший первичный источник), был издан лишь через полтора десятилетия после его завершения Олешем (Олеш 1962). В издании он снабжен указателем немецких соответствий, а также очерком полабского источниковедения.

§ 3. Обзор истории полабистики. В течение всего XIX в. велась работа по розыску новых письменных источников по полабскому языку, а также по введению в научный оборот некоторых в ту пору еще мало известных источников, таких как словарь Хеннига и т. п. Эту работу вели ученые славянских стран, а также немецкие ученые. Уже патриарх славянской филологии Йосеф Добровский (1753—1829) опубликовал некоторые отрывки из словаря Хеннига. Перепечатывалась полабская песня (Ф. Челяковский, П. Шафарик, Л. Гаупт и Я. Смолер, О. М. Бодянский

и др.), выявлялись некоторые новые подробности заката полабского языка (Ф. Шпангенберг, Й. Потоцкий и др.). Следует указать на публикацию памятников и их исследование, осуществленное русским славистом А. В. Гильфердингом (1856; серболужицкий просветитель Я. Смолер перевел книгу Гильфердинга на немецкий и издал ее в 1857 г.). Воспроизвел издание полабских памятников автор крупнейшего верхнелужицкого словаря К. Б. Пфуль (1863), польский ученый А. Калина опубликовал по рукописи словарь Шульце (1893). Однако полного собрания памятников полабского языка в XIX в. не было издано, а словарь Юглера все еще оставался в рукописи.

Великий немецкий языковед Август Шлейхер (1821—1868), основываясь на материалах словаря Юглера, подготовил первую полабскую фонетику и грамматику. В процессе подготовки романтический и увлекающийся Шлейхер настолько вошел в описываемый материал, что некоторые письма своим славянским корреспондентам написал по-полабски. Полабская грамматика Шлейхера, который был членом-корреспондентом Российской академии наук, издана в Петербурге на немецком языке (Шлейхер 1871). Подготовить ее к изданию после смерти рано скончавшегося Шлейхера пришлось его ученику А. Лескину (1840—1916). Грамматика Шлейхера стала первым крупным описанием структуры полабского языка.

В 1900-х годах полабский материал продолжал привлекать внимание серболужицких ученых, что отразилось в ряде публикаций Арношта Муки (1854—1932), в частности, в 1904—1905 гг. В это время появляются заметки крупнейшего специалиста по славянским диалектам Балтийского побережья — словинским, поморским, кашубским — Ф. Лоренца (1870—1937), посвященные отдельным вопросам полабского языка.

Итоги сбора полабского языкового материала были подведены Паулем Ростом в полной и тщательно подготовленной публикации всех полабских письменных источников (кроме «Отче наш» Бухгольца), сопровождаемой подборкой топонимического материала, а также полабско-немецким словарем, построенным на базе предложенной автором транскрипции, в книге «Остатки языка древно-полабян в Ганноверской земле» (Рост 1907). Исследования полабского языка получили хорошую базу. Собрание Роста обусловило переход к новому уровню исследования полабского языка.

В 1920 г. молодой тогда польский языковед Тадеуш Лер-Сплавинский (1891—1965) публикует работу о фонетической адаптации нижненемецких заимствований в полабском (Лер 1920), что послужило основанием для новой реконструкции полабской звуковой системы. Пока Лер продолжал свои исследования, в частности, посвященные ударению и морфологии полабского языка, стали появляться полабистические исследования других крупных языковедов того времени. Важное место среди них заняли труды Николая Сергеевича Трубецкого (1890—

1938), в будущем — создателя первого фонологического компендиума. Трубецкий занимался и полабским источниковедением, и вопросами полабской звуковой системы и ее эволюции. Появлялись также полабистические исследования других языковедов. Янина Хейдзянка (род. 1903) осуществила первое и пока наиболее полное описание полабского синтаксиса (Хейдзянка 1927). Отдельные вопросы полабского языка освещали П. Голлоб, В. Курашкевич и др. Из советских ученых в межвоенные десятилетия полабским языком занимался Г. А. Ильинский (1876—1937), опубликовавший «Полабские заметки» (Ильинский 1931).

В развитии полабистики 1929 г. ознаменован двумя крупнейшими событиями: выходят «Полабская грамматика» Т. Лера-Сплавинского (Лер-Сплавинский 1929), до сих пор служащая главным пособием по грамматике полабского языка, «Полабские студии» Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1929), в которых дан блестящий очерк полабской фонологии и морфонологии. То, что результаты реконструкции полабской звуковой системы в основном совпали у обоих ученых, работавших независимо, явилось свидетельством силы научной мысли.

В последующие предвоенные годы было продолжено исследование отдельных вопросов полабского языка. В нем принимали участие Т. Лер-Сплавинский, В. Курашкевич, Т. Милевский, А. Брюкнер, С. Шобер, М. Фасмер и другие ученые. Я. Хейдзянка-Пилятова подготовила первую из работ, посвященных тематико-семантическим группам слов в полабском — лексике обработки льна (Хейдзянка 1933). В послевоенные годы такого рода работа была продолжена в исследованиях Б. Шидловской-Цеглевой (Шидловская 1963, 1965, 1967), М. Радловского (Радловский 1958), Олеша (Олеш 1976, 1978) и Хейдзянки (Хейдзянка 1967, 1968, 1971, 1972, 1974, 1977). Это было связано с началом еще в 30-х годах подготовительных работ Лера-Сплавинского и его сотрудников по составлению полабского словаря. Тогда же была написана и небольшая, но содержательная статья Трубецкого о полабской метрике, основанная на анализе зафиксированной свадебной песни, однако напечатана она была гораздо позже (Трубецкой 1950). А. М. Селищев включил в первый, западнославянский том своего незаконченного обзора «Славянское языкознание» характеристику полабского языка, остававшуюся до сих пор наиболее полным обзором фактов полабского языка на русском языке (Селищев 1941).

После второй мировой войны занятия полабским языком расширились. Лер-Сплавинский продолжил изучение полабского языка, привлек к этой работе ряд своих учеников и сотрудников. Из них наиболее значительный вклад в исследование полабского языка внес Казимеж Полянский. Им был опубликован ряд работ, в которых пересмотрены многие частные вопросы полабской фонетики, морфологии, словообразования, лексики. Если Лер обследовал фонетическую сторону, то Полянский посвятил

серьезную монографию морфологической адаптации многочисленных полабских заимствований из нижненемецкого (Полянский 1962). Семантическая сторона этих заимствований была предметом интереса С. Речека (Речек 1957). Полянский сделал ряд основательных обзоров работ по полабистике, опубликованных в послевоенные годы, и был прекрасно подготовлен к тому, чтобы совместно с Лером-Сплавинским приступить к созданию этимологического словаря полабского языка. Первый выпуск словаря вышел в 1962 г. (Лер-Сплавинский и Полянский 1962), а затем Полянскому пришлось продолжать труд, начатый его учителем, уже самому (Полянский 1971, 1973, 1976). Словарь доведен пока до буквы *i*. Между тем еще в 1967 г. Полянский совместно с американским филологом Джеймсом А. Зенертом опубликовал полабско-английский словарь (Полянский и Зенерт 1967). Этот словарь служил много лет главным источником сведений о полабском языке для неполабистов. Полабская лексика представлена в нем в транскрипции; указаны источники, в которых встречается слово, дан английский и исходный немецкий (или французский) перевод источника, приведена реконструкция славянского архетипа или — для заимствованной лексики — нижненемецкий этимон. В словаре приведены также в особом разделе в транскрипции и с двумя переводами все дошедшие до нас полабские тексты, предложения и сочетания слов. Единственное, чего нет в словаре, — это оригинальных написаний, что затрудняет критическое рассмотрение предлагаемых транскрипций, имеющих иногда реконструктивный характер. Подобный полный материал приводится в этимологическом словаре Лера-Сплавинского и Полянского, содержащем в необходимых случаях обоснование транскрипции, сравнительный славянский материал, праславянскую реконструкцию, немецкий этимон для заимствований, данные о полабском оформлении заимствований на фонетическом, морфологическом, словообразовательном уровне. См. рец.: Супрун 1966, 1967; Трубочев 1965, 1974, 1975, 1979.

Важнейшим событием в развитии полабистики в послевоенные годы было издание Рейнгольдом Олешем (род. 1910) нового трехтомного корпуса полабских источников — словаря Хеннига, малых памятников и хроники Шульце, а также словаря Юглера, содержание которых охарактеризовано в § 2 (Олеш 1959, 1962, 1967), см. рец.: Супрун 1966, 1968. Олеш в процессе подготовки своих изданий осуществил ряд источниковедческих и текстологических исследований. Издание выполнено на высоком эдиционном и полиграфическом уровне, сопровождается комментариями, указаниями разночтений, очень интересными картами, иллюстрациями, индексами. Кроме того, Олеш опубликовал полную библиографию по полабистике (Олеш 1968, 1975), см. рец.: Супрун 1969а. Он занимался также рядом частных вопросов полабской фонетики, лексикологии и этимологии, географическим распространением полабского языка и лингвогеографической

характеристикой памятников, социолингвистической проблематикой полабистики. Олешу принадлежит большое исследование по полабской акцентологии (Олеш 1973, 1974). Первую часть этого исследования Олеш доложил на VII Международном конгрессе славистов в Варшаве (1973) на полабском языке. Олеш осуществляет издание полного полабского словаря — «Тезауруса древянополабского языка», первый том которого выпущен в 1983 г. (Олеш 1983). В Тезаурус Олеш включает все сохранившиеся записи полабских слов с необходимым словесным окружением и переводами, дававшимися в записях. Тезаурус содержит транскрипцию соответствующих сегментов текстов и реконструкцию их предполабского состояния. Статьи Тезауруса имеют этимологическую часть, а также сведения о литературе, в которой данные слова рассматривались. В отличие от словарей Полянского в Тезаурусе слова располагаются в алфавите оригинальных написаний, а не транскрипции; в приложении намечается дать ряд указателей, в том числе транскрипционных записей, праславянских архетипов, нижненемецких этимонов, немецких и французских переводных соответствий. Основной корпус словаря занял три тома, четвертый предполагается посвятить реестрам. Словарь включает, таким образом, полный материал по примерно шести тысячам полабских слов, представленных в тридцати тысячах вариантных записях. Это — наиболее полное собрание полабского лексического материала. См. рец.: Супрун 1986.

Естественно, что наибольший интерес к полабскому языку проявляли польские и немецкие ученые, поскольку полабский язык входит в ту же лехитскую подгруппу западославянских языков, что и польский, а распространен был на территории Германии. В Польше, кроме уже указанных лексикографических и лексикологических работ, общих обзоров полабского языка в энциклопедиях и учебно-справочных изданиях (Штибер 1956), выдающимся лингвистом и индоевропеистом Ежи Куриловичем (1895—1978) была предложена оригинальная, хотя и весьма дискуссионная модель полабской акцентуации (Курилович 1955). В ГДР можно указать некоторые работы Г. Г. Бильфельдта, Ф. Хинце по отдельным вопросам полабской лексики, главным образом в связи с ее отражениями в немецких диалектах (Бильфельдт 1950, Хинце 1964). В ФРГ Э. Кайзер опубликовала доклад о полабских лексических кальках (Кайзер 1973).

Следует отметить, что внимание немецких и польских ученых привлекали не только собственно полабские языковые проблемы, но и дополабское языковое состояние, зафиксированное в собственных именах, особенно в топонимах. Известный немецкий славист и балтист Р. Траутманн (1883—1951) опубликовал в 1948—1956 гг. трехтомное собрание топонимов полабских и балтийских славян, а в 1950 г. — описание славянских топонимов Гольштейна и Мекленбурга. В дальнейшем этот капитальный труд был пополнен материалом ряда заселенных в прошлом славянами регионов.

Были предприняты также исследования славянского топонимического материала в этимологическом и историко-фонетическом планах, в частности, в работах М. Ежовой, Э. Эйхлера, Р. Фишера и др. Применительно к той территории, на которой были записаны полабские материалы в конце XVII — начале XVIII в., надо отметить специальную монографию, посвященную истории корневого вокализма в полабском по материалам топонимики (Кайзер 1968), и доклад о словообразовательных типах топонимов на этой территории (Кайзер, 1968а).

Проблемы полабского языка привлекали в последние десятилетия внимание специалистов различных стран. По этим вопросам писали итальянский индоевропеист В. Пизани, работавший в Австрии хорватский славист Й. Хамм, чешские слависты В. Мареш, Я. Петр, П. Трост и др. Вновь проявился интерес к полабскому языку в нашей стране, где полабский материал включался еще в XVIII в. в состав двухтомника «Сравнительные словари всех языков и наречий», изданные академиком П. С. Палласом (1786). Изучая датив и локатив в сравнительном славянском плане, А. Б. Правдин и В. Н. Топоров описали особенности этих падежей и в полабском (Правдин 1961; Топоров 1961); аналогичным образом чешский славист Л. Ржегачек изучил полабский инфинитив (Ржегачек 1960). Были исследованы полабские числительные (Супрун 1962). В этих работах был осуществлен переход от чисто морфологического к комплексному исследованию явлений полабской грамматики. О. Н. Трубачев регулярно рецензирует полабский этимологический словарь. Выступал с рецензиями по полабистике рано скончавшийся славист Л. И. Ройзензон (Ройзензон 1964, 1964а). В советской печати опубликованы и другие обзоры и рецензии новой литературы по полабистике (Супрун 1966, 1967, 1968, 1969а). Исследовались вопросы полабской семасиологии (Супрун 1973а, 1978), лексической сочетаемости (Супрун 1973), фразеологии (Супрун 1969, 1974), а также характера речевой деятельности на полабском языке (Супрун 1978а, 1981), эволюции фонетического строя (Супрун, 1965).

Таковы основные этапы в изучении полабского языка.

ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ, ГРАФИКА

§ 4. **Графика источников и ее интерпретация.** Записи полабского языкового материала велись не специалистами, а любителями, не имевшими специальной подготовки, что и обусловило непоследовательность в применении средств немецкой графики и орфографии, на которых базировались записывавшие. Особо сложно было, конечно, с теми звуками, которые не имели аналогов в немецком языке, но и тогда, когда такие аналоги имелись, это не гарантировало от разнобоя и неточностей в передаче звуков чужой речи. Так, носители немецкого языка, а в частно-

сти — нижненемецких диалектов, плохо различали славянские звонкие и глухие согласные, не воспринимали в должной мере они и мягкость согласных, не было специальных знаков для обозначения мягкости, имелись значительные колебания в передаче различных гласных, в частности дифтонгов. Все это затрудняет чтение полабских записей, установление подлинного звукового состава языка и отдельных слов.

Так, к примеру, слово, транскрибируемое нами как *lūd'ā* «лодка, судно», ср. *ладья*, в памятниках отражено в следующих написаниях: *Lüdia, Lüdia, līdga, Lidya, Līdja, Lydga, Lüdyā, Lüdja, Lüdiga; sa Lūda (sā lūdā), no Lūda (no lūdā)*. Слово *carñaičā* «черника» записано в источниках так: *Ttznaitza, Tzarneicia*. Слово *cesāt* «чесать (щеткой)» записано следующим образом: *Ssēssat, Zēssat, Zēssat, Cessat (?)*; *ciesse (cisē — 3-е л.)*. Поэтому прочтение записей и их транскрипция требуют для полабского материала сплошь и рядом сложной процедуры:

а) выявления одинаковых слов в разных памятниках, что подчас затруднено неточными или неверными переводами;

б) сравнения написаний разных слов в одной и в других формах, установления хотя бы примерных правил передачи звуков полабской речи в памятниках;

в) восстановления до полабского звучания, т. е. реконструкции праславянского архетипа или нижненемецкого этимона;

г) знания закономерностей эволюции звуковой системы, приведших к тому звучанию, которое зафиксировано в памятниках;

д) установления хода развития звукового облика до полабского слова;

е) установления звучания данного окончания или вообще данной некорневой морфемы в различных случаях;

ж) знания звуковых закономерностей синхронного порядка, которые обуславливают особенности в сочетании фонем и их реализации в данном слове или сочетании слов в анализируемый период;

з) знания звуковых особенностей немецкого, и в частности нижненемецкого, языка, поскольку записи осуществлялись носителями этого языка, а потому эти особенности могли отразиться в виде интерференции при восприятии или воспроизведении немцами полабской речи.

Таким образом, выработка полабской транскрипции на основании сохранившихся записей это очень сложная работа, которая не сводится даже к прочтению старинного текста, но в определенной мере к его реконструкции. Причем ясно, что работа эта могла протекать только комплексно, с одновременным учетом различных факторов. Юглер в основном выполнил задачу пункта «а». Но уже Шлейхеру, а затем Росту надо было идти дальше. Однако лишь Лер-Сплавинский и Трубецкой достаточно полно и обоснованно восстановили полабскую звуковую систему, морфологические чередования. В дальнейшем Полянский и Олеш

(а частично и другие исследователи) внесли ряд частных поправок в создавшуюся картину звукового строя полабского языка. В полабистических исследованиях, в частности в этимологическом словаре Полянского, а также в словарях Полянского и Зенерта и Олеша, принята транскрипция, в основном разработанная и реализованная в «Полабской грамматике» Лера-Сплавинского. Впрочем, в каждом из названных словарей имеются определенные различия в транскрипции, как в знаках, так и в трактовке ряда звуков. В данной книге используется в основном транскрипция, принятая в словаре Полянского и Зенерта, с некоторыми поправками, внесенными главным образом на основании уточненной трактовки полабского вокализма Олешем. Важнейшие спорные моменты трактовки полабского вокализма, а следовательно, и его записи оговариваются.

В техническом плане следует иметь в виду следующее. В отличие от грамматики Лера-Сплавинского и этимологического словаря Полянского знак *ə* заменяется на *ä*. В отличие от указанных работ и словаря Олеша неслоговой характер *i* после гласных в составе дифтонгов специально не отмечается, так как он позиционно обусловлен. В обоих этих случаях наша транскрипция совпадает с транскрипцией Полянского — Зенерта, а в первом случае также Олеша.

§ 5. Вокализм. Полабский вокализм включает 8 неносовых монофтонгов, 2 носовых, 3 дифтонга, а также 2 редуцированных в слабой позиции (табл. 1). Основные дискуссионные вопросы вокализма касаются следующих явлений.

1. На месте начального **o* с протетическим *v*-, т. е. **vo*- не перед твердыми, Лер-Сплавинский видел *vü*-, а здесь вслед за Полянским, как и у Олеша, прочитывается *vi*-.

2. На основании анализа заимствований Лер-Сплавинский ввел в систему полабского вокализма закрытое *ë* (нем. *ê*). На письме оно обозначается обычно как *i*, находится с *i* в дополнительном распределении, а потому целесообразно трактовать его как *i* (а в некоторых случаях, в суффиксе превосходной степени, где *ë* увидел в отличие от Лера-Сплавинского Полянский, — трактовать как *e*). Так же поступает Олеш.

3. Еще Шлейхер полагал, что **ž* отразился в полабском (кроме положения после заднеязычной перед мягкой) как *ä*. Лер-Сплавинский видит в нем лабиализованное *a*, а Трубецкой — делабиализованное *o* (в его транскрипции — *a*). По утверждению Олеша, однако, как гласный на месте *ž*, так и гласный на месте *ь* отражаются в написаниях памятников одинаково — как *a*. Это не совсем точно, хотя нередко на месте *ž* действительно встречается в написаниях *a*. Сам Олеш оставляет транскрипцию *ä* для тех случаев, когда имеется написание *oa* у Хеннига, например для случаев типа *väs* (Woas) «вошь», *gāt* (Roat) «рот». Но в других случаях отмечается чередование написаний с *a* и с *o* в разных формах, например: *Dappi*, *Dappü* и под. «дно» и *ka dōpa*, *po dōpa* «ко дну, на дне». Олеш в этом случае транскрибирует

с чередованием *a/o*, а Полянский — *ä*. Возможно, следует учесть и написание *ä* у Хеннига в некоторых случаях на месте ожидаемого *ä* (*wlās*, *Eylautzāl*), учитывая спорность этого вопроса, в данной книге предпочтено написание *ä* в тех случаях, когда оно используется у Полянского — Зенерта. Читатель легче может превратить *ä* в *a*, чем, наоборот, выделить те *a*, которым соответствует, по мнению некоторых ученых, *ä*. Думается, что вопрос о фонемном статусе *ä* и его месте в транскрипции заслуживает еще специального исследования.

4. В разных памятниках по-разному отражены дифтонги. Праславянское **y* после лабиальных согласных везде отражается как *oi*, после заднеязычных как *ai*, а после переднеязычных у Хеннига обычно *ai* (на письме также *au*, *ei*, *eu*), у Шульце — *oi* (на письме также *ou*, *eu*, *äu*), у Пфеффингера — смешанно. *U* отражается в начале слова и перед лабиальными как *ai*, а после согласных у Хеннига как *au*, у Шульце как *oi*, а у Пфеффингера как *ai/oi*. Эти различия отражают, вероятно, различия трех полабских диалектов, дошедших до нас в записях Хеннига (вустровский), Шульце (зютенский) и Пфеффингера (люховский). Учитывая это, в данной книге используется (как и для *ä*) транскрипция дифтонга *ai* для обозначения отражения **y* после дентальных, применяемая Полянским и Зенертом.

Праславянское слоговое *l* (сочетания **yl*, **žl*) отражается в подавляющем большинстве случаев на письме как *au*; единичные (их всего 2 против более чем сотни) написания *oi* встречаются и в отражении старого **u* как *au*. Поэтому в отличие от Полянского и Зенерта и в согласии с Олешем здесь принято обозначение дифтонга в этом случае как *au* и такое его понимание. Следует отметить, что в записях Шульце и в нескольких других отдельных случаях на месте дифтонга записано *u*: *tust* — *taustē* и под. Это отражает, очевидно, диалектный рефлекс сонанта, подобный сербскохорватскому.

5. Носовые гласные *o* и *a* передавались в записях сочетаниями гласных с носовыми согласными. Поскольку *o* имело закрытый характер, оно нередко обозначалось не только при помощи *o*, но и при помощи *u*. В одном из памятников (список Анонима) назальность не передана. Трубецкой предлагал фонологическую трактовку *o*, *a* как сочетаний соответствующих гласных с носовыми согласными. Исторически полабские назальные гласные являются продолжением праславянских назальных гласных. Поэтому в данной книге признано целесообразным обозначение их как *o* и *a*.

6. В слабой позиции гласные редуцировались. Фонемы *a*, *ä*, *e*, *o*, *ö* реализовались как редуцированный открытый передне-среднего ряда *ä*; *i*, *ü*, *ai*, *oi*, *au* превращались в редуцированный *ë*. Назальный *a* в слабой позиции в конце слова иногда утрачивал назальность, реализуясь как *ä*. Имеются некоторые разногласия в определении слабой позиции, но практически они не существенны. По Леру-Сплавинскому, слабая позиция для глас-

ных была в заударном слоге, во втором предударном, а также в первом предударном, если он оказывался заударным по отношению к нефонологическому второстепенному ударению.

7. Праславянские редуцированные гласные **ь* и **ѣ* в сильной позиции преобразовались в полабском в *a*, *ā*, *i*, в слабой позиции в конце слова выпали, а в середине слова часто вокализовались так же, как в сильной позиции. Вокализация *ѣ*, *ь* происходила в первых слогах, принявших на себя ударение (*lāzēs* «лжешь», *zavāt* «жевать», *māglā* «мгла») и непосредственно предшествующих ударным (*stāblū* «стебель»). В слогах, не предшествовавших непосредственно ударным, редуцированные выпадали (*dveto* «двум, двумя»). В полабском языке получили развитие эпентетические гласные в группах согласных, например: *vod'ī* «уголь», *sidēm* «семь», где последние гласные эпентетические; *tāgoj* «три; трое», *kāgoj* «кровь», где эпентетический характер имеют первые гласные.

8. Перед начальными **o*, **u*, **ρ* в полабском систематически появилось протетическое *v*- (*vāp* «он», *vātrūk* «сын» (ср. *отрок*), *vīvasnē* «овсяный», *vos* «борода» (ср. *ус*), *vauhū* «ухо»).

Таким образом, в состав полабского вокализма входят следующие гласные (табл. 1).

Таблица 1

Монофтонги:	<i>i</i>	<i>ū</i>	<i>u</i>	
	<i>e</i>	<i>ō</i>	<i>o</i>	<i>ϕ</i>
	<i>a</i>	<i>ā</i>		<i>q</i>
Дифтонги:	<i>ai</i>	<i>oi</i>		
Редуцированные (только в слабой позиции):	<i>ǎ</i>	<i>ě</i>		

Сведения о происхождении отдельных гласных, способах их записи в полабских памятниках, а также примеры употребления даны в табл. 2.

Таблица 2

Принятая транскрипция	Написания в памятниках	Основные случаи происхождения
<i>a</i>	<i>a</i> , реже <i>e</i>	* <i>ь</i> перед старыми палатальными (<i>rap</i> < * <i>rypъ</i> «пень»); * <i>i</i> , * <i>y</i> перед <i>r</i> (<i>daga</i> < * <i>diga</i> «дыра»)
<i>ā</i>	<i>a</i> , <i>o</i> , <i>oa</i> , <i>ao</i>	* <i>ѣ</i> перед старыми палатальными не после гуттуральных (<i>rāt</i> < * <i>rytъ</i> «рот»); * <i>ь</i> перед велярными (<i>t'ūt'āl</i> < * <i>kotylъ</i> «котёл»); *(<i>v</i>) <i>o</i> - перед велярными (<i>vāstrūv</i> < *(<i>v</i>) <i>ostrovъ</i> «остров»)
<i>o</i>	<i>o</i> , иногда <i>u</i> , изредка <i>a</i>	* <i>a</i> (<i>god</i> < * <i>gadъ</i> «гад»); * <i>ě</i> перед дентальными велярными (<i>d'olū</i> < * <i>dělo</i> «дело»); * <i>γ</i> > <i>or</i> (<i>borz</i> (<i>ǎ</i>) < * <i>bγz</i> (<i>o</i>) «борзо (быстро)»); * <i>ř</i> > <i>or</i> перед дентальными велярными (<i>žognū</i> < * <i>zřno</i> «зерно»)

Принятая транскрипция	Написания в памятниках	Основные случаи происхождения
<i>ō</i>	<i>e</i> и <i>ō</i> , изредка <i>ū</i>	* <i>o</i> перед старыми дентальными велярными (<i>dōl</i> < * <i>dolъ</i> «дол») и <i>ř</i> (<i>bōre</i> < * <i>borje</i> (<i>ть</i>) «борет»)
<i>e</i>	<i>e</i> , изредка <i>i</i>	* <i>e</i> перед старыми велярными (<i>led</i> < * <i>ledъ</i> «лед»); * <i>ě</i> не перед дентальными велярными (<i>sneg</i> < * <i>sněgъ</i> «снег», <i>vibe</i> < * <i>obě</i> «обе»)
<i>i</i>	<i>i</i> , <i>ū</i> , <i>y</i>	* <i>e</i> в конце слова и перед старыми палатальными, кроме <i>ř</i> (<i>pūli</i> < * <i>polje</i> «поле», <i>zīmā</i> < * <i>zemja</i> «земля»); * <i>ѣ</i> после старых гуттуральных перед палатальными (<i>nūd'it</i> < * <i>nogъtъ</i> «ноготь»); *(<i>v</i>) <i>o</i> - не перед велярными (<i>virāl</i> < * <i>ogylъ</i> «орёл»)
<i>ū</i>	<i>ū</i> , <i>i</i> , <i>y</i> , изредка <i>u</i>	* <i>o</i> (не в начальном (<i>v</i>) <i>o</i> -) не перед дентальными велярными и <i>ř</i> , в т. ч. в конце слова (<i>būb</i> < * <i>bobъ</i> «боб», <i>l'otū</i> < * <i>lěto</i> «лето»)
<i>u</i>	<i>u</i>	в немецких заимствованиях на месте <i>u</i> ; в диалекте Шульце из * <i>l</i> , * <i>l'</i> (<i>tucē</i> < * <i>tļce</i> (<i>ть</i>) «толчёт»)
<i>ai</i>	<i>ey</i> , <i>ei</i> , <i>ai</i> , <i>ay</i> , изредка <i>āi</i>	* <i>i</i> не перед <i>r</i> , <i>l</i> (<i>nait</i> < * <i>nitъ</i> «нить»); * <i>y</i> после <i>k</i> , <i>g</i> , <i>x</i> , <i>t'</i> , <i>d'</i> , <i>č</i> (<i>st'aibā</i> < * <i>skyba</i> «скиба»); * <i>u</i> в начале слова и перед лабиальными (<i>ai</i> < * <i>u</i> «y», <i>t'airās</i> < * <i>kirъsъ</i> «купец»)
<i>oi/āi</i>	<i>oi</i> , <i>ou</i> , <i>eu</i> , <i>āi</i> , <i>y</i> Хенни-га также: <i>ai</i> , <i>ay</i> , <i>ei</i> , <i>ey</i>	* <i>y</i> после лабиальных (<i>moit</i> < * <i>myti</i> «мыть») и дентальных (<i>dāim</i> < * <i>dymъ</i> «дым»)
<i>au</i>	<i>au</i>	* <i>u</i> не в начале слова и не перед лабиальными (<i>tauxo</i> < * <i>tiuxa</i> «муха»); * <i>l</i> , * <i>l'</i> (<i>raupū</i> < * <i>rļpo</i> «полно»); в диалекте Шульце в этом случае <i>u</i>
<i>ρ</i>	<i>un</i> , <i>ung</i> , <i>ut</i> , реже <i>on</i> , <i>ot</i>	* <i>ρ</i> после велярных (<i>dōb</i> < * <i>dōbъ</i> «дуб»); * <i>e</i> перед велярными дентальными (<i>jōzēk</i> < * <i>jēzykъ</i> «язык»)
<i>q</i>	<i>an</i> , <i>ang</i> , <i>am</i>	* <i>e</i> не перед дентальными велярными (<i>māt'ě</i> * <i>megъ-kujъ</i> «мягкий»); * <i>ρ</i> после палатальных, включая <i>j</i> (<i>pūjā</i> < * <i>rojъ</i> (<i>ть</i>) «поют»)
<i>ǎ</i> <i>ǎ</i>	<i>a</i> , <i>e</i> , <i>ϕ</i>	на месте <i>a</i> , <i>ā</i> , <i>o</i> , <i>ō</i> , <i>e</i> , иногда <i>q</i> в слабой позиции, а также из * <i>aje</i> , * <i>aja</i> , * <i>oja</i> , * <i>yje</i>
<i>ě</i>	<i>i</i> , <i>e</i> , <i>ϕ</i> , изредка <i>a</i>	на месте <i>i</i> , <i>ū</i> , <i>ai</i> , <i>oi</i> , <i>ai</i> , <i>au</i> в слабой позиции, а также из * <i>ъjъ</i> , * <i>eje</i> , * <i>iji</i>

§ 6. Консонантизм. В состав полабского консонантизма входили 34 согласных. Трубецкой неуверенно вычленил также в заимствованиях заднеязычные звонкие проточные *γ*, *γ'*, что не-

достаточно подтверждается материалом, а также допускал существование незасвидетельствованного *f'*. Едва ли могут трактоваться как особые фонемы *ġ*, *k̃*, которые выделяет Лер-Сплавинский; Полянский и Зенерт, а также Олеш большей частью отметили на их месте либо сочетания *gj*, *kj*, либо обычные *g*, *k*. Мягким соответствием гуттуральных *g* и *k* являются *d'* и *t'*. Трубецкой справедливо считал *h* вариантным представлением анлаутного приступа ('). Фонологическая система согласных может быть представлена по Трубецкому (с учетом указанных уточнений) в виде ряда пучков фонем (табл. 3).

Таблица 3

m m̃	n ñ	r r̃	l l'	x x̃	v ṽ
p p̃ b b̃	s s̃ z z̃	c c̃ ʒ ʒ̃	t t' k d d' g		
ī	š	j	h/ʰ		

В полабских записях согласные обозначались соответствующими немецкими буквами: *m*, *n*, *r*, *l*, *w*, *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, *h*. *X* обозначалось сочетанием букв *ch*, *š* — *sch*; *f* буквами *f* или *v*; *j* — *i*, *j*, *y*, или *g*. Записывавшие немцы плохо различали звонкость, а потому на месте звонких нередко употреблялись буквы для глухих и наоборот. Нередко использовались удвоенные буквы для передачи согласных. Звуки *s* и *ʒ* передавались одинаково буквами *s*, *z*, сочетаниями *ts*, *tz*, иногда *s*, звуки *s*, *z* передавались буквами *ss*, *s*, *z*, *β*. Мягкость передавалась присоединением к соответствующей согласной букв *j*, *y*, *i*, *ij*, *g*, а иногда и не передавалась. Мягкое *x̃* передавалось как *chi*, *chj*, *chg*, иногда *sch*. Мягкие *t'* и *d'* передавались как *dg*, *dj*, *tsch*, *ty*, *tg*, *tj*, а иногда и как *g*, *j*, *d*; звучали они, видимо, как краепалатальные (Трубецкой 1929, 90), сближаясь с польскими *ć*, *dź* или сербскохорватскими *ć*, *đ*; Трубецкой транскрибировал их как *h̃*, *h̃*. Фонемы *f*, *h*, *š* встречаются лишь в нижненемецких заимствованиях (если не считать оглушения *v* в *f* перед глухими). Твердые полабские согласные возводятся к соответствующим твердым или мягким (палатальным и палатализованным) праславянским согласным, старая мягкость сохранялась лишь тогда, когда имелись условия для возникновения новой, а следовательно, можно допускать этап ее возникновения наново. Смягчение лабиальных и дентальных происходило перед *o* < **ě*, **ja*, *ā* < **ь*, *ǫ* < **ę*, *or* < **ī* (**br*), а также перед *ā*, соответствующим *o* и *ā* этого происхождения в слабой

позиции. Заднеязычные *k*, *g*, *x* превращались в мягкие *t'*, *d'*, *x̃* перед *ü*, *ö* < **o*, *ai* < **y*, *au*, *ai*, *oi* < **u*, *i* < **ѳ*, *ar*, *āl* < **yr*, **yl* (*d'ōga* < **goga* «гора», *t'auxor* < **kuxag* «повар», *nūd'it* < **nogъt* «ноготь», *lūt'it* < **lokъt* < **olkūtī* «локоть», *t'inaʒ* < **kъneʒь* «князь»). Праславянские шипящие превратились в свистящие (*coso* < **čaša* «чаша», *zaitū* < **žito* «жито»); ср. также изменение группы **šč* > *st* (*stina* < **ščenę* «щенок»). Надо отметить, в части источников (Пфеффингер, Аноним, Парум-Шульце) на месте свистящих с большей или меньшей последовательностью зафиксированы шипящие.

Звонкие согласные перед глухими оглушались (*borkā* < **babъka*, *defkā* < **děvъka*). В связи с общим смешением на письме звонких и глухих согласных отражение звонких в конце слова на письме проследить практически невозможно.

§7. Ударение. Ударение динамическое (и/или долготное), подвижное (может перемещаться при изменении слова). Ударение падает на последний или на предпоследний слог, если в последнем редуцированный (краткий) гласный (Олеш). Лер-Сплавинский полагал, что ударение можно рассматривать как свободное, а количество гласных зависит от ударения, Трубецкой — что ударение можно считать постоянным, зависящим от долготы слога: на последнем слоге с долготой. Выдвинутая Курыловичем гипотеза постоянного ударения на первом слоге, основывающаяся на возможности неточного отражения ударения в записях и типологических соображениях, возможно, объясняет некоторый промежуточный этап развития полабского ударения, но едва ли характеризует зафиксированный синхронный срез. Фразовая интонация полабского неизвестна.

§ 8. Слог. Частая структура слога: CV, CVC, V, VC; другие допустимые структуры: VCC, VCCCC (*enkst* «жеребец»), CVCC, CVCCC (*vākārst* «окрест», *tipst* «трепать (лен)»), CCV, CCVC, CCVCC (*knexst* «батрак»), CCVCCC (*pūgripst* «закопать»), CCCV (*skrūpē* «покропит»), CCCVC (*strox* «страх»), CCCVCC (*splint* «мера жидкости»). Сочетания согласных в слоге определялись тремя правилами: 1) шумные имеют порядок: проточная (изредка аффиката) + смычная (4 исключения не в анлауте в заимствованных словах: *springpfert'en* «кузнечик», *henkst* «жеребец» и на стыке морфем: *tipst* «трепать (лен)», *pūgripst* «похоронить»); 2) сонорная до гласной следует за шумной или группой шумных; таким образом, до гласного наблюдается в слоге стремление к восходящей звучности; 3) сонорная после гласной предшествует шумной или группе шумных. По отношению к шумной *v* может принимать статус сонорной. Группы сонорных единичны: в ауслауте 2 заимствования *t'arl* «муж, мужчина» и *toɣn* «тюрьма»; в анлауте в 6 случаях губные *m*, *v* предшествуют плавным, приравниваясь шумным (*mlādē* «молодой», *vlās* «волос»).

Зафиксированные в материале консонантные инициалы, состоящие из двух и более согласных: *bl*, *dl*, *kl*, *gl*, *xl*, *ml*, *vl*, *pl*, *sl*, *zl*, *fl*, *sl'*, *kl'*, *br*, *cr*, *fr*, *kr*, *pr*, *vr*, *dr*, *tr*, *xr*, *xr'*, *gn*, *kn*, *sn*, *zn*, *sm*, *sm'*.

dv, sv, kj, sj, st, sp, sk, st', str, spl, spr, stj, skr; финали: ns, nd, ng, nc, ld, lt, rs, rz, rx, rp, rt, rd, rg, rk, rl, rh, zd, st, sk, ct, ft, xt, rst, pst, nkst.

МОРФОНОЛОГИЯ

§ 9. Звуковая структура морфем и чередования. В начале слова в полабском отмечены все согласные (кроме *z, ž* и случайно отсутствующего *h*), причем *h* употребляется лишь в анлауте (в заимствованиях). Возможны также группы согласных, соответствующие модели слога (см. § 8). Гласные в начале слова малоупотребительны: имеется 56 слов, начинающихся на *ai-* (< *u, *i*), и немногочисленные слова нижненемецкого происхождения на другие гласные: по два десятка слова на *a, e, o*, 7 слов на *i*, 4 — на *u*, 3 — на *ā*, 1 — на *ō*. Согласно Трубецкому, в этих случаях гласному предшествует приступ, трактуемый как согласная: префиксальные и корневые морфемы не начинаются с гласной. В ауслауте возможны все велярные согласные (кроме *h*) и все гласные (кроме *ō, u*). Консонантные сочетания в ауслауте подчиняются правилам слоговой структуры. Можно, таким образом, говорить о зеркальном распределении сонорных и шумных (групп шумных) в начале и в конце слова (как и слога). Суффиксальные морфемы всегда оканчиваются на согласную. Префиксальная морфема имеет структуру: *C*V, C*VC**, где *C** — согласная или группа согласных (соответствующая правилам § 8); корневая морфема: *C*, VC*, C*VC*, C*VC*VC**; суффиксальная морфема: *C*, VC*, C*VC*, VC*VC**; окончание после основы на согласную: *V, VC**, после основы на гласную: *C*, C*V, C*V**. Морфема необязательно совпадает со слогом; префиксы и окончания (словоизменительные суффиксы) не превышают одного слога; количество слогов в корневых и суффиксальных (словообразовательных) морфемах не ограничено, но обычно не превышает двух.

Редуцированный вокализм в односложных словах представлен только в отдельных клитиках: предлогах (*vě* < **o(b)* «о»), союзах (*ā* < **a* «а»), местоимениях (*mě* < **mī* «мне»), глаголах (*сā, сē* — формы глагола *сā* «хочу» после отрицания *nī*).

Чередования гласных в полабском происходили в основном в связи с происшедшими историческими преобразованиями одних и тех же фонем в различных позициях в различные фонемы. Чередования нередуцированных гласных между собой зафиксированы в немногочисленных случаях: *e ~ i* (*cesāt* «чесать» — *cisē* «чешет»), *ō ~ ū* (*dōl* «долина» — *vā dūlā* «в долине»), *o ~ e* (*l'otū* «лето, год» — *vā letā* «летом»), *o ~ a* (*disā(t)dišōt* «сто»), *ā ~ i* (*vāboj* «обое» — *vibē* «обе»), *o ~ a* (*corne* «черный» — *сaг-паісā* «черника»), *ā ~ a* (*gāma* «плечо» — *gāminai* «плечи»), *ai ~ i* (*bait* «бить» — *bijē* «бьет»), *ai ~ ā* (*aipaustaix* «упустил» (аорист) — *aipaustāl* «упустил» (претерит)). Чаше представлено чередова-

ние гласных на месте старых редуцированных и новых эпентетических *ā, ē* с нулем; в систему этого чередования включаются и новые слова, напоминающие структурно типичные чередующиеся пары. Таким образом: *ā, i, a, ā, ē ~ ∅*. Примеры: *asāl* «осел» — по *asl'ē* «на осле», *bard'ir* «бюргер» — *bargri* «бюргеры», *sribarne* «серебряный» — *srebrū* «серебро», *d'ölqbāk* «голубок» — *d'ölqbt'ē* «голубки», *pesēn* «песня» — *pesnai* «песни».

Чередование нередуцированных гласных с редуцированными имело в полабском языке позиционный характер и обусловлено редукцией гласных в слабом положении (§ 5, п. 6). Примеры: *vibe* «обе» — по *vēbe* «на обе», *visecē* «обрежет» — *visāct* «обрезать», *kok/kāk* «как», *krigir* «военный» — *krigēri* мн. ч., *pūkraite* «покрытый» — *pēlūzēt* «положить».

Ряд случаев чередования согласных в полабском языке связан с результатами первой и второй палатализации заднеязычных. Это чередования *g ~ z ~ ž* (*büg* «бог» — *büzē* «божий» — *būžai* боги), *k ~ c* (*tauknē* «толкнет» — *taucē* «толчет» — *tauci sā* «толкись»), где совпали результаты первой и второй палатализации, *x ~ s* (*vaixā* «уши» — *vausaī* «уши» (дв. ч.)) с подобным совпадением, но без реального примера второй палатализации. В связи с тем, что *k* в определенных позициях превратилось в *t'*, а *g* — в *d'*, эти фонемы также вовлекаются в ряд чередований: *vāt'ū* «око» — *vicesā* «очи»; *pūgā* «нога» — *pūd'ē* «ноги» — *pūžai* «ноги» (дв. ч.). В результате изменений согласных с *j* в праславянском возникли еще некоторые чередования: *t ~ č* (*svet* «свет» — *svečā* «свеча»), *d ~ ž, ž* (*jedē* «ест» — *jez* «ешь»; ср. *mīžā* < **medja* «межа»). Имеют место некоторые чередования, возникшие в результате собственно полабского звукового развития: *xt ~ xt' ~ t'*, *d'* (*lūt'it* «локоть» — *lūxt'ām* «локтем», *pūd'it* «ноготь» — *pūxte* «ногти»).

Чередование твердых и мягких согласных имело в полабском первоначально позиционный характер и обусловлено новым (полабским) смягчением согласных (§ 6). Примеры: *daп* «день» — *daño* «дня», *strelēt* «стрелять» — *strel'ajacē* «стреляющий», *snör* «шнур» — *snöfostā* «бахрома», *smot-sā* «смеяться» — *smiji-sā* «смеется», *paž* «деньги» — *paža* «денег», *vaika* «город» — *vait'ē* «городу», *draug* «другой» — *draud'ā* «другое», *taixām* «тихом» — *taixē* «тихий», *būtenē* «аисты» — *būt'āп* «аист» и др.

Следует отметить, что чередования согласных охватывают не только славянскую лексику, но и распространились по аналогии на заимствованные слова, например: *emerikā* «царство небесное» (< *Himmelreich*) — *vā emerice* «в царстве небесном», *krig* «война» (*Krieg*) — *vā krize* «на войне».

§ 10. Объем полабского лексикона. В записях полабского языкового материала зафиксировано около 2800 лексических единиц. Значительная их часть отмечается в нескольких грамматических формах, некоторые встретились по одному разу в одной, часто не в начальной форме. Полных парадигм отдельных полноточных слов в полабских записях нет. Есть веские основания считать, что зафиксирован далеко не весь полабский лексикон; записано было, по-видимому, не более половины реально существовавшего лексикона полабского языка периода его распада. Известно, что современные недифференциальные словари говоров включают в славянских языках до 10 000 слов (Супрун 1983, 11); возможно, что и полабский лексикон приближался к объему в несколько тысяч слов.

Следует иметь в виду, что запись полабского материала осуществлялась людьми, не владевшими в полной мере полабским языком, любителями, не имевшими ни заранее разработанной программы сбора лексического материала, ни четких представлений об особенностях полабской словообразовательной системы и грамматического строя.

К числу пропусков в записях полабского лексикона относятся несколько значительных совокупностей слов. Хотя отсутствие отдельного члена такой совокупности необязательно означает пробел в записи, учитывая массовый характер такого рода пропусков, следует допускать, что хотя бы часть соответствующего материала имела в полабском языке, но не нашла отражения в записях.

В записи не были включены многие относительные прилагательные, хотя другие относительные прилагательные такого типа имеются; такой пропуск может быть легко объяснен, если учесть, что в немецком им соответствовали существительные (или равные им части сложных слов); ср. *jisin* «осень» — относительное прилагательное не зафиксировано, хотя для обозначения «зимы» оно известно; аналогично нет прилагательного к слову *gāz* «рожь» при наличии прилагательных к обозначениям «проса» и «ячменя»: *grūsenē*, *jačanē*.

В словарь не попали многие формы субъективной оценки (уменьшительные), хотя аналогичные им формы приведены так, нет уменьшительных к *rap* «пень», *höst* «хвост», хотя зафиксированы уменьшительные *d'üzdek* «гвоздик», *d'ölqbal* «голубок».

Не зафиксированы многие приставочные глаголы, хотя в других случаях приводятся по несколько приставочных образований одного и того же глагольного корня. Например, есть глаголы *lijē* «льет», *dör-lijē* «прольет», *polijē* «нальет», *perlajē* «перельет», *välē* «влить», *voilijē* «выльет», *vāzlē* «возлить», а глагол *sāipē* «сыплет» представлен лишь как бесприставочный.

В некоторых случаях в записи попали производные, а вполне вероятные непроизводные не зафиксированы. Например: *slaiveñā* «слива», *klenüve* «кленовое» или «кленовье» при отсутствии образований без суффиксов.

В ряде случаев в словарях приводится имя действия на **-nije*, но нет ни инфинитива, ни личных форм глагола; в других случаях, напротив, имеется инфинитив или личная форма, но нет потенциально возможного имени действия. Это связано в той или иной степени с тем, что в немецком языке имя действия, инфинитив и форма 3-го л. мн. ч. наст. вр. омонимичны, а потому могли по-разному восприниматься информантами. Например: *airādenē* «упадение» при отсутствии личной формы или инфинитива и т. п.

Можно было бы высказать подобные соображения и по поводу некоторых других групп слов или отдельных слов, но задача реконструкции полабского словаря здесь не ставится, да возможно и вообще постановка такой задачи малопродуктивна: сохранившийся благодаря записям полабский материал может использоваться в сравнениях и в том реальном виде, который дошел до нас, а гипотетические формы вызвали бы неизбежно большие или меньшие сомнения.

§ 11. Праславянское лексическое наследие. В зафиксированном полабском материале представлено свыше 1900 собственно славянских образований, а также около 200 смешанных, включающих заимствованные немецкие морфемы. В этом материале содержится около 1000 славянских корней, большая часть которых (55 %) встретилась только в одном слове. Вместе с тем следует отметить, что значительная часть праславянских корней, которые представлены, например, в словаре Копечного (Копечны 1981), содержащем 1990 словарных статей, в полабском материале не зафиксированы. Таковы, в частности, всеславянские слова: *bedro*, *besēda*, *bēda*, *bogatъ*, *bojъ*, *bolto*, *byкъ*, *bystrъ*, *časъ*, *često*, *dēdъ*, *duxъ*, *elenъ*, *ezero*, *godъ*, *golsъ*, *griva*, *gъrdlo*, *hogbrъ*, *xytrъ*, *jazva*, *kalъ*, *karati*, *kazati*, *klinъ*, *koliko*, *kopati*, *krogъ*, *kupa*, *kъniga*, *kъrmiti*, *ljutъ*, *loviti*, *maxati*, *meсъ*, *mesti*, *mēta*, *mēdъ*, *mēsēсъ*, *milъ*, *mirъ*, *modliti* (se), *mōdrъ*, *mōžъ*, *myslъ*, *mъхъ*, *nevesta*, *orbota*, *orvъnъ*, *ostrъ*, *otъсъ*, *ogъlъ*, *paliti*, *pēna*, *pila*, *plaviti*, *plodъ*, *postъ*, *potъ*, *protivъ*, *puхnōti*, *pustъ*, *raјъ*, *rakъ*, *ređъ*, *ruda*, *silā*, *sokolъ*, *sova*, *stolъ*, *strēxa*, *strojiti*, *svatъ*, *svoboda*, *sъdorvъ*, *sъto*, *šcitъ*, *šipъ*, *šišъka*, *šumъ*, *tajъnъ*, *tēlo*, *tōpъ*, *trava*, *veselъ*, *vēkъ*, *vēra*, *zadъ*, *zakonъ*, *žalъ*, *žila*, *žylъ*.

Часть из этих слов заменена в полабском языке немецкими заимствованиями: *taid* «время», *t'arl* «муж, парень», *daisko* «стол», *būvot* «строить», *kantā* «угол», если в нем не отражена контаминация с **kōtъ* «угол», *mon*, *mond* «месяц», *kraṽad* «рак»; другая часть представлена в записях синонимическими заменами славянского происхождения: *l'ol'ā* «отец», *d'ünā* «кал», *kok vilē* «сколько», *vilē gaiz* «часто» (где второй компонент —

германского происхождения). В некоторых случаях в имеющихся словарях соответствующее понятие просто не представлено («медь», «плод», «рай», «бой» и др.). О части из них допустимо думать, что они функционировали в полабском языке, но не были зафиксированы.

Праславянское лексическое наследие в полабском языке представлено в разнообразных сферах словаря. Довольно значительны группы слов, касающиеся живой природы. Так, в полабских источниках зафиксировано два десятка славянских названий животных (например: *korvo* «корова», *t'ün* «конь», *porša* «поросенок», *zojač* «заяц», *mois* «мышь», *l'av* «лев», *netüpač* «бабочка (непоняты)»), по полтора десятка названий птиц (*sälüv* «соловей», *stjorče* «скворец», *viřal* «орел», *zevognäk* «жаворонок», *gös* «гусь») и насекомых (*sarsin* «шершень», *svorček* «сверчок», *väs* «вошь», *celä* «пчела», *mogve* «муравей»). Было записано по несколько названий рыб (*st'auko* «щука», *plütvaicä* «плотвица», *slid* «сельдь», *vod'ör* «угорь»), пресмыкающихся и других «гадов» (*zmijäk* «вид змеи», *vistäraičä* «ящерица», *carv* «червь», *zobo* «жаба»). Отмечено около пятидесяти названий частей тела, внутренних органов (*joträ* «печень», *plaučä* «легкое», *rebrü* «ребро», *gät* «рот, морда», *vaustä* «рот, губы», *stüpa* «стопа», *lüt'it* «локоть», *brävoi* «брови»).

Представлены в полабском материале и праславянские названия растительного мира: более десятка названий диких и садовых деревьев (*dob* «дуб, дерево», *varbä* «верба», *joblüňä* «яблоня», *slaiveňä* «слива», *laipä* «липа»), около десятка названий кустарников (*bäzenä* «бузина», *smordlainē* «смородина», *molainä* «малина», *lestvaicä* «лещина»), по несколько названий злаков (*viřäs* «овес», *pasinaicä* «пшеница», *prüsü* «просо»), огородных культур (*x'op* «хрен», *ximil* «хмель», *büb* «боб», *gorx* «горох»), травянистых растений (*zilē* «травя (зелье)», *t'üpraivä* «крапива», *dren* «дерн», *gümān* «василек»). Сохранились некоторые названия частей растений: *kjot* «цвет (ок)», *t'ögin* «корень», *kläs* «колос», *stablü* «стебель», *laist* «лист».

Зафиксирован ряд названий продуктов животного и растительного мира, таких как: *med* «мед», *väsk* «воск», *joji* «яйцо», *maši* «мясо», *mläkä* «молоко», *šonü* «сено», *släma* «солома», *smölä* «смола» и др.

Имеется в полабском материале и лексика, отражающая неживую природу. Здесь следует отметить около десятка географических терминов (*d'ögä* «гора», *västrüv* «остров», *brig* «берег», *gekä* «река»), столько же терминов народной метеорологии и астрономии (*däzd* «дождь», *sneg* «снег», *gösä* «роса», *mauňä* «молния», *mäglä* «мгла», *tqco* «туча», *nebü* «небо», *vedgü* «солнце» (ср. *вѣдро*), *gjozdä* «звезда»). Сюда можно отнести и обозначения времени: *dan* «день», *nüs* «ночь», *zaimä* «зима», *l'otü* «лето, год»; названия стихий: *zimä* «земля», *vädä* «вода», *vid'in* «огонь» с примыкающими словами типа *jäskrä* «искра».

däim «дым», *led* «лед», *xläd* «холод», *sjot* «свет», *t'ämä* «тьма»; несколько названий металлов: *zlätä* «золото», *srebrü* «серебро», *zil'ozü* «железо»; некоторые другие названия материалов: *glaino* «глина», *řosäk* «песок», *komoj* «камень».

Зафиксированы общеславянские названия человека (*cläväk* «человек», *l'audai* «люди», *detä* «дитя», *zenä*, *bobo* «женщина, баба»), названия родственников (*vätrük* «сын», *sesträ* «сестра», *vaujä* «дядя по матери» (ср. др.-рус. *уѣ*)), названия некоторых лиц по занятиям (*t'aiřäs* «купец», *řür* «поп»), по различным связям с данным лицом (*sqšodä* «сосед», *d'üst* «гость»), по социальному положению (*vävädä* «воевода») и т. п. Всего около тридцати славянских по происхождению названий лиц.

Определенную часть полабской лексики славянского происхождения составляют обозначения различных предметов материальной культуры (артефактов). Здесь — названия жилища (*düm* «дом», *xaiznä* «хижинные»), его частей (*st'onä* «стена», *vaknü* «окно», *kl'auc* «ключ», *porg* «порог»), других построек (*cart'iv* «церковь», *xlev* «хлев», *vaul* «улей», *vetärnaičä* «ветряная мельница»), оборудования в доме (*pöstil'ä* «постель», *zařodlě* «зеркало», *pic* «печь», *řöd* «под (печи)»), окружения дома (*dör* «двор», *vägord* «сад», *d'aimne* «гумно»), населенного пункта (*vas* «село (стар. весь)»), обработанной земли (*l'ödü*, *naivä*, *gülä* «нива», *boržä* «борозда», *mižä* «межа»), средств транспорта и их частей (*väz* «воз», *sonai* «сани», *t'ölü* «колесо», *vis* «ось», *stäpaicä* «спица»; *caup* «челн», *lüd'ä* «лодка», *veslü* «весло»), дорог (*poř* «путь», *stažä* «тропа» (ср. *стежа*), *möst* «дорога по дамбе»), частей упряжи (*vauzdä* «узда», *jaid'ü* «ярмо» (ср. *уго*)). Сохранилось около двух десятков названий различных орудий, в т. ч. сельскохозяйственных (*groblě* «грабли», *t'ösä* «коса», *bornä* «борона», *vaidläi* «вилы»), ткаческих и прядильных (*krösnä* «кросна», *vritenē* «веретено», *säkodlě* «колесная прялка» (ср. *сукать*, *сучить*), *stipin* «ступенька у колесной прялки»), общих (*lūpotä* «лопата», *set'aiřä* «топор» (ср. *секира*), *jäglä* «игла», *säcit* «щетка», *metlä* «метла», *nüz* «нож», *väslä* «оселок»). В полабских источниках зафиксированы славянские наименования предметов питания (например, *sämätonä* «сметана», *sarötä* «сыворожка», *sär* «сыр», *släd* «солод», *lūj* и *tauk* «жир», *srabonek* «овсяный суп» (ср. диал. *сѣрбатъ*), *t'ösör* «каша», *kos* «квас», *mosko* «масло», *sodlü* «сало», *mokä* «мука»), приправ (*sül* «соль», *pařäč* «перец»), приемов пищи (*vib'od* «обед», *jauzainä* «поздний обед, ужин»), посуды (*coso* «чаша», *gornäk* «горшок», *kod* «кадь», *t'üt'al* «котел», *t'ögäs* «корец»). Сохранены отдельные названия предметов одежды, обуви, туалета (*cgiv* «ботинки», *ploxtä* «скатерть», *gribin* «гребень», *řilenkä* «пеленка»), украшений и игрушек (*porstin* «перстень», *mümaistē* «бусы (монисто)», *mač* «мяч», *jagraičä* «игрушка»; ср. еще *göžgä* «розга»).

Гораздо слабее, чем материальная культура, представлена в сохранившемся материале терминология, связанная с духов-

ной культурой. Ср., однако, названия произведений речевой деятельности (slüvü «слово», ges «речь», jaima «имя», pesen «песня»), некоторых понятий, связанных с религиозными представлениями (büg «бог», grex «грех», müd'alä «могила»), с экономическими отношениями (daug «долг», moite «плата» (ср. мыто)).

Среди глагольной лексики в зафиксированном полабском словаре можно выделить некоторые группы слов. Сравнительно крупными (около десятка слов в каждой) являются группы глаголов движения (ait «идти», bezät «бежать», jezdēt «ездить», skokāt «скакать», stopēt «ступить»), речевой деятельности (ricēt «сказать» (ср. речь), hole «хвалит», grüse «просит», rot «петь», vārijē «ругается (вопит)», lāzes «лжешь», züve «зовет»), приема пищи (jest «есть», pait «пить», sāsē «сосет», t'ausot «кусать», zavāt «жевать»). Имеется до 30 названий трудовых процессов (geza «пилят», sect «косить», moze «мажет», tarē «трет», prādē «прядет», plitot «плести», saje «шьет», tākāt «ткать», mēge «мерить», gāje «роет», vāgāt «пахать» (ср. орать), vlācēt «волочить», mōtoje «мотает», vartē «вертит», straize «стрижет», dūje «доит» и др.). Другие группы глаголов менее внушительны, они включают, как правило, до пяти слов; сюда можно отнести глаголы звучания (paistē «пищит», trobe «трубит», zvanē «звенит», brācē «бренчит»), сна (dremes «дремлешь», sārāt «спать», rūcaivā «отдыхает (почивает)», zevā «зевает»), знания (znot «знать», zobāl-sā «забыл», vaucēt «учить», catē «считает»), боли и лечения (būli «болит», lece «лечит», d'ūje «лечит, заживляет» (ср. бел. гоіць)), некоторых физиологических действий (d'ōixā «дышит», kosle «кашляет», bl'āyā «блюет» и др.), горения (d'ōri-sā «горит», zazāt «сжечь», gosē «гасит»), чувств (l'aibē «любит», būji-sā «боится»), расположения (stove «ставит», klodē «кладет», pōslol «послал»). Имеется и еще ряд праславянских глаголов в сохранившемся полабском словаре. Отметим из них: boit «быть», met «иметь», müzes «можешь», sa «хочу», dot «дать», lijē «льет», sāipe «сыпет», vāst «взять» и др.

Среди прилагательных выделяются группы цвета (b'olē «белый», cornē «черный», carvenē «красный»), оценки (dūbre «хороший», xaudē «плохой», pod'aibne «пагубный», gādo «рада»), размера (vilt'ē «большой» (ср. великий), mole «малый», mole «мелкий»). Можно назвать и еще ряд важных прилагательных, которые, однако, плохо группируются, например: cais-tē «чистый», böse «босой», pod'ē «нагой», kraive «кривой», levā «левая», pravā «правая», tjordā «твердая», taixe «тихий», xrüme «хромой», xōrē «больной (хворый)», nūve «новый», mlādē «молодой», store «старый» и др. Среди наречий выделим группу временных: cerā «вчера», nepā «ныне», dovā «раньше» (ср. стар. даве), rūznū «поздно», gāpā «рано», rūsl'od «после». Праславянское происхождение имеют также анафорические наречия типа tok «так», tom «там», sem «здесь» (ср. сям),

kāk/kok «как» и др. Служебные слова также в значительной части восходят к праславянскому наследию: ai/au «у», rū «по, после», pe/pi «не», zo «за», se «или» (бел. ці, укр. чи), ā «и».

Из праславянского унаследованы местоимения: joz/jo «я» (ср. др.-рус. язъ), tāi «ты», moi «мы», vāp «он», to, to, tū «тот, та, то», mūj «мой», tūj «твой», sūj «свой», so, so, sū «этот, эта, это» (ср. сей), pos «наш», vosā «ваша», kātū «кто», cū «чего» (из *cъso), vis «весь». Форма 2-го л. мн. ч. jai считается восходящей к н.-нем. ji «вы» (Шлейхер, Рост, Лер-Сплавинский, Полянский, Олеш); в одном случае она употреблена с формой глагола во 2-м л. мн. ч.: citē jai «хотите вы?», другой раз с глаголом в претерите в ед. ч. м. р. sārpol jai. В последнем случае Олеш (1983, 284) допускает опущенное окончание мн. ч. — e; но русское словоупотребление показывает широкое использование в просторечии форм ед. ч. при вежливом «вы» типа «вы спал». Нельзя исключить и возможности влияния славянского местоимения *jь (мн. ч. м. р. *ji), отраженного в полабских формах косвенных падежей местоимений 3-го лица: jēg «его» и под.; в этом случае форма могла бы быть калькой вежливого нем. Sie (хотя и Ihr являлось вежливостной формой).

Приведенные праславянские элементы полабского словаря не исчерпывают все праславянское наследие, но демонстрируют основные области, где оно отразилось. Эта лексика относится к широкому кругу явлений жизни полабского крестьянства.

§ 12. **Займствования.** Более 600 слов зафиксированного полабского лексикона (19%) — немецкие заимствования. Часть из них подвергалась лишь фонетическому, но многие и морфологическому освоению (см. Полянский 1962); кроме того, еще около 200 слов, как уже отмечалось, включают немецкие корневые или словообразовательные морфемы. В ряде немецких по корню слов имеются славянские суффиксы: axter-skā «задняя», güld'-onā «позолоченное», būkvait-nē «гречневый», maug-nēk «каменщик»; к ряду немецких слов присоединены славянские префиксы: pri-lid'ot «перестрадать», na-best «наилучший», ai-brükot «употребить», prai-būvāt «пристроить»; имеется несколько сложных слов, составленных из немецких и славянских компонентов: citēr-nordē «четырехугольный», jisín-monđ «сентябрь». Имеется и ряд случаев с немецкими приставками, присоединенными к славянским корням: del-bezē «течет вниз», vex-nūse «уносит», her-gic «выскажи», an-zagē «присматривается», dōg-büst «проколоть (прободать)», to-geze «прирежет».

Примером морфологического усвоения заимствованной лексики могут служить многочисленные глаголы в различных временных и личных формах: brind'ot «нести, принести» (< bring + ot (< *-ati), brind'oje (окончание 3-го л. ед. ч. наст. вр. из *-aje (tž)), brind'ol (окончание м. р. ед. ч. претерита *-alž), brind'ālai (окончание мн. ч. претерита из *-ali), brind'oj (окончание 2-го л. ед. ч. повелит. наклонения из *-aji). Окончания, выражающие падеж, число, род, принимают прилагательные,

тельные и существительные: *emerikā* (из ср.-н.-нем. *hemmelrike*, литературное *Himmelreich*) «царство небесное» — им. п. ед. ч. ж. р. (из *-a), *vā emerice* — местн. п. ед. ч. ж. р. (из *-a); с чередованием предшествующего заднеязычного согласного); *plogo* (из *Plage*) «мука» — им. п. ед. ч. ж. р. (из *-a); *smut'ē* «хороший, прекрасный, вкусный» — им. п. ед. ч. м. р., *smut'ā* — им. п. ед. ч. ср. р. (в сочетании с *vainā* «вино»).

Лишь сравнительно немногие немецкие заимствования не были подвергнуты морфологической обработке. Естественно, это прежде всего неизменяемые слова: союзы *un* (<und) «и», *dox* (<doch) «хотя», частица *ja* «да», наречия *do* (<da) «там», *vise* (<wisse) «конечно», *t'hope* «вместе», *boven* «наверху», *smuk* «хорошо», *gut* «хорошо». Не подверглись морфологическому преобразованию некоторые прилагательные: *brüklik* «нужный», *saḡr* «острый», *utkarunt* «кастрированный», *poi* (<neu) «новый». В ряде случаев вопрос о том, была ли морфологическая адаптация, оказывается нерешенным, поскольку в материале представлены формы, совпадающие с немецкими (например, *junge* «молодой»: является ли *e* отражением немецкого -e или показателем им. п. ед. ч. м. р. из *-ъjъ?). Если бы существительное *dek* «крыша» было представлено только в начальной форме, то можно было бы думать, что оно не подверглось морфологической адаптации; но в материале есть случай местного падежа ед. ч. по *deśā*, который дает основание утверждать, что адаптация произошла.

В различных тематических частях лексикона заимствованная немецкая лексика представлена неравномерно. Согласно данным Б. Шидловской-Цеглёвой, в сфере материальной культуры зафиксировано 376 заимствованных слов из общего количества 1200, т. е. более 29%. В отдельных разделах этой лексики количество заимствований колеблется от 36—34 % для строительства, одежды, оборудования, приготовления пищи, транспорта до 20—24 % для обработки сырья, растениеводства, животноводства, поддержания чистоты (Шидловская 1963, 223—224). Можно отметить, что в сфере немногочисленной лексики, связанной с христианской религией, отмечаются пришедшие, видимо, через иные языки (немецкий, возможно, чешский) латинизмы, грецизмы: *amen* «аминь», *engil*, *ingl'ek* «ангел, ангелок», *t'ifolais* «спасибо тебе, господи» (греч. *Kyrie eleison*), *profetā* «пророк». Старочешский характер имеют по происхождению полабские названия дней недели (Мареш 1962): *nidel'ā* *penidel'ā*, *tōrē*, *sredā*, *sūbōtā*. Многократно обсуждавшееся название *perēdan* «четверг» реконструируют как **Регупъ дьпъ* и допускают кальку с немецкого *Donnerstag* (букв. «день грома»); В. Пизани высказал предположение, что слово это древнее, являющееся пережитком язычества (Пизани 1956). Учитывая культовое значение этого дня, в частности «чистого четверга» (*b'olē perēdan*), к такой точке зрения весьма осторожно склоняется Хейдзянка (Хейдзянка 1974). Название пятницы *skō-*

pē < **skōpъjъ* отражает, видимо, название первично постного дня (сохранилось в сочетании *taucaśē skōpē* под влиянием нем. *stiller Freitag* «страстная пятница», о чем см.: Супрун 1975, 64—65). Значительна доля немецких заимствований среди немногочисленных слов, связанных с военной деятельностью, деньгами, политической и судебной организацией (Радловский 1958).

Распределение нижненемецких заимствований в полабском языке по частям речи таково: 63 % составляют существительные, 20 — глаголы, 11 — прилагательные, 4 — наречия, 1 % — другие части речи.

§ 13. Вопросы семантического анализа полабской лексики. Заслуживает внимания наличие нескольких десятков дублетов, т. е. случаев, когда имеется исконное и заимствованное слово для обозначения одного и того же предмета или явления, например: *vaidlāi* — *gobel* «вилы», *st'ōraip* — *šolkā* «скорлупа», *l'ol'ā* — *fader* «отец» и под. С одной стороны, это связано с динамическим процессом проникновения германизмов в последний период существования полабского языка, а с другой — отражает нормальные для каждого языка синонимические отношения. Вполне допустимо, что слова в таких парах могут отражать определенные оттенки значений. Такие, например, названия рыболовной сети, как *pradenē* и *t'icer*, вполне соотносимы с многочисленными названиями рыболовных снастей в современных славянских языках (ср. хотя бы: *сеть*, *невод*). Иногда можно допустить определенные стилистические оттенки значений, возможные, к примеру, в ряду *vāzdet-sā*, *vāztagnot*, *kled'āt* «одеть (ся), натянуть, надеть», где имеются и семантические различия. Однако, вообще говоря, стилистическое расслоение полабского лексикона остается за пределами возможностей современного языковедения. Дело здесь прежде всего в крайне ограниченном составе дошедших до нас полабских текстов.

При изучении семантики полабских слов необходимо учитывать ряд факторов: а) немецкий или французский эквивалент в источнике; б) значения соответствующего слова в других славянских языках для славянской лексики или — в средненижненемецком языке-источнике для заимствований; в) системные отношения в полабском лексиконе (значения однокоренных слов, наличие и значение слов, составляющих с данным семантическую группу); г) данные об употреблении слова в текстах или фрагментах текстов. Поскольку материалы, дошедшие до нас, дефектны, нередко один или более из названных факторов могут быть учтены лишь частично или вообще не могут быть учтены, так как отсутствует в записи точный немецкий эквивалент, нет примеров словоупотреблений и т. п. (Супрун 1975а).

Слово *gōkā* в полабских источниках выступает большей частью в качестве эквивалента нем. *Hand*, франц. *main*. Хенниг (и де Бокёр) приводит для *Agm* другой эквивалент — *gāta*.

Это же слово приводится у него и у Бокёра как эквивалент нем. *Schulter*, а у Хеннига и как эквивалент *Achsel*. Однако у Парум-Шульце *Schulter* переводится как *plicē (blietz)*. Под словом *Umarpen* «обнимать» находим *vā lõnū vāst* «In den Arm nehmen», а под *Nehmen* — *vā lõnū vāmē* «In den Arm nehmen». Таким образом, на месте *Arm* в этих идиоматических выражениях выступает еще одно слово: *lõnū*, сопоставимое с *лоно*. Слово *gāta* в выражении *rūd gāminām* выступает в статье *Achsel* как эквивалент немецкого выражения «Unter der Achsel» «под мышкой». Для нем. *Elle* «локоть, локтевая кость» Хенниг приводит *lüt'it*, соотносимое с *локоть*; в записях для де Бокёра и у Парум-Шульце это слово выступает как эквивалент нем. *Ell (en) bogen* «локоть». В статье *steuern, stützen* «опираться» у Хеннига приводится выражение *vān stōri-sā sā lūxt'ām* по *daistā* «Er steurt sich mit dem Ellbogen auf dem Tisch» «он опирается локтем о стол». Для обозначения «ладони» (*Handfläche, flache Hand*) Хенниг под словом *Flach* приводит сочетание *dlān gōkā*, которое Лер-Сплавинский и Полянский справедливо считают калькой немецкого выражения *flache Hand*. Однако Хенниг давал *dlān* как эквивалент нем. *flach*, что едва ли точно. Для передачи понятия *flach* «плоский» имеются еще полабские выражения *flōtē* (из н. н. нем. *vlōt*) в выражении *flōtē plater* «мелкая (плоская) тарелка (блюдо)», а также *sānoct'ē* «*flach, seicht*» «мелкий, поверхностный» (оба эти слова — у Хеннига). Вероятно, понимание слова *dlān* как эквивалента нем. *flach* возникло у наблюдателя из обратного разделения полабского выражения, данного информантом для обозначения «ладони», которая по-немецки называется сложным словом или сочетанием, включающим элемент *flach*. Известно полабскому еще слово, соотносимое с *горсть* *gōslē* — в выражении *raupā gōslē* «*Handvoll*» — «горсть». Но более интересно соотносимое с *пять* полабское *pašt*, данное в Копенгагенской рукописи как перевод нем. *Die Hand*, а у Пфеффингера как факультативный наряду с *gōkā* перевод для *La main* «рука», а также как перевод для *Le poingt* (видимо, *poing* «кулак; кисть руки, рука»). Хенниг приводит это слово как перевод для *Faust* «кулак».

Анализ приведенных названий руки и ее частей позволяет сделать некоторые выводы относительно семантики полабских слов. Общим названием руки, соответствующим по объему значения русскому слову *рука*, является слово *gōkā*. Верхняя часть руки (нем. *Arm*) — *gāta*. *Plicē* является, скорее, наименованием плечевого сустава, плеча. Подобно этому *lüt'it* — «локтевой сустав, локоть». Нижняя часть руки, ладонь имеет название *dlān*. Если она согнута и может нечто вмещать — *gōslē* «горсть», если же она вместе с пальцами собрана — *pašt* «пять, кулак». Слово *lõnū* «лоно» выступает во фразеологизме, обозначающем размещение чего-то на верхней части рук. Вполне вероятно, что это значение является вторичным: вопрос о первичном значении слова **lopo* не разрешен окон-

чательно. Таким образом, восстанавливается небольшая лексическая подсистема, соответствующая определенной области явлений внешнего мира. Оказывается, что она в основном соответствует славянской модели членения мира, а не влиявшей на нее немецкой. Возможно, лишь слово *gāta* несколько шире по своему значению, чем в других славянских языках, в чем можно усматривать и влияние нем. *Arm*, являющегося его исконным индоевропейским соответствием. Можно добавить к этому, что в соответствии с данными серболужицких языков основным обозначением «спины» стало слово *grib'āt*, соотносимое с *хребет*, а не, как в польском, *plecy*.

Слово *řottā* представлено у Хеннига как перевод немецкого *dünne* с примером «*dünne Bier*» — *řott'ā raivū* «некрепкое пиво». Слово *řott'ē*, восходящее к праслав. **gědъкъъ*, выступает в одном из своих значений, засвидетельствованных в славянских, в том числе и западнославянских, языках. Антоним к *řott'ē* в памятниках встретился: *gōstā mlākā* «*dicke Milch*», т. е. «густое (жирное) молоко» (Бокёр). В значении «часто» (на слово *oft*) Хенниг привел *Wilereis*, что Полянский читает как *vile raiz* «много раз» (где *raiz* — средненижненемецкое *Reise* «раз»). Хотя *selten* «редкий, редко = не частый» относится к числу высокочастотных, оно не попало в словарь Хеннига, не встретилось оно и в других источниках. Поэтому соответствующее значение просто не представлено в полабских данных, что оставляет открытым вопрос, имело ли *řott'ē* значение «не частый». Имеющиеся данные этому не противоречат. (Другие подобные факты см.: Супрун 1978.)

Семантический анализ дошедшего до нас полабского лексикона свидетельствует о том, что он был довольно разнообразен. Так, Б. Шидловска-Цеглёва подробно осветила полабский лексикон в сфере материальной культуры, продолжив начатую еще в 1933 г. работу Я. Хейдзянки-Пилятовой о лексике льноводства. Здесь освещены такие разделы, как растениеводство, животноводство, приготовление пищи, обработка сырья, строительство, одежда, утварь, элементарная гигиена, транспорт и связь. В работе Радловского о семейных и общественных отношениях полабян по данным их языка имеются разделы: человек, семья, жизнь полабской деревни, городская жизнь, торговля, государственные и политические отношения. Олеш исследовал полабскую христианскую терминологию, названия месяцев. Хейдзянка опубликовала серию статей с характеристикой полабских слов, обозначающих отрезки времени. Следует отметить, что, конечно, заполненность разделов таких лексических классификаций неодинакова. Так, слов, связанных с военным делом, почти нет, мало слов в области юриспруденции, мало слов в области письменности (хотя обозначения для «писать» и «читать» имеются). Слов же, связанных с повседневным сельским бытом, зафиксировано довольно много. Названные разделы не исчерпывают всего полабского лексикона. Можно назвать

раздел лексики, связанный с окружающей средой: ряд обозначений географических, метеорологических объектов. Полабский мужик имел слова для всех тех явлений, с которыми он встречался, если таких слов не хватало (были забыты или не были созданы) в славянском фонде (что едва ли осознавалось), необходимые слова брались из немецкого. Дефекты полабского словаря — это либо пропуски в записях, либо отсутствие необходимости в тех или иных обозначениях в самой жизни. Да той жизни, в рамках которой полабский язык использовался, был вполне достаточным средством общения. Это и отражает сохранившаяся полабская лексика.

§ 14. Лексическая сочетаемость. Лексическая сочетаемость слов — важная часть их характеристики. Это было понятно уже Хеннигу, включившему в свой словарь немало словосочетаний. Благодаря этим записям, а также дошедшим до нас текстам и фрагментам текстов мы имеем определенное представление о лексической сочетаемости в полабском языке. Всего зафиксировано около тысячи парных сочетаний слов.

Рассмотрим для примера полабскую атрибутивную сочетаемость. Всего зафиксировано 490 согласованных (или потенциально согласованных, т. е. таких, в которых имеют место нарушения согласования, не обусловленные семантически) определительных сочетаний. В их состав входят 260 различных определений, 180 из которых встретились по одному разу, а 7 определяют более десяти существительных каждое. Поскольку в словаре Полянского — Зенерта зарегистрировано около 50 прилагательных, причастий и определительных местоимений, можно считать, что половина из них представлена в сочетаниях, далеко не исчерпывающих их сочетательные возможности. Определения получили в зафиксированном материале 240 существительных, что составляет лишь 20 % всех записанных в полабских источниках слов этой части речи. 130 существительных встретились с одним определением, 14 — с более пяти различных определений. Следовательно, валентные свойства полабских существительных известны нам далеко не полно. Вместе с тем некоторые данные о лексической сочетаемости, а также некоторые семантические характеристики, извлекаемые из анализа сочетаемости, могут быть получены из полабских источников (ср.: Супрун, 1973, 1973а, 1975, 1975, 1975б, 1978).

Остановимся подробнее на сочетаемости прилагательного *dübrë*, сочетающегося с 18 существительными. В изолированном виде оно приводится как перевод нем. *gut* «хороший», *köstlich* «превосходный, восхитительный», *wacker* «славный, честный» (Хенниг), но нем. *gut* у Домейера соответствует *smut'ë*, которое выступает у Хеннига как соответствие для *schön* «прекрасный», а в сочетаниях, записанных Пфеффингером, выступает в значении *bohn* «хороший»; то обстоятельство, что франц. *mieux* «лучший» у Пфеффингера переводится полаб-

ским (конечно, заимствованным из нем.) *gut*, а у Хеннига выражение *wackere Frau* переводится как *krospä zepä* (сочетанию *krospä defkä* соответствует *schön Mädchen*), дополняет картину синонимического использования слова *dübrë* и его коррелятов (*gut*, *smut'ë*, *krospä*). Поэтому вопрос об идиоматических немецких (и французских) соответствиях этого слова решается не прямолинейно.

В сочетаниях слову *dübrë* соответствуют немецкие слова *gut* (13 сочетаний), *schön* и *wacker* (по 2 сочетания), французские слова *beau* и *bonn*, а также *joli* «милый, красивый, хорошенький» (все по одному сочетанию). Следует отметить при этом множественность переводов слова в различных источниках. Так, выражение *dübrä defkä* у Пфеффингера переводится как *Une jolie fille*, а в трех немецких словарях через *Mädchen* с разными прилагательными: *gute* (Парум-Шульце), *wacker* (Аноним), *schön* (Малый автограф Хеннига); здесь, видимо, надо говорить о синонимии соответствий, а не об идиоматичности полабского выражения. Выражения *dübrë t'arl* и *dübrä zepä* имеют у Пфеффингера однословные соответствия *heureux* и *heureuse* «счастливый» и «счастливая», а Хенниг дает сочетания *wacker Kerl* и *gute Frau*; последнее находит поддержку и у Парум-Шульце. И в этом случае, пожалуй, не стоит усматривать во французских соответствиях идиоматические соответствия полабским словам, в частности, и потому, что Пфеффингер нередко неточен в своих переводах. Однако то обстоятельство, что выражение *dübrä zepä* встречается в трех источниках, а *dübrä defkä* — в четырех, два из которых независимы, указывает на возможность устойчивости этих, а может быть, и третьего (*dübrë t'arl*) выражения из этой группы.

Еще в пяти случаях словари предлагают однословные соответствия полабским сочетаниям с *dübrë*. *Dübrä püli* дается как соответствие для *Une province* у Пфеффингера и *Une contrée* при издании того же Пфеффингера Эккардом. Представляется, что в этом случае мы имеем конкретный ответ информанта Пфеффингера на вопрос, имевший целью получить общее обозначение местности или страны. Вместо *mestü* или *l'odü* (у Хеннига это переводы нем. *Ort* и *Land*) информант охарактеризовал, видимо, поле, на которое указывал спрашивавший.

Для «фиалки» (*Viole*) Бокёр и Хенниг дают сочетание *dübrë kjot* с пояснением «*schöne Blume*». В принципе подобного рода сочетания, известные в одних языках и диалектах как терминологические обозначения, в других могут выступать как свободные. Как обстоит дело в данном случае, сказать трудно. Не исключено, что здесь мы имеем не регулярное, а окказиональное название фиалки. Примерно такое же положение с выражением *dübrä d'olü*, данным у Хеннига как соответствие нем. *Handwerk* с пояснением: «*quasi gute Arbeit*». Славянские языки знают выражение *доброе дело*, но в ином значении («нравственное дело»).

Иначе, пожалуй, следует подходить к двум другим полабским выражениям с прилагательным *dübrē*, имеющим идиоматические соответствия. Сочетание *dübrē lük* приводится Хеннигом как эквивалент для *glücklich* с пояснением *gut Glück*. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с относительно устойчивым полабским выражением. *Dübrā vedrū* у Пфеффингера выступает с двумя эквивалентами: *Il fait beau* и *Le soleil*; представляется, что в последнем случае имеется очередная неточность во взаимном понимании Пфеффингера и его информанта: информант понял слово «солнце» не как астрономический термин, а как обозначение хорошей погоды. Это тем более возможно, что полабское слово *vedrū* использовалось и для обозначения солнца (Хенниг приводит с примером *vedrū aidē vākārst zīmā* «солнце идет вокруг земли»). Хенниг выражение *dübrā vedrū* дает со значением «helle Wetter, klage Wetter», т. е. «ясная погода», что вполне точно передает, видимо, смысл полабского выражения. Представляется, что в данном случае идиоматические соответствия можно считать отражением реально существовавшего положения с относительно устойчивым полабским выражением.

Серия из четырех словосочетаний типа «добрый день» (*dübrē dan, dübrē vicer, dübrā nūs, dübrā jautrū*), зафиксированная в ряде источников, полностью или по частям, едва ли должна рассматриваться для полабского языка как реализующая специфические, идиоматические значения прилагательного, но несомненно является отражением реально существовавших устойчивых выражений для приветствий. Следует, однако, отметить, что у Пфеффингера записано универсальное (типологически) и у других славян; его фиксируют и другие источники (Бокер, Хенниг, Домейер, Копенгагенский словарь), но Пфеффингер, Эккард, Домейер и Копенгагенский словарь — с переводом «добрый день» (Пфеффингер и — «добрый вечер») наряду с буквальным «помоги, бог», «сохрани, бог».

В эквивалентах сочетаний *dübrā mlākā* и *dübrā glāvā* идиоматично соответствие не прилагательного, а существительного. Первое приводится Хеннигом в составе целого предложения *To zenā mo dübrā mlākā* «Die Frau hat guten Sog». Идиоматичность немецкого соответствия не вызывает для существительного сомнений, но едва ли следует считать такое выражение устойчивым. В другом сочетании существительное переводится у Хеннига и как *Kopf* и как *Ingenium*; последний перевод имеет идиоматический характер. Вполне вероятно, что встречающееся и во многих других языках выражение «хорошая голова» было присуще также полабскому, обладая некоторой устойчивостью и будучи идиоматичным по существительному. Об известной ограниченной устойчивости, но не идиоматичности можно говорить также на основании параллелей в других

славянских языках: *dübrā raivū* «хорошее пиво», *dübrā vainā meste* (м. пад.) «(на) хорошем месте», *dübrē* «хороший отдых (почиванье)».

Данные о лексической сочетаемости в полабском интересны не только в плане описания собственно полабского материала, но и в связи с изучением сочетаемости в других славянских языках. Можно думать, что наличие в полабском некоторых сочетаний имеет особую значимость, поскольку он не испытал тех мощных культурных влияний греческого, латинского, французского, которые характерны для славянских литературных языков. Поэтому идиоматичность полабского сочетания по отношению к немецкому, как правило, свидетельствует об исконно славянском характере такого явления, а наличие его параллели в другом, прямо не связанном славянском диалекте может делать правомерным вопрос о глубокой древности соответствующих фактов.

§ 15. Фразеология. Как следует из предыдущего изложения, определенная часть зафиксированных полабских сочетаний слов представляет собой фразеологизмы. Учитывая крайне недостаточное количество текстов, несовершенство записей и неполноту их, вскрыть не только весь фразеологический состав древнеполабского языка, но и определить принадлежность тех или иных сочетаний к числу фразеологических невозможно без специальных разысканий.

В полабском языке (наряду с восточнославянскими) сохранилось древнее (возможно, индоевропейское, судя по параллелям ему в некоторых иранских языках Памира) выражение, обозначающее выпадение осадков — «дождь/снег идет»: *aidē dāzd/dāzd aidē, aidē sneg*. Интересно, что в полабском языке взамен исконного *aidē* < *jьde(tь) в составе данного выражения возможно использование и заимствованного из немецкого глагола движения *komot* «идти» (< *kommen*): *dāzd ci komot* «es will regnen», «дождь будет идти». Это демонстрирует своеобразную продуктивность в использовании фразеологической модели. Надо сказать, что выражение *дождь идет*, зафиксированное в некоторых древних славянских памятниках (Житие Константина/Кирилла, Моление Даниила Заточника), затем подвергалось гонению по религиозным мотивам и в ряде славянских языков, например в чешском и болгарском, было заменено другими выражениями. Сохранение этого выражения в полабском едва ли не связано с долгим сохранением язычества у полабян (Супрун 1974).

С этим выражением, возможно, следует сопоставить еще некоторые погодные выражения субъектно-глагольной конструкции. Вполне вероятен фразеологический статус выражения *vedrū zagē* «солнце (ср. *вѣдро*) смотрит (ср. *зрит*), т. е. сияет». В меньшей мере фразеологичны, вероятно, выражения *vedrū viznaidi-sā* «погода проходит» (букв. *солнце снисходит*),

vaixâr vartî-să «вихрь вертится». Видимо, не фразеологический характер имела конструкция, интересная четкостью проявления значения слова vedrû «солнце» и использованием глагола, сочетавшегося с названиями дождя и снега: vedrû aidě vâkârst zîmă «солнце идет вокруг земли».

Из других субъектно-глагольных конструкций некоторой устойчивостью обладали, возможно, такие выражения: lekâr lēcě «лекарь лечит», slēpse rûjā «петухи поют».

К древнему слою фразеологизмов, сохранившемуся в полабском языке, относятся, возможно, некоторые глагольно-объектные сочетания типа raivû vorēt «пиво варить», rajē raivû «пьёт пиво», rûjē pesnai «поет песни», l'ân sâdargnōt «лен дергать», l'ân gāvāt «лен рвать», vauno straižē «шерсть стрижет», drāvā seca «дрова секу», jest vorē «есть варит», posē vice «пасет овец». На это может указывать наличие аналогичных конструкций в других славянских языках, например в русском: *пить пиво, петь песни, дергать лен, стричь овец, варить есть*, наличие сложных слов, образованных на базе таких сочетаний: *дровосек, пивовар* и т. п. Материал не позволяет решить на внутриполабском материале ни вопросы устойчивости сочетаний, ни вопросы идиоматичности слов в таких сочетаниях (Супрун 1969).

Вместе с тем можно думать, что и некоторые более новые сочетания слов, образованные по этой грамматической, а иногда и семантической модели, имели фразеологический характер. Таковы, например, сочетания st'aibq pîct «хлеб печь», sause gōce «вытирает (калька с нем., букв. *сушит*) руки», zilē sect «косить траву». Некоторые выражения этой модели имеют скорее всего устойчивый характер, но трудно определить время их возникновения или фразеологизации: drāvā geza «дрова пилю (режу)», stepā drāvā «делает щепки (букв. *щепит дрова*)», vqs vistraizē «бороду острижет», gōce moit «руки мыть», vor t'ösör «вари кашу».

Ряд атрибутивных согласованных (потенциально согласованных) сочетаний имел фразеологический характер. Так, видимо, устойчивый характер имело выражение vilt'ē sjōtū «большой праздник» (ср. бел. *вялікае свята*), vilt'ē polās «большой палец», molē polās «маленький палец»; любопытна фиксация сочетания vilt'ā būkvoi в значении «библия», а mola būkvoi в значении «Gesangbuch — книга (духовных) песен». Идиоматический характер имело сочетание taucase skore «страстная пятница» (букв. *молчащая пятница*) (см.: Супрун 1975, 1975б). Возможно, фразеологический характер имели некоторые атрибутивные сочетания — названия видов растений и животных: blant'ā zauzalaičā «светлячок», gaistē t'ünēk «кузнечик» (букв. *прыгающий коник*), bāzenā grausvoi «бузина», название времени года greñā zaimā «осень» (букв. *первая зима*), пищевого продукта ingelsē friso «лучший голландский (букв. *английский*) сыр». Имеются некоторые калькированные выражения, происходящие из религиозных источников, которые, коль скоро

они употреблялись относительно постоянно, имели характер фразеологизмов: jadān jidainē vātrūk «один-единственный сын», navoisā dūbrā «высшее благо (добро)», vit visokāg xaudāg «от всего худого». Можно было бы назвать и еще ряд атрибутивных сочетаний фразеологического характера (некоторые из них с элементом dūbrē названы в § 14).

В сохранившемся полабском лингвистическом материале имеется несколько выражений различной грамматической формы, которые также могут рассматриваться как фразеологические в связи со связанностью значений или с предполагаемой устойчивостью этих выражений в функционировании. К этой группе фразеологизмов относится несколько выражений религиозного происхождения, калек с немецкого: draiz/drauz būg bože (Полянский 1959). Калькированный характер имели, видимо, вопросительные формулы kok vilē «сколько?», kok voisek «как высоко?», kok dolēk «как далеко?», kok aidē tē «как у тебя дела?» (букв. *как идет тебе?*). Выражения zojautrā gānū «завтра рано» и gānū jautrū «рано утром», возможно, также представляют собой кальки немецкого morgen früh. Это с известной долей вероятности относится и к выражению pūd sem «поди сюда» (ср. *komm her*). Славянский характер по происхождению имели, видимо, выражения, содержавшие повторение компонента draug: draug draugau (drauzēt) «друг другу (дружить = помочь)», draug gegen draugā «друг против друга» (несмотря на явно заимствованный характер gegen «против»; ср. нем. *gegeneinander*, букв. *один против другого*). Возможно, к старому исконному фонду относятся такие сочетания, как tok kāk «так как», tok se tok «так или иначе», sem ā tom «там и сям», но не исключено в этих случаях и калькирование соответствующих немецких выражений.

Изучение полабской фразеологии, начатое за последние десятилетия, представляет интерес как в плане восстановления реальной картины последнего этапа функционирования полабско-древянского языка, так и в некоторых теоретических отношениях для славянской и общей фразеологии, в частности в связи с определенной изолированностью полабского языка, точнее, одноканальностью прохождения на него внешних влияний, с одной стороны, и необработанностью его — с другой.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 16. Вводные замечания. Пополнение полабского словаря осуществлялось как путем заимствования из других языков, главным образом из окружающих средненижненемецких говоров, так и путем образования новых слов. В полабском языке продолжены те пути образования новых слов, которые существовали в праславянском, а также использовались некоторые

немецкие словообразовательные модели. Активность словообразовательных средств в полабском языке выявляется с одной стороны, наличием ряда одинаковым способом образованных слов, а с другой — наличием «смешанных» слов, образованных из славянских и немецких морфем, так как такое соединение различных по происхождению морфем относится естественно, к позднему периоду функционирования полабского языка. Недостаточное количество материала не всегда позволяет обнаружить разновидности путей образования новых слов.

§ 17. Образование существительных мужского рода. Основным средством словообразования существительных в полабском языке являлась суффиксация. Активно функционировали в полабском в последний период его существования не очень многие словообразовательные суффиксы.

Среди существительных мужского рода самую крупную группу (около 50 слов) составляют слова, в которых выделяется финаль *-ek* (из **-ikъ*). Большей частью финальное *-ek* отражает суффикс *-ek*, но иногда, возможно, в полабском функционировал суффикс *-nek* с *-n-*, отвлеченным от прилагательных, в некоторых случаях под этот суффикс подведены существительные, образовавшиеся первично иными способами (ср. *klübek* < **klobukъ* «шапка», *modék* < с.-н.-нем. *maddik* «дождевой червяк», *merék* < с.-н.-нем. *marrek*, *marrik* (Meerretich) «хрен»).

В группе слов, обозначающих конкретные предметы, суффикс *-ek* придает уменьшительное значение: *d'üzdek* «гвоздик», *ku(v)elék* «шарик», *t'ütlék* «маленький котел», *platerék* «блюде». В слове *x'audék* «смычок» следует отметить, что суффиксальное образование соотносится с одним из двух значений производящего: *x'aud* «кнут», «смычок». В слове *rolék* «деревянный гвоздик» первичная уменьшительность дала уже качественное преобразование значения: *rol* означало «кол». Во всех этих случаях зафиксированы и соответствующие слова без суффикса *-ek*. Таким образом, можно утверждать, что суффикс присоединялся к основам существительных. Под эту модель было подведено суффиксированное заимствование *ladék* «член», соотносимое со с.-н.-нем. *lede-mate* «член». Такую же модель имеют несколько наименований мелких животных: *strezék* (как и *strez*) «крапивник», *vogblék* «воробей», *godék* «червяк» (при *god* «змея»), *t'ünék* «кузнечик» (ср. укр., рус. диал. *коник*, бел. *конік* «то же»), *t'atrek* «щенок» (из с.-н.-нем. *koter*). Эти названия животных образованы по той же модели, что и приведенные ранее обозначения малых предметов: на базе соответствующих существительных без суффиксов. Под эту модель подведено, видимо, и название хорька: *ilék/ilkă* из с.-н.-нем. *ilk(e)* (Олеш 1983, 365). Эта же модель послужила для образования нескольких названий лиц: *klavgék* «маленький мальчик» (при *klavâg* «парень, мальчик» (< с.-н.-нем. *klover*

«слуга, парень, мальчик»), *zäték* «жених» (при *zät* «зять»); ср. *inglêk* «ангелочек» (из нем. *Engel* «ангел» > полаб. *engil* или *end'il*).

Слово *svorcék* (*svargcék*) «сверчок» относится к числу унаследованных полабским языком славянских слов; трудно судить, сохранилась ли здесь соотносительность с глагольной основой, так как в таком виде она не представлена (как и в виде, ожидаемом для другого обозначения того же насекомого *čírkos* < *číkaś*). Другое отглагольное существительное на *-ek* — это слово *d'üjék* < **gojikъ*, соотносимое с глаголом **goji* (ть) > *d'üji* «лечит». Поскольку аналогичные слова засвидетельствованы и в других западнославянских языках (поморск. *gčojk* «знахарь», польск. диал. *goik* «целебное растение», старочешск. фамилия *Hojik*), можно думать, что и это слово унаследовано полабским. Третье слово на *-ek*, которое соотносят с глаголом, — это одно из названий ястреба, засвидетельствованное только в одном словаре (Wendische Vocabuln) в форме *Dofik*. Его транскрибируют как *dovék* и соотносят с глаголом *dovē* «давит». Рост, а затем Олеш привели нижненемецкие названия хищных птиц типа *Würger* (букв. *душителъ, убийца*) от глагола *würgen* «давить, душить»; в связи с этим Олеш допускает возможность калькирования немецкого слова в полабском языке. Семантически это не исключено, но в словообразовательном отношении не слишком доказательно, ибо отглагольная модель образования слов на *-ek* ограничена немногими примерами, имеющими к тому же унаследованный характер. Ср. другое полабское название ястреба в другом полабском словаре, адресованном де Бокёру и представляющем собой, по сути дела, вариант того, где приведена форма *Dofik*: *Oofka*. Это слово транскрибируют как *ofkă* и возводят к с.-н.-нем. *havek*, *hafke* (Олеш, 1983, 705). Вполне допустимо, что *Dofik* возникло в результате неверного прочтения *Oofka* и сводится к варианту того же заимствования (как и приведенное уже *ilék/ilkă*, засвидетельствованное в тех же источниках).

Еще одно существительное на *-ek* возводится к праславянскому: *storék* < **starikъ*, где оно образовано от основы прилагательного **starъ* с суффиксом **-ikъ*. В полабском языке еще 21 название лиц на *-ek*, а также 1 название птицы и 8 названий предметов, но во всех этих словах суффиксу *-ek* предшествует *-n-*. Названия лиц на *-nek* в основном обозначают лиц по отношению к занятию, профессии. Для некоторых из них (*traivnek* «дружка», *vainek* «виновник», *plätiniek* «торговец льном, полотном», а также *zimnek* «земляной чертик») зафиксированы соответствующие прилагательные с суффиксом *-n-*, от которых образованы эти существительные (*traivne* «свадебный», *vaine* «виновный», *plätnepe* «льняной, полотняный», *zimpe* «земная»). В других случаях зафиксированы лишь существительные, от которых могли быть образованы прилагательные на *-n-*, но сами прилагательные до нас не дошли (или не были образованы):

plostněk «владелец земельного участка (plot)», raibněk «рыболов» (raibo «рыба»), trāstněk «гребенщик» (trāst «гребень»), salinėk «мастер по упряжи» (sal'ā «шлея»), vākninėk «оконщик» (vāknū «окно»), crivněk «сапожник» (criv «ботинок»), rodněk «советник» (rod «совет»), gloznēk «стекольщик» (glozo «стекло»), pōlūvnēk «владелец половины участка земли (Hufe)» (pōl «половина»), maurněk «каменщик» (mauro «стена»). Сюда приближается klūbaucněk «шапочник» при klūboičnā «шапочная мастерская» (ср. *клобук*). Слово sāklinēk «стекольщик» связано со славянским названием стекла — *styklo, не зафиксированным в полабском языке. Название мелкого сельского чиновника vesněk образовано, по словам Хеннига (Олеш 1959, 194), от vesenē «крик», так как, приезжая в деревню, такой чиновник (Hausvoigt) криком собирал крестьян. Словообразовательно это не вполне ясно, так как vesenē — отглагольное имя (ср. *vesē* < *vētje «кричит»). Слова svenēk «свинопас» и malněk «мельник» (ср. *malnaičā* «мельница») возникли в результате взаимодействия славянских и немецких основ: ср. с. -н. -нем. svēp «свинья» и malen «молоть», а потому *n* в них — не часть прилагательного, а либо часть основы, либо часть уже соединенного с *-n-* суффикса *-něk*. В слове postarnēk «пастух» произошло соединение более старого *pastyгь с новым суффиксом *-něk*. В слове d'ōgconēk «горный дух» суффиксальное оформление также вторично; форма множественного числа d'ōgconi предполагает промежуточный этап *gogъcane (Полянский — Зенерт) или название детеныша с *-ē > -a по типу *дитенок, ребенок*. Видеть здесь суффиксальное образование с суффиксом *-janikъ от d'ōgkā «горка» (Лер-Сплавинский и Полянский 1962, 139) затруднительно, так как, во-первых, это был бы единственный случай использования этого суффикса, а во-вторых, слово соотносится не с d'ōgkā «горка»; обычно о горках земли, набросанных кротом, когда они имеют форму маленькой горы» (Хенниг), а с d'ōgā «гора».

Названия предметов (и птицы) на *-něk* имеют в половине случаев зафиксированные полабские прилагательные на *-n-*. Из праславянского унаследованы имеющие общеславянское распространение слова svesněk (< *světjъnikъ) «подсвечник» и rōspněk (< *rōkъnikъ) «полотенце» (последнее неизвестно в серболужицких языках). Эти слова образованы в праславянском с агентивным (инструментальным) значением от прилагательных на *-ъn-* при помощи суффикса *-ikъ. В полабском имеется прилагательное rōspnē «ручной», но не зафиксировано прилагательное от svescā.

Три из существительных на *-něk* соотносятся с названиями сельскохозяйственных растений, но имеют разные значения: jāsane «птица-овсяница», grūsinēk «каша из проса», gūd'ūznēk «тростниковое просо»; два первых соотносятся с прилагательными jāsane «ячменный», grūsenē «просяной», для последнего прилагательное не засвидетельствовано, а существительное

gūd'ūzā имеет значение «рогоз». Существительное mlāsenēk «молоки» связано с прилагательным mlāsenē «молочный». Существительное seninėk «июль» соотносится с прилагательным senenā «сенное» и представляет собой кальку немецкого народного названия июля Neumond. Слово globalněk «сверло» соотносится с названием грабель — groblē; аналогично образуется название столярного сверла в верхнелужицком grabjownik, словенском grābeljnik. Наконец, существительное sgrabonēk «похлебка» соотносилось, видимо, с незафиксированным причастием *sgrabonē от глагола *sgr̥bati «хлебать». Общим значением этих существительных следует, видимо, признать «предмет, так или иначе связанный с прилагательным». Способ этой связи в полабском не был четко установлен; более характерными были существительные на *-něk*, обозначающие лиц.

Три десятка слов с суффиксом *-āk* так же, как и слова с суффиксом *-ēk*, неоднородны. Такие слова, как b'olāk «белок», mesāk «мешок», d'olōbāk «голубок», zevognāk «жаворонок», saunāk «челнок», varšāk «вершок», vōtāk «уток», rōsāk «песок», klōbāk «клубок», принадлежат к праславянскому, а carmāk «желток», gognāk «горшок», vōbōrāk «ведро» — к западнославянскому наследию. Слово clāvāk «человек» подведено под эту модель вторично. В некоторых словах суффикс *-āk* возводится к старому *-bъkъ и *-tъkъ и выступает в деминутивной и/или ласкательной функции: t'icerāk «корзинка», platerāk «тарелочка», brotacāk «братик», būzacāk «боженька», vātrūcāk «сынчик» (vātrūk < *otrokъ «сын»), klāt'olāk «колокольчик», dōbāk «дубок», vālāk «вол», serāk «палка» (не исключено, что в последних случаях первично был суффикс *-ikъ > -ēk, а также, что некоторые из них восходят к дополабскому этапу; ср., например, укр. *цiнок* «палка», рус. *дубок* и под.). В случае zaivātāk (< *životъkъ) «сердце» первичное деминутивное значение затемнено другим значением. В двух словах *-āk* входит в состав конфикса вместе с префиксом *prid-* и образует названия приемов пищи: pridjauzināk «малый обед; еда перед обедом», pridserāk «еда перед ужином» (ср. еще с иным вторым членом конфикса: pridēbedē < *perdobēdyje «завтрак»). В случае daivāk «олень» *-āk* возводится к праслав. *-akъ, а общее значение дикого животного (ср. в н. -луж. žiwjak «дикий кабан») в конкретном древянском диалекте было специализировано. Не совсем ясен семантико-словообразовательный облик vāsāk «оса» (Шульце). Не следует ли видеть здесь экспрессивное образование вроде бел. *асака* в фразеологизме «асакою лезці ў вочы»?

Три десятка слов содержат в себе суффикс *-ās*, отражающий старые суффиксы *-ъсь и *-ась. Часть этих слов унаследована: zribās «годовалый некастрированный или кастрированный самец лошади», brotās «братец», somās «самец», polās «палец», nemās «лицо более высокого, чем крестьянское, положения» (конечно, из *němъсь «немец»), rātinās «птица, воробей, зяблик», jaunās «теленка, бычок», t'airās «купец», t'ōgās «корень,

кружка», *staudinās* «колодец», *t'ünās* «конец» — с суффиксом **-ьсь*, *tākās* «ткач» — с суффиксом **-аць*. Возможно, к старой лексике относятся и слова *slepās* «петух», *ħaudās* и *ħögās* «черт», *zegovās* «жар», *trāstinās* «камыш», *perezās* «вепрь» (ср. *кно-роз*), *tūvorās* «коврик», *vāstās* «чертополох» (ср. *ость*), *kosās* «дрожжи» (ср. *квасец*, *закваска*); ср. *būzās* «бог», *danās* «день» (видимо, деминутивы). Продуктивность модели подтверждается наличием нескольких новообразований с немецкими основами: *bikās* «скворец», *tohlās* «волшебник», *flaitās* «птица *Grasmücke*»; *t'ūsās* «кусочек хлеба», *stavās* «помещение для сушки льна» (в последних двух словах не исключены контаминации со славянскими, как и в *st'aiplās* «пасынок», реконструируемом Полянским как **skupl'ьсь*, нельзя исключить контаминацию с немецким элементом, ставшим первой частью слова *stefl'olā* «отчим»).

Среди существительных мужского рода в полабском языке зафиксировано полтора десятка слов на *-kā*, в том числе образованных в позднее время. Это, во-первых, несколько слов с заимствованными корнями: *gamkā* «козел, баран» (от *gam*), *sōnkā* (от *sonē*) наряду с исконным *sāinkā* «сын», *Mixelkā*, *Anskā* (формы имен личных). Это, во-вторых, ряд названий лиц по деятельности, образуемых от глагольных основ с суффиксом *-aikā* (< **-ika*), например: *tācaikā* «ткач», *tribaikā* «теребильщик», *rajaikā* «пьяница», *klanaikā* «тот, кто много ругается (клянет)», *bezaikā* «бегун»; ср. также: *skocaikā* «жеребец» (ср. *скакун*), *tvorzaikā* «приведение» (от н.-нем. *twarg* «призрак»). Образования на *-aikā* являются специфически полабскими.

Среди существительных отмечается ряд слов на *-r* с различными предшествующими гласными: *gošār* «пастух гусей», *šarār* «пастух», *šiper* «шкипер», *bard'ir* «бюргер» и др. Большей частью это слова заимствованные; связь с другими основами осознавалась, вполне вероятно, не всегда (ср. *pušār* *vosiv* «цирюльник» и *puskāt* «брить», но нет параллелей для *bard'ir*, *tohlār* «волшебник» и др.).

§ 18. Образование существительных женского рода. Наибольшую словообразовательную группу среди слов женского рода составляют существительные с финалью *-kā*. Их около шести десятков. Словообразовательная активность этой группы выявляется десятком слов на *-kā* и заимствованными корнями. Наиболее продуктивны образования двух типов. Во-первых, это деминутивы: *flāškā* «бутылка», *šolkā* «сосуд, чашка» (ср. *sol'o* «сосуд, чашка» < *Schale*), *paškā* «колбаса», *strotkā* «петурия» (ср. *stroto* «улица»), *torŋkā* «башенка» (*torŋ* «башня», *pātinackā* «птичка», *vauckā* наряду с *vauk* «волк», *zorkā* «жаба», *t'östkā* «косточка», *gjoŋtkā* «звездочка». Часть этих слов, вполне вероятно, — праславянское или западнославянское наследию, как два последних или *deikā* «девка», *borkā* «бабка».

glāfkā «головка (булавки)», *krauskā* «кружка», *laisaickā* «лисица», *t'übalkā* «кобылка», *d'otkā* «детка» и др. В некоторых случаях произошли семантические изменения старых деминутивов: *goŋskā* «вид булочки» (известно в таком значении почти во всех славянских языках, в т. ч. в белорусских говорах), *moŋko/moskā* «сливочное масло», *motkā* «сука», *paist'olkā* < **piščalkā* «свисток». Во-вторых, ряд слов на *-kā* — это фемининативы (названия лиц и животных женского пола): *vaujefkā* «тетя по матери» (ср. *vaujā* «дядя по матери»), *strājefkā* «тетя по отцу» (ср. *strājā* «дядя по отцу»); ср. *nemt'ainkā* (< **němkupŋka*; при *nemās*) «девушка более высокого, чем крестьянского, положения». К ним примыкают несколько слов на *-skā*: *brüderskā* «нищенка», *tohlārskā* «ведьма», *erskā* «госпожа» (от *er* < *Her* «господин»), *lasterārskā* «клеветница». Несколько слов имеет суффикс *-aikā* (< **-ika*): *regaikā* «прачка», *tūcaikā* «крот».

Около пятидесяти слов женского рода имеют финаль *-aičā* (< **-ica*). В нее входит несколько, видимо, еще праславянских названий растений: *paŋaičā* «пшеница», *carŋaičā* «черника», *saŋaičā* «земляника» (ср. *суница*), *zogaŋaičā* «крапива» (ср. рус. диал. *жегучка*), *vaiŋaičā* «виноградник», *lestevaŋaičā* «лещина». К старому слою относятся и названия ряда представителей животного мира: *paŋavaŋaičā* «пиявка», *viŋaraŋaičā* «ящерица» (*v* — протетическое), *slepaŋaičā* «курица», *plūtvaŋaičā* «плотва», *laisaŋaičā* «лисица», *lostovaŋaičā* «ласточка», *somaŋaičā* «самка», *jolūvaŋaičā* «яловица», *zauzālaŋaičā* «жужелица», *zribaŋaičā* «жеребица»; ср. еще: *pāstraŋaičā* «(пестрая) гадюка», *poŋkavaŋaičā* «жерлянка (вид жабы)», *stenaŋaičā* «клоп». Группа слов на *-aičā* обозначает приборы: *raŋdlaŋaičā* «рало», *paŋaŋaičā* «стиральная доска», *stāpaŋaičā* «спица», *saitnaŋaičā* «игла» (от *saitnā* «швейная»). Ряд слов обозначает помещения и территории: *doŋbaŋaičā* «дубняк», *laistnaŋaičā* «лиственный шалаш», *pekaŋnaŋaičā* «пекарня», *t'auxaŋnaŋaičā* «кухня», *vetānaŋaičā* «ветряная мельница», *pātinŋnaŋaičā* «клетка для птиц», *carŋkvaŋaičā* «маленькая церковь». О продуктивности образований на *-aičā* свидетельствуют образования на базе немецких корней: *doŋnaŋaičā* «крещение», *šoŋaŋaičā* «проститутка» (ср. *pūreŋaičā* «попадья»), *šoŋnaŋaičā* «смазочная коробка», *klaibāstaŋaičā* «булавка»; ср. также *malnaŋaičā* «мельница», соотносимое с нем. корнем, но, вероятно, контаминированное с исконным.

Сравнительно невелика группа слов на *-ainā*; сюда относятся унаследованные слова *molainā* «малина», *poŋaŋainā* «паутина», *lāisainā* «лысина», *pūvainā* «новина», *viŋainā* «осина», *sācitainā* «щетина», но имеются и новые, образованные на базе заимствованных корней: *piŋainā* «моча», *krōraŋainā* «лучина».

§ 19. Образование существительных среднего рода. Существительные среднего рода в словообразовательном отношении представлены двумя относительно продуктивными моделями. Это, во-первых, несколько слов на *-aiŋtē* (< **-iŋŋe*), в том

числе: *postvaistē* «пастбище», *gordaistē* «городище», *spodān-caistē* «древко лопаты». Последнее с корнем н.-нем. *spoden* «лопата». Это, во-вторых, несколько десятков отглагольных существительных на *-nē*, дат. п. на *-ñē* (< **-nije*). То, что в материале имеется более десятка таких слов от немецких по происхождению глаголов (например: *būvoñē* «строительство», *dīnoñē* «служение», *frijoñē* «женитьба», *vartūvone* «хозяйствование», *godenē* «правление», *farsūkoñē* «искушение»), подтверждает словообразовательную активность этой модели в полабском языке вплоть до последнего периода его развития.

§ 20. Суффиксальное словообразование прилагательных и наречий. Наибольшую словообразовательную группу прилагательных составляют в полабском языке относительные прилагательные на *-n/-en/-ān-*. В числе сотни слов, составляющих данную группу, имеется около двух — трех десятков прилагательных, унаследованных из праславянского. Это слова: *gōspnē* «ручной», *taucpnē* «тучный», *varxpñē* «верхний», *vernē* «верный (правильный)», *lesnē* «лесной», *krōspñā* «красивая», *slānā* «соленое», *raupnē* «полный», *grūznē* «страшный», *sridnē* «средний», *zaimpnā* «зимняя», *zimpnā* «земная», *vignpnē* «огненный», *cornē* «черный», *carvenē* «красный», *xlādenē* «холодный», *pūsapnē* «ночной», *stilenā* «стельная», ср. и сложное *somūd'olne* «самодельный». Определенную часть этой группы составляют названия признаков по отношению к материалу: *jāspnē* «ячменный», *grūspnē* «просяной», *vivaspnē* «овсяный», *sribarnē* «серебряный», *zil'oznē* «железный», *drivenā* «деревянная», *vaupnā* «шерстяная», *mōspnā* «мучное», *vādenā* «водяная», *senpnā* «сенное», *rosaspnē* «песочный», *mlāspnē* «молочный». Достаточно старыми являются и некоторые другие слова этой группы, хотя точно установить время их появления затруднительно: *zapaīspnē* «жнивные», *st'ūtāpnē* «скотный (букв. *скотинный*)», *lūjpñā* «сальная», *gnūjpñā* «навозные» (ср. *гной*), *sedlenē* «сдельный», *laistnē* «лиственный». Некоторые слова относятся к полабскому периоду, хотя образованы и на базе общеславянских корней, так как соответствующее значение исходного существительного характерно именно для полабского: *vizenē* «домашний», *bāzenā* «бузиновые», отмечаются и собственно полабские образования с преобразованными в полабском основании: *t'ōsāpnē* «из каши», *dāpnē* «сегодняшний». Продуктивность модели прилагательных на *-n/-en-* подтверждается десятком образований на базе немецких корней: *aitpnā* «отцовская», *svefelpñā* «серная», *būkvaitnē* «гречневый», *smāspñā* «вкусная», *mōgainā* «Маринна» и др. Видимо, под этот тип подвопились некоторые немецкие заимствованные прилагательные, в которых *n* было элементом немецкой основы: *grōpnē* «зеленый», *degpnē* «подходящий», *d'āspnē* «запряженный». Одним из показателей активности модели в образовании прилагательных являются случаи с повторным наращением *-en-* на адъективную основу, образованную уже при помощи *-n-*: *vivaspnē* «овся-

ный», *māspnē* «мясной», *porspñā* «пылевое» (ср. *порох*). По сравнению с образованиями на *-n-* другие словообразовательные модели прилагательных представлены беднее, однако наличие среди них смешанных немецко-славянских образований свидетельствует об известной их продуктивности. Так, имеется несколько образований на *-ūv-*: *jolūvā* «яловая», *vālūvē* «волобий» и *kolūvē* «капустный», *vartūvē* «хозяйский», *tortūvā* «турецкое»; ср. *šargev* «пастуший», *malnait'ūv* «мельников».

Несколько прилагательных было образовано с суффиксами *-ostē* (< **-ast-ō-jb*): *krūsostē* «курчавый», *fol'ostē* «блеклый», *-otē* (< **-atōjb*): *rikotā* «богатая», *falsuvotā* «фальшивая», *kraidlotē* «крылатый», *varxūvotā* «насыпанная с верхом» и др.

Из продуктивных способов образования наречий следует отметить, видимо, образования от прилагательных с суффиксом *-ū* (< **-o*): *hotnū* «вправо» (слово для отгона скота из н.-нем. *hot*), *zaimnū* «холодно» и некоторые другие.

§ 21. Суффиксальное образование глаголов. В глагольной лексике полабского языка по суффиксальному оформлению сравнительно четко выделяется две группы слов. Одна из них включает три с половиной десятка глаголов на *-n-* (в инфинитиве) и *-ne-* (в презенсе); она восходит к глаголам с однократным суффиксом **-n-* и включает только славянские по происхождению глаголы, например: *zomāknē* «замкнет», *skokpnē* «прыгнет» (ср. *скакнуть*), *marznē* «мерзнет», *tagnōt* «тянуть», *dvaignōt* «поднять» (ср. *двинуть*), *krōdnē* «ворует» (ср. *крадет*), *vātāknōt* «воткнуть» и др. Другая группа — это глаголы на *-o/-ā-* в инфинитиве и *-oj-* в презенсе. В эту группу наряду с рядом исконных образований (например: *znōt/znōjē* «знать», *vōsāt/vōsojē* «пахнуть») входят многие (свыше 30) заимствованные из нижненемецкого глаголы, что свидетельствует о продуктивности этого глагольного класса. Например: *šrib'ot/srib'ot/šrib'ojē/srib'ojē* «писать», *bringot/bringojē* «приносить», *fūdrāt/fūdrojē* «кормить», *denkot/denkojē* «думать», *t'odrāt/t'odrojē* «говорить, болтать» и др.

§ 22. Префиксальное образование глаголов. Регулярно представлено в полабском лексическом материале глагольное префиксальное словообразование. Наиболее активными префиксами как вообще, так и при образовании глаголов на базе заимствованных корней показывают себя префиксы *vo-* (< **-vu*) и *ai-* (< **-u*): *voilūmēt* «выломить», *voipūcaivāt* «отдохнуть», *voitūpāt* «вытопить», *voivlāct* «извлечь, вытащить», *voitarē* «вытрет», *voisāsē* «высочет»; *voikled'āt* «одеть», *voidenkā* «придумает, выдумает», *voilōsāt* «погасить»; *aibezāt* «убеждать», *aisāct* «скосить», *aitūpi-sā* «утопится», *aibrūkot* «использовать», *aišopāl* «создал».

С префиксом *pū-/pē-* (< **-po-*) зафиксировано два десятка глагольных корней, но интересно то, что среди них нет ни одного заимствования: *pūtesāt* «успокаивать (детей)», ср. *потешать*;

pūzarāt «посмотреть» (ср. зреть), pēslausāt «послушать» и др.; можно предположить, судя по семантическим изменениям, что префикс этот в полабском отражался в унаследованных словах, а в новообразованиях активно не участвовал. Это касается, видимо, и префикса *no-/nā-* (<*na-), зафиксированного с десятком исконных корней, но не отмеченного с немецкими по происхождению глагольными корнями: *posāl* «начал», *polijē* «нальёт», *ponūsē* «наносит» («Auftragen»), *napūvode* «запряжет» («aufspannen»). С несколькими, но только исконными глагольными корнями отмечен также префикс *rüz-/rūs-* (<*orz-): *rüzdele* «разделит», *rüzzenē* «разгонит», *rüsskoknē* «расскажаться» («von einander gesprungen»).

К продуктивным могут быть отнесены префиксы, встретившиеся с 5—15 исконными глагольными корнями и хотя бы с одним заимствованным: *vi-/vėb-* (<*o(b)), *vāz-/vās-* (<*vǝz-), *vā-/vė-* (<*vǝ-), *sā-/s-* (<*sǝ-), *prai-* (<*pri-), *zo-* (<*za-), *per-/pri-* (<*per-), *viz-/vis-* (<*jbz-). Примеры: *vizaz* (<*oǝzi) «сожги», *vėbfozāt* «обрезать»; *vāzbēt* «взбить», *vāzlodot* «нагрузить»; *vāmerkāt* «пометить», *vāpost-sā* «попасться»; *sāvartāt* «сбить» (о масле) (ср. *вертеть*); *sāzdāt* (-sā) «раздеться»; *praibēt* «прибить», *praibūvot* «пристроить»; *zobāl-sā* «позабыл»; *perdojē* «продает», *prilid'ot* «перестрадать» (ср. *gelitten*); *vizmesāt* «смешать», *vizlikāl* «сравнил» (ср. *likot* < *liken, gleichen* «сравнивать»).

Несколько славянских приставок отмечено только в немногих словах со славянскими корнями: *pūd-/pūt-* (<*podǝ-), *vit-* (<*otǝ-), *dū-* (<*do-): *pūdlūzet* «подложить», *pūtklode* «подложит»; *vitmāknōt* «отомкнуть», *dūzaidāt* букв. «дожидать». В полабских источниках не зафиксирован континуант праславянского префикса (и предлога) **nadǝ*, хотя в одном топониме отражен конфикс **nadǝ- — -bje*. В нескольких словах отмечается полипрефиксальная структура, отражающая вторичную префиксацию уже обладавших префиксом глаголов: *voi-pū-caivāt* «отдыхать».

Особое место в полабском глагольном словообразовании принадлежит заимствованным из немецкого префиксам и префиксондам. Они могли присоединяться к славянским корневым морфемам. Так, префикс *an-* зафиксирован с тремя славянскими корнями: *andirzē* «придерживает, останавливает», *anvāst* «принять», *anzaǝē* «присматривается»; префикс *bi-* (<*bei-) отмечен в одном глаголе со славянским корнем: *bisāpol* «спал совместно». Элемент *del/dal/dol* «вниз» (< н.-нем. *dāle*, быть может не без влияния слав. **dol, dolu*) присоединялся к десятку корней, прежде всего славянских: *del-lūmēt* «сломать», *del-nūsē* «уносит, сносит», *del-voze* «взвешивает», *del-vāst* «забрать», *del-beze* «сбегает, стекает», *del-zinē* «выгоняет», *del-lodot* «сгрузить», *del-komojē* «уходит». С несколькими корнями соединяются элементы *to* «к» и *vex* «от» (н.-нем. *tō*, нем. *zu*, нем. *weg*): *to-pajē* «zutrinken, допьет»,

to-rezē «прирежет (добавочно)», *to-vist* «подвезти», *to-zinē* «подгоняет»; *vex-krāst* «украсить», *vex-litē* «улегают, удирают», *vex-nūsē* «уносит». Эти элементы присоединяются и в качестве послелогов (постфиксов): *šikol-vex* «отсылал» (ср. *šikol-* славянское по происхождению наречие), *zinē-to* «отгоняет». В функции префикса используются и еще три немецких предлога: *dör* «через» (ср. *durch*), *made* «с» (ср. *mit*), *her* «наружу» (ср. *her*): *dör-büst* «проколоть» (ср. *прободать*), *dör-lijē* «прольет», *dör-raizā* «проедет» (ср. нем. *reisen*), *made-dot* «придать», *made-jist* «есть вместе», *her-gic* «выскажи». Префиксы *be-* (*be-*), *far-* (ср. нем. *ver-*) использовались только в заимствованных глаголах, а потому нельзя говорить об их продуктивности (Полянский 1962, 87).

§ 23. Глагольные постфиксы. Активно образовывались в полабском языке глаголы с постфиксами, прежде всего — возвратным *sā* (<*se), а частично и 1-го и 3-го лица *mē* (*mi, tu*). Например: *sīmot-sā* «смеяться», *gūdāl-sā* «родился», *gūji-sā* «роится», *antvardol-sā* «ответил за себя», *gagni-sā* «движется» (ср. *sich regen*), *otāi-mē* «ненавидит меня» (из н.-нем. *haten* (нем. *hassen*)), *znojēs-mā* «знаешь меня». О местоимениях см. еще § 32.

§ 24. Образование причастий. В полабском языке образовывались причастия действительные настоящего времени и страдательные прошедшего времени. Зафиксировано три десятка действительных причастий и почти полтора страдательных. Действительные причастия настоящего времени образовывались при помощи суффикса *-q̄c-*: *kq̄sājācē* «кусающий», *gognācē* «говорящий» и под. Как показал анализ 15 дошедших до нас сочетаний этих причастий с существительными (Супрун 1975), причастия подвергались адъективации и семантическим преобразованиям. Это видно из таких сочетаний, как *sāpācē komāg* «спальная» (букв. *спящая комната*), *strel'ājācē pulver* «порох для стрельбы» (букв. *стреляющий порох*). Имеется несколько причастий этого типа, образованных на базе заимствованных глаголов: *traivājācā* «отдающая в брак», *lavājācā* «верующая» (*lavā* «верит» < н.-нем. *loven* «верить»).

Причастия прошедшего времени представляют собой более регулярное образование, они образовывались как от славянских, так и от немецких по происхождению глаголов (последних зафиксировано более 30). Основным образующим суффиксом был *-n-*: *zosūlenē* «засоленный», *voiplāvenā* «очищенное (от половы)», *gūzdālenā* «разделенное», *voidenkonā* «выдуманное, стихотворение», *aišaronē* «созданное». Изредка фиксируется и суффикс *-t-*: *baitē* «битый», *anvāzōtē* «завербованный (о солдате)». Часть причастий прошедшего времени претерпела адъективацию.

§ 25. Сложные слова. Материалы полабского языка под-

тверждают известный тезис о слабом распространении в славянских языках основосложения как словообразовательного способа (Хейдзянка 1925, Полянский 1963, 112—118). В полабском сохранилось праславянское сложное слово *vāvādā* < *vo(je) voda, имеется фемининатив от него *vāvičā* < *vo(je) vodьса, данные как эквивалент немецких *Fürst*, *Fürstin* «князь», «княгиня». К унаследованным относятся также числительные второго десятка, например: *jadānādist*, *janādist*, *janūnācti* «одиннадцать», *paṭnādist*, *paṭnocti* «пятнадцать», и числительные, обозначающие десятки: *pa(t)dišot*, *sis(t)dišot*, *sidēmdišot*, *visēmdišot*, *diva(t)dišot* «50—90», и примкнувшее к ним *citērdišot* «40». На полабской почве образовано название ста *patstid'ē* — букв. *пять стиг*, где *stig* (< н.-нем. *stige*) «20», но неясно, в какой мере это образование, как и обозначение «30» *pöl-tüpe* букв. *полконы*, было единым словом, а не словосочетанием, как рассматриваются аналогичные сочетания с другими вторыми компонентами (подробнее о числительных: Супрун 1962). Кроме этого, зафиксировано еще около двух десятков сложных слов; относительно продуктивными были сращения типа *vaul-cele* «пчелиный улей» (букв. *улей-пчелы*), *jopt'edob* «яблоня» (букв. *яблоко-дуб* (*дерево*)), *jisin-mond* «сентябрь» (букв. *осень-месяц*), отмечены и другие модели: *moze-t'ölā* «смазка» (букв. *мажет колеса*), *vosepus* «цирюльник» (букв. *бороду бреет*), *daud'ögāt* «долгорот (ый)», *sredületne* «находящийся посреди года» (букв. *средолетний*). Некоторые сложные слова образованы как кальки немецких слов. Таковы, например: *vainā-mond* (букв. *вино месяц*, нем. *Weinmonat*), возможно, *dlān-gokā* «ладонь» при нем. *Handfläche*. Большей частью, однако, немецкие сложные слова передаются сочетаниями слов (Кайзер 1973). О сочетаниях см. § 15, 35.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

§ 26. Вводные замечания. Прежде всего, приступая к разбору полабского словоизменения, необходимо отметить неполноту имеющихся данных. Поскольку полабские записи имеют в основном словарный характер, а тексты составляют небольшую часть сохранившегося материала, представлены большей частью начальные формы слов. Другие формы дошли до нас лишь выборочно. Многие формы отсутствуют. Мы не имеем ни одной полной парадигмы не только одного конкретного слова, но и целого класса слов. Так, например, не сохранилось ни одного слова в форме родительного или местного падежа двойственного числа. Поэтому таблицы, в которых представлены парадигмы склонения и спряжения, в ряде случаев имеют пропуски: таких форм не сохранилось. Реконструировать такие

формы в принципе, быть может, и допустимо, но едва ли нужно. Во всяком случае, в этой книге приводятся только реально засвидетельствованные формы. По той же причине в таблицах склонения существительных и прилагательных, спряжения глаголов даются только окончания; примеры конкретных слов, в которых засвидетельствованы эти формы, даются в комментариях.

Как уже говорилось, полабский язык зафиксирован в состоянии, близком к полному забвению. С этим связаны случаи, когда одни формы употреблялись вместо других. Это усугублялось тем, что записи вели немцы, не владевшие полабским языком. Следует, видимо, учитывать и то обстоятельство, что звуки в окончаниях могли произноситься не очень четко. Например, у Хеннига зафиксировано выражение *sik wit Lgaudi*, которое имеет значение «что за люди», а транскрибируется *sik vit l'audē* или *l'audi* (букв. *чего от людей*), где форма существительного представляет собой вполне вероятно им. п. мн. ч. вместо род. п. мн. ч. Выражение *sā t'ölü* у Хеннига следует, видимо, понимать как «с колесом», но существительное употреблено в форме именительного — винительного падежа, а не творительного. Эти случаи могут рассматриваться как нарушения системы. Но подчас и сами системные факты следует толковать не слишком жестко. Так, в памятниках ряд существительных мужского и среднего рода в форме местного падежа заканчиваются на *-e*. Часть из них принято трактовать как *-e* из старого *-ě*, а часть — как *ē* из слабого *-u*. Но, быть может, не следует исключать и полабские унифицирующие процессы, направленные на выработку единого окончания местного падежа? Совершенно не настаивая на таком чтении, следует подчеркнуть более общую мысль о том, что надо подходить к зафиксированным полабским окончаниям не слишком жестко, допускать возможность различных изменений, упрощений, переносов из одного склонения в другое и т. д. Встречаются случаи, когда одно и то же слово в одном и том же источнике приводится с различными окончаниями. Так, например, *daisko* «стол» у Хеннига фигурирует в форме дат. п. ед. ч. и с окончанием *-a* и с окончанием *-e*, которые считают восходящими одинаково к *-ě* и транскрибируют как *-ā* и *e* (Полянский — Зенерт 1967, 48), а также и *-e* (Олеш 1983, 158). В принципе такие колебания известны всем языкам (ср. хотя бы рус. тв. п. ед. ч. ж. р. *водою* и *водой*) и характеризуют реально действующую и изменяющуюся в процессе функционирования систему. Здесь только сложность в невозможности установления норм, частотности, динамики и т. п. Едва ли полабские материалы по словоизменению нужны как источник для восстановления праславянской морфологической системы. Они лишь свидетельство того, как некоторые праславянские формы сохранялись и преобразовывались в полабском, как другие заимствовались, как третьи подвергались влиянию окончаний иного типа.

В полабском языке имелись такие знаменательные части речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, наречие; грамматические свойства числительных представлены в сохранившемся материале недостаточно для безоговорочного отделения числительных как части речи от существительных, прилагательных, местоимений, хотя и позволяют наблюдать определенные унификационные процессы, характерные для языков, где числительные стали особой частью речи. К служебным частям речи в полабском языке относились союз, предлог, частица. В памятниках полабского языка зафиксировано междометие *ai*. Значение предметности, присущее существительным, выражается в классифицирующих категориях рода и одушевленности, а также в словоизменительных категориях числа и падежа. Значение постоянного признака предмета у прилагательных находит выражение в том, что они согласуются с существительным, обозначающим носителя признака, в роде, числе и падеже, по которым прилагательные изменяются, а также в категории степени признака. Местоимения не едины по своим признакам; ряд местоимений имеет лицо субъекта (личные) или владельца (притяжательные), некоторые местоимения изменяются по родам, все местоимения изменяются по падежам. Глагол изменяется по видам, временам, числам, в большинстве случаев также по лицам, в одном из прошедших времен — претерите еще по родам. Зафиксированы инфинитив и повелительное наклонение. Образованные от глаголов причастия характеризуются как действительные настоящего времени и страдательные прошедшего времени; как и прилагательные, причастия изменяются по родам, числам и падежам; при помощи страдательных причастий прошедшего времени образуются сложные формы пассива.

§ 27. **Грамматические категории.** Наиболее универсальной грамматической категорией полабского языка, по которой изменялись все знаменательные части речи, кроме наречий и числительных, было число. В полабском языке три грамматических числа: единственное, двойственное и множественное; формы двойственного числа засвидетельствованы лишь для нескольких существительных и глаголов. По одному случаю употребления числительного «2» с существительным в форме множественного числа (вместо ожидаемого двойственного) *ai dāvūx groik* «у двух груш» (топоним у Шульце) можно думать, что двойственного числа в полабском находилось в состоянии разложения. Значение числа находило выражение в окончаниях, отчасти в ударении, а также в согласовании.

В полабском, как и в других славянских языках, было три рода — мужской, женский и средний. Существительные обладают родом, в других это словоизменительная категория. Категория рода находит выражение прежде всего в согласовании прилагательных, причастий, некоторых местоимений и числительных, а также претеритных форм глагола с соответствующими

существительными и в специфических окончаниях. Окончания, однако, не жестко закреплены за родами: в им. п. ед. ч. существительных мужского рода имеют большей частью (свыше 500 случаев) нулевое окончание после согласной, в 30 случаях — *-ā (-o)*; женского рода — большей частью (около 350 случаев) имеют окончание *-ā*, в 68 случаях — *-o*, в 28 — нулевое окончание после согласной, в 20 — *-āi, -ai*, в 2 случаях — *-ē*; среднего рода — свыше 80 слов — *-ē*, около 50 слов — *-ū*, 22 слова — *-q*, 5 слов — *-i* и 3 слова — *-ā*. Одушевленность выражается совпадением винительного падежа единственного числа у слов мужского рода, оканчивающихся на согласный, с родительным падежом (*büzāc — büzčā, mest'ār — mestro*), за немногочисленностью фактов проследить последовательность манифестации этой категории не представляется возможным.

Как и в ряде других славянских языков, в полабском 6 падежей: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и местный. Падежные значения выражались при помощи окончаний (иногда в соединении с предлогами) и путем согласования прилагательных (и причастий, а также некоторых местоимений) с существительными.

Несмотря на проявления немецкого влияния, в полабском не произошло становление категории определенности/неопределенности имени: отдельные случаи передачи определенного артикля представляют собой следствие пословного перевода. В полабском материале представлены анафорические местоимения, в частности *tō* «тот», а также анафорические наречия типа *tōm* «там», *tōk* «так», *tūd'ē* «тогда». Отрицание выражалось при помощи частицы *ni/nē*; при наличии объекта, обозначенного отрицательным местоимением, частица дублирует отрицание: *ni būli-mē nic* «не болит у меня (букв.: мне) ничего», *joz ni sajä nic* «я не чувствую ничего».

В полабском противопоставление несовершенного и совершенного вида находит внешнее выражение в префиксальных и суффиксальных средствах. Это проявляется, однако, в ограниченном числе случаев, так как наблюдатели-немцы не обращали на видовые различия внимания, а потому не фиксировали, как правило, видовых пар и не выражали четко видовых различий в немецких эквивалентах полабских слов и фраз. Ср., однако: *zarāt* «sehen = смотреть (зреть)» ~ *vizarāt* «besehen = осмотреть», *dvaizē* «bähret = поднимает» (Шульце) ~ *dvaignōt* «aufheben = поднять (двинуть)» (Хенниг). В зафиксированном материале не представлена сколько-нибудь широко вторичная имперфективация глаголов при помощи суффиксов на *-uo- < *-ua-*, недостаточно ясно представлено и соответствие основ совершенного и несовершенного вида с соотношением тематических гласных **-i-, *-a-*. Однако отдельные примеры такого рода имеются: *vāzdet-sā* «одеться» — *vāzdevot-sā* «одеваться» (французский и немецкий эквиваленты полабских слов, разумеется, видовых различий не передают: *s'habiller*,

anziehen и ankleiden). В отдельных случаях зафиксированы пары, обозначающие различные способы действия: skokāt «скакать» — skoknē «скакнет» (нем. springen в обоих случаях), vāzvidēt (<*vāzvoditi) — vāzvožāt (<*vāzvadjati) «возводить» (нем. aufrichten). Но регулярного характера такая парность не имеет.

Временная система складывалась для активного залога в соотношении с видовой: аорист (прошедшее время главным образом совершенного вида) aīraustaix «я упустил»; имперфект (прошедшее время главным образом несовершенного вида) aīraustās «он упустил»; претерит (наиболее употребительное прошедшее время обоих видов, обычно используемое без вспомогательного глагола, особенно в первом и втором лице) aīraustāl «упустил», blōdāl «блуждал», zoblōdāl «заблудился»; в аористе и имперфекте изменялись лица и числа, а в претерите — роды и числа; настоящее время для глаголов несовершенного вида: d'olōjē/d'olā «работает (делает)», dāmē «дует»; будущее простое для глаголов совершенного вида: podāmē «надует»; будущее сложное, образуемое соединением личных форм вспомогательных глаголов sa «хочу», tot «имею» и инфинитива основного глагола обоих видов: ci aīt «будет идти», mos jest «будешь есть», mos voipēt «выпьешь». Таким образом, по крайней мере в двух временах (претерит и будущее сложное) возможны были глаголы обоих видов; немецкие эквиваленты не дают полной возможности противопоставить значения презентных форм по виду; возможно, что под немецким влиянием в полабском видовые противопоставления или утрачивались, или же не получили столь полного развития, как в других славянских языках.

Категория лица в глаголе характеризуется противопоставлением трех лиц в большинстве глагольно-временных форм (кроме претерита, где лицо могло выражаться через местоимение, поскольку личная форма вспомогательного глагола часто опускалась). С глаголом соединялась иногда энклитическая форма местоимения, обозначающего объект: rīvaucāi-jēg «поучи его», sviknai-mē «ударь его (ему)», doī-pām «дай нам», dirzai-sā «держись», gīcāi-mē «скажи (реки) мне». Чаше других использовалось возвратное -sā (свыше 50 глаголов).

В отличие от глагольного лица лицо местоимений представляет собой классификационную категорию: выбор того или иного местоимения определяется в связи с тем, какое лицо задано замыслом. Лицо проявляется в личных и притяжательных местоимениях.

В полабских источниках зафиксировано около 40 сложных форм пассива, образуемых из пассивного причастия прошедшего времени на -n-, -t- в соединении с личными формами вспомогательных глаголов boīt, vārdot «быть», met «иметь». Разнообразие таких форм отмечено шесть: 1) ja zazonē «er ist verbrandt=он сожжен»; 2) mo voijādonē «hat ausgegessen=

=он съел» (букв. имеет съедено); 3) vārdā airūdenē «er wird geboren werden=он будет рожден»; 4) vibāsenē boīt «aufgehängt seyn=быть повешенным»; 5) vārdol baitē «geschlagen werden=был бит (ый)»; к последнему примыкают случаи, когда вспомогательный глагол употреблен в неличной форме; 6) dānau vizenā vārdot «hinein geführt werden=быть введенным», jōtē vārdonē «gefangen werden=быть введенным». Исходя из немецких эквивалентов и соотношения между полабскими формами, можно предполагать, что форма 1 имела перфектно-претеритное значение, форма 2 — перфект, форма 3 — будущее, формы 4—6 обычно переводятся инфинитивом пассива, причем можно предполагать, что 4 имеет, скорее, значение настоящего времени, а 5 — пассив прошедшего времени с меньшей, чем в 1, выраженностью перфективных оттенков значений. С формой 3, переведенной будущим временем, близка форма aīvōzonā vārdā «angebunden werden=быть привязанным», где в переводе использован инфинитив, как в 4—6, а временное значение неотчетливо.

В полабском языковом материале представлены наряду с глаголами изъявительного наклонения также повелительное наклонение и инфинитивы. Императивы отмечены в форме 2-го лица единственного и множественного числа. Для единственного числа характерно окончание -ai или отсутствие окончания: gīcāi «скажи», laiz «лижи», doī «дай», jez «ешь»; во 2-м л. мн. ч. агглютинируется к этой форме еще окончание -tē: jestē «ешьте». Инфинитив, всегда образуемый при помощи окончания -t (<*-ti), возможно, различался по ударению от супина, но недостаточное количество текстов не позволяет проверить специфику этих форм по функциям, а потому существование супина, утверждавшееся Лером-Сплавинским, не находит поддержки в новейших исследованиях.

Переходность выражалась возможностью употребления прямого дополнения (l'ān gāvāt «теребить лен», gnūj voimetāt «навоз (гной) выметать»); ограниченное количество текстов затрудняет характеристику всего корпуса глаголов в этом плане.

Общепринятой классификации глаголов по словоизменительным классам в полабском нет. Праславянские классные различия подверглись значительным унифицирующим изменениям, а недостаточная представленность в материале различных форм одних и тех же слов затрудняет выработку единой классификации.

В полабских памятниках зафиксировано около десяти прилагательных, которые могут рассматриваться как формы сравнительной степени: tiordejse «более твердый», tapejse «меньший», zaimnejse «более холодный», šagrejse «более острый», ragejse «более ранний» (ср. *первейший*), lepe «лучше» (ср. *лучше*). Судя по тому, что в их числе заимствованное бел. *лепшы*). Судя по тому, что в их числе заимствованное прилагательное, можно думать, что этот способ образования

сравнительной степени был живым. К этой форме присоединялся префикс *na-* (ср. *nau-*), при помощи которого образовывались формы превосходной степени: *paṁaņejšā* «самая меньшая», *paštārejše* «самый старший», *pavoisē* «высший», *paḍēbrejšā* «наилучшая», *paḥest* «самый лучший». Последнее слово с немецкой основой свидетельствует о продуктивности этой формы, хотя зафиксировано таких образований только несколько. В полабском материале отмечено также несколько кратких прилагательных, в частности такой характер имеют некоторые притяжательные прилагательные: *l'olen* «отцов», *motegēn* «материн», *moḡajēn* «Мариин», *malnait'ūv* «мельников». Установить синтаксическую и семантическую специфику использования кратких форм по имеющимся данным невозможно.

§ 28. Склонение существительных в единственном числе

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
И. Р.	-Ø, -ā -o, -ā, -ai, -au	-ū, -ē, -q, -i, -ā	-ā, -o, -Ø, -ai, -āi -ē, -ai, -āi, -oi, -i, -ā
Д.	ē, -au		-e, -ā, -ai
В.	как И. или Р.	как И.	-q, -ā, -Ø
Т.	-ām		-ā, -q
М.	-ē, -e, -ā, -au		-ā, -ē, -e

В именительном падеже окончания *-o* и *-ā* (в ж. и м. р.) восходят к старому **-a*, нулевые окончания — к **-Ø* и **-b*. Окончание среднего рода *-ū* восходит к старому **-o*, окончания *-ē* и *-i* продолжают старые **-e* и **-o*, окончания *-q* и *-ā* отражают старые основы на согласный, т. е. на **-e*. Окончания ж. р. *-ai*, *-āi* отражают старые основы на **-y*, слово **matī* и заимствования, подведенные под этот тип. Количественная характеристика типов существительных по именительному падежу дана в § 27.

В косвенных падежах не отмечены в источниках существительные мужского рода на *-ā*, а в косвенных падежах единственного числа и существительные женского рода на *-ai*, *-āi*.

Окончания мужского и среднего рода в род. п. *-o* и *-ā* восходят к окончанию **-a*. Они встретились в пяти десятках примеров, менее чем в трети случаев *-ā* и более чем в двух третях случаев *-o*: *laibo* «хлеба», *pūxt'o* «ногтя», *vorst'o* «колбасы», *d'olo* «дела», *sā pibēšo* «с неба»; *gorxā* «гороха», *pažā* «денег», *žornā* «зерна», *vainā* «вина». Менее чем в тридцати случаях в формах м. р. (т. е. несколько реже, чем окончания, восходящие к **-a*) отмечаются восходящие к **-u* окончания *-ai* и *-au*: *codau* «чада», *sned'au* «снегу», *šumai* «шума (пены)», *saugai* «уксуса». Отмечены слова, варьирующие окончание род. п.: *būbā/būbai* «боба (фасоли)». Окончания *-ai*, *-au* присоединяются к существительным со значением вещественным, материальным, в том числе нередко к заимствованным: *kolau/*

kolai «капусты», *tabat'ai* «табаку». В слове *pelainē* «полыни» зафиксировано окончание *-ē* (< **-u*).

Среди окончаний род. п. существительных ж. р. (всего таких существительных около двух десятков) чаще других встретилось *-ē*, восходящее к **-i*, **-y*: *pōl klādē* «полбочки (колоды)», *most'ē* «масла». К тем же праславянским окончаниям восходят изредка встретившиеся *-ai*, *-āi*, *-oi*: *sožai* «сажи», *slaināi* «слюны», *slāmoi* «соломы». Дважды отмеченное (*viz vizā* «из дому», *ai zimā* «у земли») окончание *-ā* происходит из **-ē*. В существительных старого склонения на **-i* (> **b*) в 4 случаях окончание *-i* (< **-e*): *pōl nūci* «половина ночи», *sūli* «соли»; в одном — *-ai* (< **-i*): *au jādai* «у еды» (ср. стар. *ŕdb*).

Окончания *-ē* и *-au*, отмеченные у десятка существительных м. и ср. р. в дат. п., восходят к старому **-u*: *t'arlau* «мужику», *kā sjotau* «к свету», *kā Vāstrūvē* «к Вустрову», *kā dānē* «к дну», *kā voidoņē* «к выдаче». Существительные ж. р. в дат. п. в 4 случаях имеют окончания *-e* и *-ā* (< **-ē*): *kā daiste/daistā* «к столу», *kā stārne* «к стороне», а в двух — *-ai* (< **-i*): *kā zimai* «к земле», *kā jedai* «к еде».

В подавляющем большинстве случаев существительные мужского и среднего рода в вин. п. имели те же формы, что и в им. п.: *vā dūm* «в дом», *vā krig* «в войну», *vā lōpū* «на руки (в лоно)», *vā t'ōḡaitē* «корыто (для подкормки пчел)». В 4 случаях существительные одушевленные м. р. в вин. п. имели форму род. п.: *būgo* «бога», *t'inažā* «князя». Существительные ж. р. в вин. п. обычно имели окончание *-q*, реже (фонетически обусловлено) *-q*, восходящие к **-q*, в редких случаях отмечена деназализация этого окончания: *korq* «каплю», *lifq* «лифчик», *d'ōḡq* «гору», *dausa* «вдох» (букв. *душу*), по *zima* «на землю», по *stārno/stornā* «на сторону». Нулевые окончания засвидетельствованы у 3 существительных склонения на *-b*: *prid vas* «перед деревню», по *blān* «на луг» (ср. диал. *болонь*); ср. также: *cart'iv* «церковь» и, возможно, *vib nidel* «на прошлой неделе» (букв. *об неделю*), где ожидаемое окончание (*-q*, *-ā*) утрачено или не записано.

В творительном падеже м. и ср. р. фиксируется окончание *-ām* (< **-ŕmь*): *prid gārdām* «перед управой (замком = городом)», *sā lūxt'ām* «(с) локтем», *sā omāḡām* «(с) молотком», *prid l'otām* «год тому назад» (букв. *перед летом*), *pūd nēbišām* «под небом», *pūd gāmiņām* «под плечом». Таких примеров десятков. В шести случаях зафиксирован тв. п. ж. р. с окончаниями *-q* и *-ā*, отражающими старое **-oḡq*, *-jḡq*: *pūd zima* «под землей», *sā lūdā* «(с) кораблем (лодкой)», *sā vil'ā* «по желанию (с волей)». Записанная в источниках форма тв. п. существительного *mač* «мяч» имеет вид *sa Mantsang* (Хенниг), что прочитывается Лером-Сплавинским (1929, 103) и Полянским (1973, 368) как *sā mačām* (Полянский — Зенерт 1967, 93), а Олешем (1983, 547) — как *sa mačq*; последнее прочтение, подкрепляемое парал-

лельным написанием тв. п. слова *pašt* «пясть» (*paštā* — *pangstang*), представляется более вероятным. Оно означает, что в полабском это существительное относилось к женскому роду.

Окончания местного падежа всех родов *-e* и *-ā* (около тридцати словоформ) отражают старое окончание **-ě*: *vā xlāde* «в тени (холодке)», *vā nūse* «в носу», *vā meste* «(в) месте», *vā emerice* «в царстве небесном», *vā sāgā* «в сыре», по *prās-tōgā* «на просторе», *vā vidā* «в воде», *vā zaitā* «в зерне (жите)». Окончание, транскрибируемое как *-ě*, возводят для мужского рода к **-u*, а для женского — к **-i*, хотя не исключено, что написания *-e* отражают (особенно для мужского и среднего рода) стремление к унификации окончаний местного падежа. Примеры: по *baně* «на полу», по *rot'ě* «на пути», *vā malnaice* «в мельнице», *vā mauřě* «в стене». Окончание **-i* отразилось также в дважды встретившемся окончании существительных ср. р. *-ai*: (по) *māgai* «(на) море» и *vā pēbišai* «в небе» (где, как и в род. и тв. п., отражен старый основообразующий элемент **-es- > -is-*). В местном происходит чередование заднеязычных согласных (см. § 9): *dek* — по *decā* «крыша — на крыше», *krig* — *vā križe* «война — в войну», *vaikā* — *vā vaiťe* «город — в городе».

§ 29. Склонение существительных во множественном и двойственном числе

Множественное число

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
И. В.	<i>-ai, -āi, -oi, -ě, -e, -ā, -i, -ūve</i>	<i>-ā, -o, -esā, -enā, -otā</i>	<i>-āi, -oi, -ai, -voi, -ě, -e, -ā</i>
Р.	<i>-ūv, -Ø</i>	<i>-Ø</i>	<i>-Ø, -ě, -ām</i>
Д.	<i>-ūt</i>		
В.	как И. или Р.		
Т.	<i>-e (?)</i>		
М.		<i>-āx</i>	<i>-omě</i>

Множественное число в полабских памятниках представлено почти двумя с половиной сотнями словоформ, однако более 90% их — это формы именительного — винительного падежа. Способ представления данных словоформ в источниках, за редкими случаями, не дает возможности различить формы им. и вин. п., а, учитывая безусловно имевшие место смешения этих падежей в реальности, следует, видимо, рассматривать их как единое целое, оговорив лишь происхождение некоторых форм. Надо сказать, что сохранившийся текстовой материал почти не содержит сведений об использовании функций вин. п. мн. ч. форм род. п. для существительных одушевленных, но, судя по единственному примеру, дошедшему до нас через Хеннига (*tāi ne mās met drauzex būd'ūv likām manē* «ты не должен иметь других богов, кроме меня»), такое использование имело место.

В мужском роде представлены окончания *-ai < *-i* (старый им. п. склонения на **-o*), *-āi, -oi < *-u* (старый вин. п.); в слабой позиции эти окончания отразились в виде *-ě*. Примеры: *lesai* «леса», *pūrai* «попы», *kjotāi* «цветы», *vōsai* «бороды», *gōboi* «рубцы», *gnevoi* «железы», *grexē* «грехи», *xrāstē* «жуки (хрущи)», *mūzd'ē* «мозги (в костях)». Иногда одно слово дошло в двух формах им.-вин. п. мн. ч.: *pasai* — *pāsē* «псы». Из склонения на **-jo* окончание **-ě* дошло в форме *-e* или *-ā*: *pātince* «птицы», *vogble* «воробы», *ladaice* «члены», *zojācā* «зайцы», *josepā* «ясени»; это окончание стало использоваться также не только в заимствованиях, но и в некоторых словах былого склонения на **-i*: *d'ūzde* «гвозди», *zelōdā* «желуди»; ср. два варианта: *t'inažai* и *t'inažā* «князи». В трех словах зафиксировано окончание *-ūve < *-ove*, восходящее к старому склонению на **-u*: *valūve* «волы», *zevornt'ūve* «жавороны», *baut'ūve* «буки». В десятке заимствованных слов отмечается окончание *-i*, отражающее, возможно, немецкое окончание мн. ч. *-e*: *frūndi* «друзья», *bōgi* «крестьяне», *musketri* «мушкетеры». Заднеязычные перед *ai < i* превращались в свистящие: *rüg* — *rūžai* «рог — рога», *snok* — *snocai* «змея — змеи».

Существительные среднего рода имели в им. и вин. п. мн. ч. в подавляющем большинстве случаев окончание *-ā*, восходящее к **-a*, как и *-o*, отмеченное в одном из вариантов формы мн. ч. слова «окно»: *vāknā* — *vākno*. Примеры: *gnozdā* «гнезда», *jorkā* «яблоки», *vaistā* «рот (уста)». В словах, которые восходят к былому склонению на согласный и примкнувших к ним, перед *-ā* происходит вставка соответствующих элементов: *peresā* «перья», *slūvesā* «слова», *posmenā* «мотки», *sažmenā* «щепки», *pail'otā* «утята», *stiŋotā* «щенята», *būžotā* «образа» (букв. *божата*). В случае *vaixā/vausesā* «уши» форма мн. ч. образовалась как с наращением, так и без наращенного. В случае *gamenesā* «плечи» имеется два наращенных (*-en-es-*).

В существительных женского рода использовались окончания, восходящие к старым **-u* (из склонения на **-a*), **-i* (склонение на **-i*), **-e* (из склонения на **-ja*): *-āi, -oi, -ě, -ai, -e, -ā*. Примеры: *brezāi* «березы», *vornāi* «вороны»; *glāvoi* «головы», *geroi* «репы»; *gjozdē* «звезды», *t'aurepott'ē* «куропатки»; *resnai* «песни», *vāsaī* «вши», *golqzai* «ветки»; *carnaice* «ежевика (мн. ч.)», *vice* «овцы», *vize* «дома»; *nidelā* «недели», *plūtvaicā* «плотвички». Эти окончания зафиксированы в некоторых существительных, употребляемых только во мн. ч.: *sonai* «сани», *gozint'ai* «изюм» (ср. бел. *разынкi*). Происходит и взаимовлияние склонений, отраженное, например, в форме *pūse* «ночи». Зафиксировано полтора десятка существительных с окончанием в им.-вин. п. мн. ч. *-voi*, которое восходит к старому склонению на **-ū*, но получило распространение и за его пределами, в том числе в заимствованиях: *brāvoi* «брови», *blāxvoi* «блохи», *rōžgvoi* «розги», *sokvoi* «вещи», *sanvoi* «вены». Как и в м. р.,

здесь представлены варианты окончания у одного и того же слова: slāzē/slāzāi «слезы».

В формах родительного падежа мн. ч. зафиксирован десяток существительных. Они характеризуются в м. р. окончанием *-ūv* (< **-ovъ* из склонения на **-ū*): būd'ūv «богов», vpsūv «бо-род», danūv «дней», grexūv «грехов»; существительные всех родов отмечены с нулевым окончанием: groik «груш», drāv «дров», ai kāmep «у камней», gaiz «раз», moг «мер».

Дательный падеж мн. ч. зафиксирован всего дважды с окончаниями, восходящими к старым окончаниям склонений на **-o* и на **-a*: gresnāgūt «грешникам», kā vaikām «к городам».

Сохранилось 3 формы творительного падежа мн. ч.: svectkomē «свечками», groblomē «граблями», vaidlomē «вилами»; они восходят к склонению на **-a*. В одной записи Шульце, возможно, отражена старая форма тв. п. мн. ч. склонения на **-o*, т. е. **-y*. У Шульце написано так: zaа viel vlassa «mit vielen Haaren» (Олеш 1967, 175). Лер-Сплавинский (1929, 169) видел здесь форму vlāsā, отражающую **volsy*. Полянский и Зенерт (1967, 199) транскрибируют vlāsāi, возводя к той же форме, которую, однако, считают им. п. мн. ч. В выражении явно нарушено согласование прилагательного (как это бывает у Шульце), а потому трудно быть уверенным в правильности трактовки формы как им., вин. или тв. п. мн. ч., так как, во всяком случае, грамматически предложение небезукоризненно. Исключать трактовку Лера полностью едва ли необходимо.

Местный падеж мн. ч. представлен единственной формой vā zōfāx «на утренней заре» (Хенниг). Родовая принадлежность существительного здесь не вполне ясна; предположение Лера-Сплавинского (1929, 169) и Полянского — Зенерта (1967, 185) о среднем роде на основании написания у Шульце sohrū/sōhrū «вечерняя заря» (Олеш 1967, 178) имеет определенное основание.

Двойственное число

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
И. В.	-ā	-ai, -ē	-e, -ā
Д. Т.	—	-aimā	-omā

Формы двойственного числа существительных представлены менее чем двадцатью примерами, причем 17 из них — формы им. и вин. п., а 2 — тв. п. Примеров род.—м. п. дв. ч. нет. В им.-вин. п. мужской род представлен одним примером (gōkovā «рукава»), отражающим праславянскую форму на **-a*. Женский род представлен несколькими примерами с окончанием *-e*, восходящим к **-ē*: storne/stārne «две стороны», st'ōrne «ботинки», dāre «две дыры (в носу)» (чтение Лера-Сплавинского 1929, 176); с чередованиями согласных: pūze «ноги»

(чтение Олеша 1983, 663), gōse «руки». В одном примере из Шульце **-ē* отражено как *-ā*: zepā «две женщины», что закономерно для слабой позиции. Средний род имеет в полабском окончания, отражающие дополабское **-i*: -ai, -ē. В некоторых случаях такое окончание вторично. Примеры: jojē «(2) яйца», vicaī «глаза (очи)», vausaī «уши», cilesaī «щеки» (ср. чело), perisaī «оба крыла», gaminai «плечи», pēlataī «гусыня», t'aigataī «цыплята (куры)». Ряд слов ср. р. имеет наращенные, связанные с принадлежностью к основам на согласный.

§ 30. Словоизменение прилагательных. Прилагательные представлены в полабских источниках главным образом в формах именительного падежа единственного числа, зафиксированы и формы именительного падежа множественного числа. Формы двойственного числа и косвенных падежей единственного и множественного числа представлены в источниках довольно бедно.

Падеж	Единственное число			Множественное число			Двойственное число
	Мужской род	Средний род	Женский род	Мужской род	Средний род	Женский род	Средний род
И. Р. Д. В. М.	-ē, -ø -āg, -ēg -ūmē как И. —	-ā, -ē — -ē -ø -āj	-ā — -ē -ø -āj	-ē, -ā — как И. или Р. —	— -ēx — —	ā — — —	-ā — — как И. —

В именительном падеже ед. ч. м. р. господствует окончание *-ē*, отражающее стяжение старой полной формы на **-vjb*, **-bjb*: raupē «полный», svainē «свиной», dūbrē «хороший (добрый)». В нескольких прилагательных сохранилась именная форма с нулевым окончанием, например: krosāp «красивый» (см. также § 27). В им. п. ж. р. обычно окончание *-ā* (< **-aja*): dūbrā «хорошая», ahterskā «задняя», detainā «детская»; в случае l'olainā «отцова», быть может, следует усматривать отражение краткого прилагательного, где *-ā* из *-a* (Олеш 1983, 515), но не исключается и понимание его как полного по Полянскому (1971, 344); было бы последовательным аналогично рассматривать и форму detainā. Как краткая рассматривается единственная форма прилагательного ж. р. на *-o* (< **-a*): stogo (laupā) «старая луна»; форма pūvo «молодая луна» дана без существительного и, возможно, должна рассматриваться как субстантивированная. В им. п. ед. ч. ср. р. окончания *-ā* (< **-oje*) и иногда *-ē* (**-eje*): daud'ā «длинное (долгое)», haudā «плохое (худое)», vice «овечье», vālē «воловоье». В полабских источниках зафиксировано несколько наречий, в которых адвербиализованы именны (краткие) формы им.-вин. п. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных: voisēk «высоко», dolēk «далеко», caistū «чисто», mūkrū «мокро». Но в адъективном использова-

нии они не записаны. Отмечены и адвербиализованные формы некоторых косвенных падежей кратких прилагательных: тв. п. *taixām* «потихоньку», м. п. *dübre* (< **dobrě*) «хорошо», дат. п. *draugau* в выражении *draug draugau* «друг другу».

Родительный падеж ед. ч. представлен в источниках несколькими формами м. и ср. р. с окончаниями *-āg*, *-ēg*, в конечном счете восходящими к **-ajego*: *draugāg* «другого», *ħaudāg* «плохого», *vit voisūkāg* «свысока, с высокого»; *tritēg* «третьего».

Дательный падеж представлен словоформой м. р. в одной из молитв, записанных Митхофом: *varxpūtmē* «всевышнему (верхнему)», где окончание *-ūtmē* отражает предполабское **-оти*. Дат. п. ж. р. отражает старый мягкий вариант на **-iji* в одном примере: *kā būzē daiste* «к вечере» (букв. к божьему (божьей) столу).

Винительный падеж м. и ср. р. совпадал с им. или (при одушевленных, что, однако, в материале не представлено) с род. п. Вин. п. ж. р. представлен несколькими примерами, где старое **-rjř* отражено в виде *-ř* или *-ā* (с утратой ринезма): *dūbř* «хорошую», *vilkř* «большую», *drenūvotř* «колючую», *řgovā* «правую».

Местный падеж представлен только формами ж. р.: по *levāj* «налево» и по *řgovāj* «направо»; скорее всего это адвербиализованное употребление прилагательных, отражает предполабское окончание **-ěji*. Тв. п. ед. ч. прилагательных не засвидетельствован.

Множественное число прилагательных представлено формами именительного — винительного падежа и одной формой родительного — винительного. Им. -вин. п. м. р. имел обычно окончание *-ě* < **-iji*: *drauzě* «другие», *būzě* «божьи», *storě* «старые», *molě* «маленькие (мелкие)», *cauzě* «чужие». В некоторых случаях отмечено написание *-a*, что отражает, видимо, *-ā* и может являться свидетельством унификации окончаний им. -вин. п. мн. ч. Обычно так рассматривают формы *molā* «малые», *vignepā* «огненные» (если это м. р.), но это вполне относится и к форме *lesnā* «лесные», которую транскрибируют как *lesnē* и под. Женский и средний род в им. -вин. п. мн. ч. имели окончание *-ā*, восходящее к **-yje* и **-aja*: *senepā* «сенные» (ж. и ср. р.), *vizenā* «домашние» (ж. р.), *vilt'ā* «большие» (ж. и ср. р.), *zapašnā* «жнивные» (ср. р.). В уже цитированной (§ 29) записи Хеннига отмечен случай употребления формы род. п. мн. ч. в функции вин. п. существительного с согласованной прилагательным *drauzex* «других». Форм косвенных падежей мн. ч. прилагательных не зафиксировано.

Двойственное число прилагательных представлено единичными примерами, подчас вызывающими сомнения. Наиболее достоверен пример из Хеннига: *raunā cilēsai* «полные щеки» (сущ. ср. р. *celū*). Второй пример с этим же существительным происходит из испорченного текста одной из молитв, записан-

ных Митхофом: по *sūjē řgovā cilēsai* «auf seine Backen», т. е. «на свои щеки»; прилагательное, как видим, в немецком тексте не имеет эквивалента, в других случаях оно означает «правый (в пространственном смысле), настоящий». Если тут слово употреблено в первом значении, то очевидно, что не в дв. ч., а тогда требует дополнительного толкования форма *cilēsai*; если же слово употреблено во втором значении, требует дополнительного толкования весь фрагмент текста. Третий пример — видимо, субстантивированное прилагательное *glairē* «молодые» (ср. *глупые*; о новобрачных). По смыслу здесь ожидается дв. ч. (хотя Лер-Сплавинский 1929, 201; Полянский 1971, 156; Олеш 1983, 324 видят здесь им. п. мн. ч.). Окончание *-ē* (в источниках в большинстве случаев *-e*, в одном случае *-a*) Лер реконструировал как **-yje*, Полянский (1967, 63), Олеш — как **-iji*, оба видели форму м. р. В дв. ч. ожидалось бы **-aja* > *-ā*. Поэтому случай следует рассматривать, видимо, как еще один пример (ср. § 27) использования мн. ч. вместо дв. ч., показывающий слабость категории дв. ч. в период появления полабских записей.

В источниках зафиксировано несколько случаев, когда заимствованные прилагательные не были еще адаптированы морфологически и употреблялись в одной форме, независимо от рода определяемого существительного: *gale* геро «морковь» (букв. *желтая репа*) (впрочем, Олеш 1983, 277 допускает здесь транскрипцию окончания *-ā*), *poi* (нем. *neu*) «новый», *böze* (нем. *böse*) «злой» применительно к существительным м. р. (*t'agl* «мужик, парень») и ж. р. (*zenā* «женщина», *zobo* «жаба»). Написания с *-a* не фиксируются, но Олеш (1983, 13—14) допускает, что при существительных ж. р. здесь могло пониматься окончание *-ā*. Подобные неизменяемые заимствованные прилагательные известны и другим славянским языкам (ср. рус. *беж*), а потому вполне естественны в полабском (ср. еще: Супрун 1973, 7, где в связи с рассмотрением адъективных конструкций предложено понятие «потенциально-согласованных сочетаний»).

§ 31. Числительные. В полабских источниках сохранились названия чисел первого и второго десятка, обозначения десятков, некоторые порядковые прилагательные и ряд собирательных числительных.

Числительные первого десятка

Количественные	Собирательные	Порядковые
1 <i>jadān</i> (м. р.), <i>janū</i> (ср. р.)		<i>parā, erstē, preñā</i>
2 <i>dāvo</i> (м. р.), <i>dāve</i> (ж. р.)	<i>dāvoj</i>	<i>tōrē</i>
3 <i>tāri</i>	<i>tāroj</i>	<i>tritē</i>
4 <i>citēr</i>	<i>citvārū</i>	<i>cit'ortē</i>
5 <i>pať</i>	<i>paťārū</i>	<i>poťē</i>

Количественные	Собирательные	Порядковые
6 sist	sistārū	sestē
7 sidēm	sidmārū	—
8 visēm	vismārū	vāsmē
9 divaṭ	divaṭārū	diṽpē
10 disaṭ	disaṭārū	diṣotē

В полабских источниках не зафиксированы формы числительного «1» в ж. р. и во мн. ч., числительного «2» в ср. р. Хенниг для порядковых «7-й» и «8-й» привел написания, совпадающие с количественными; поскольку в других источниках порядкового для «7» нет, его форма вызывает сомнения. Собирательные для «2» и «3» приведены в форме, указывающей, возможно, на ее разделительное значение (ср. *vāboj* «zweiteilig», т. е. «двучастный», «обоюдосторонний»). Зафиксирована форма ж. р. для числительного «обе»: *vibe*, по *vēbe*.

Формы косвенных падежей числительных почти не представлены. Для числительного «1» записана форма м. п. ж. р. ед. ч. по *janā* «на одной». Дат. п. числительного «2» представлен формами *kā dvemā/dvemo*; ср. также тв. п. *sā vibemā* «обеими». Эти формы отражают старое склонение числительного по дв. ч. Форма, приведенная у Шульце *ai dāvūx groik* «у двух груш» (с существительным, употребленным во мн. ч.), отражает более позднюю форму **dъвохъ*, известную некоторым другим славянским языкам. В тексте встретилась форма тв. п. числительного «3» (возможно, в собирательной форме): *sā tāraimē*. Порядковое для «3» зафиксировано в форме род. п. м. р. ед. ч. *triteg*.

Числительные второго десятка и обозначение десятков

11 janādist, jadānādistē, janūnācti	20 stig
12 dvenādist, dvenācti, dvenocte / dvenācte	30 pōlt'ūpē
13 trainādist, trainocte / trainācte, tarojnācti	40 citēdiṣot
14 citēnādist, citēnocte, citēnocti	50 pā (t) diṣot
15 pā (t) nādist, pānocti	60 sis (t) diṣot
16 sistnādist, sis (t) nocti	70 sidēmdiṣot
17 sidēmnādist, sidēmnociti	80 visēmdiṣot
18 visēmnādist, visēmnociti	90 divaṭ (t) diṣot
19 divaṭ (t) nādist, divaṭ (t) nocti	100 pāṭ stid'ē, disaṭdiṣot
20 disaṭ (t) nocti	
21 janū disaṭnocti, disaṭnocti janū	

Как видно из таблицы, зафиксировано два ряда обозначений второго десятка с большей и с меньшей редукцией второго компонента при сохранении первого корневого гласного или при утрате всех корневых гласных и сохранении гласного окончания. Эти ряды представлены в разных источниках (первый у Хеннига и Бокера, второй — у Пфеффингера, в Копенгагенском словаре и в одной из копий Хеннига), но отражают скорее вари-

анты, а не диалектные различия. Для «20» зафиксировано, с одной стороны, числительное, включающее его в ряд числительных второго десятка (что может служить подтверждением мысли об отражении воспоминания о двадцатеричном счете), а с другой стороны, заимствование *stig* (из нем. *Stiege/Steige* «20 снопов» и вообще «20», заимствованного также в словинские говоры), которое участвует в образовании числительного для «100», обозначаемого как «пять двадцаток» (двадцатеричный счет, известный и у других народов Европы, в т. ч. у датчан, соседей полаблян). «30» обозначается как «полкопы»; слово «копа» известно и у других славян со значением «60», но в полабском такое значение не зафиксировано. Соединения десятков с единицами, судя по записи Хеннига, не имели жестко закрепленного порядка. Наряду с *pāṭstid'ē* Хенниг записал для «100» *disaṭ (t) diṣot*, т. е. «десятьдесят». Для передачи «1000» он зафиксировал выражение *disaṭ pāṭstid'ē* «десять сотен». Форм косвенных падежей всех этих обозначений чисел не зафиксировано.

В полабском материале записаны такие слова, как *rōl* «пол», *fardāl* «четверть» (из нем.), *vilē* «много» (ср. *vеле-*), *batx* «мало» (из нем.). (Подробнее о полабских числительных см.: Супрун 1962, Полянский 1965 а, Радловский 1964.)

§ 32. Местоимения. В полабских источниках зафиксированы многие местоимения, сравнительно неплохо представлены и их формы. Эти формы отражают, как правило, праславянские. В таблицы сводятся далее сохранившиеся материалы по склонению местоимений, отсутствующие формы пропускаются. В комментарий выносятся отдельные формы, требующие пояснений, а также некоторые единичные местоимения.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица, возвратное местоимение

Падеж	Единственное число	Множественное число
И.	jo, joz / tāi, tē / —	moi / jai
Р.	mane, manā / (ai) tibē / šibē	—
Д.	mane, mine, manā; mē / tibē, tē / (kā) sēbe, sibe	nom, nām / vom
В.	mine, mane; mē, (zo, no) mā / tibē, tebe;	nos, nās / —
Т.	(prid) tā / sā, (prid, pūd) sā	(sā) nomē / (sā) vomē
М.	(sā) manq, mane (?) / (sā) tabq / (sā) sabq	— / — / (vā) sibe

Личное местоимение 3-го лица, указательные местоимения «тот», «этот»

Падеж	Единственное число			Множественное число	Двойственное число
	Мужской род	Средний род	Женский род		
И.	vān / tō / sō	— / tū / sū	vānā / to / so	vinaī / — / —	—
Р.	jēg / tūg / sēg	—	—	—	(kā)
Д.	mē / — / —	—	—	jaim / — / —	naīmo
В.	jeg, nēg / tō / — / — / tū / —	— / tō / —	—	—	—
Т.	(sā) nēm / — / —	—	—	—	—
М.	(vā) — / — / sem	—	—	—	—

Притяжательные местоимения «мой», «твой», «свой», «наш», «ваш»

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	mūj, tūj, nos	mūji, tūji, sūji	mūjā, tūjā, vosā
Р.	—	—	nosē
Д.	—	—	nos (ē)
В.	(vā) tūj, sūj	—	mūjā, tūjā
Т.	—	—	(sā) sūjā (-ā ?)
М.	mūjēm, (vā) tūjēm	—	(vā) tūjē

Падеж	Множественное число	Двойственное число
И.	mūjai, sūjai (м. р.)	—
Д.	nosēm (м. р.)	—
В.	mūje, nosē (м. р.), tūjā (ср. р.)	(no) sūjē

Определительные местоимения «весь», «всякий», «каждый»

Падеж	Единственное число	Множественное число
И.	vis (м. р.), visi (ср. р.), visot'ē (м. р.)	visai (м. р.), visi (ср. р.)
Р.	visokāg (ср. р.)	—
Д.	kozdūmē (м., ср. р.)	vit visēm
В.	visā (ж. р.)	visi (ср. р.)

Вопросительные и отрицательные местоимения «кто», «никто», «что», «ничто», «какой»

И.	kātū, nekātū, cū, nic	kot'ē (м. р.), kokā (ж. р.)
Р.	nit'ūg, cig	kot'ūg (м., ср. р.)
Д.	t'ūmau	kat'ūm (ē)

Формы личных и возвратного местоимений типа тѣ являются энклитическими, при этом формы вин. п., сохраняющие ринезм (mā, tā, sā), встречались после предлогов. Указательные местоимения tō, sō возникли, как и польское местоимение ten «тот», из сочетания указательной основы с элементом -n-: *tъnъ, *sъnъ; этот элемент использовался лишь в им. п. ед. ч. м. р. Форма дат. п. ед. ч. ж. р. притяжательного местоимения nos(ē) может быть прочитана в записи Шульце rūd sem kā nos(ē) daisko (Олеш 1983, 693), где, однако, существительное выступает явно не в дат. п., а скорее в им. п. ж. р., а потому имеет место нарушение согласования, и форму притяжательного, записанную без гласного окончания (nohss), можно понять и как форму им.-вин. п. м. р. ед. ч. Как и в аналогичных именных формах (§ 28), в тв. п. назальность окончания в записях не отражена. Форма дат. п. мн. ч. определительного местоимения visēm употреблена у Шульце с предлогом vit, требующим род. п., а потому необходимо учитывать испорченность

данного фрагмента текста. Форму вопросительного местоимения kat'ūm транскрибируют обычно kāt'ūm и, включая ее как параллельный дат. п. в парадигму местоимения kātū «кто», считают результатом контаминации им. п. *kъto и дат. п. *komu: *kъtomu. Более вероятным представляется отнесение формы к парадигме слова kot'ē «какой», тем более что в одном из источников она переводится именно как «welchem», т. е. «какому». Форма cū возникла из *cъso, как и польск. со, форма nic отражает дальнейшую редукцию последнего элемента (из *neсъso). В формах nekātū, nit'ūg в семантическом плане произошла контаминация местоимений «никто» и «некто» при ведущей роли первого. Кроме названных в полабских источниках зафиксированы отдельные формы местоимения som «сам» и сочетания tō some «тот самый». О форме местоимения им. п. мн. ч. 2-го лица jai см. § 11.

§ 33. Спряжение глаголов в настоящем времени. Хотя ни один глагол не зафиксирован в полабских источниках полной парадигмой, можно констатировать, что настоящее время представлено в памятниках сравнительно неплохо, если не считать двойственного числа, от которого сохранены лишь формы 3-го лица, а также 2-го лица мн. ч., от которого сохранилась лишь одна или две формы (citē, motē).

Настоящее время

Лицо	Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1	-q, -(ā) m, -(o) m	-moi, -mē	—
2	-s, -(ē) s, -(ā) s, -(o) s	-tē	—
3	-e, (-ojē, -nē), -i, -ā, -o	-q, (-ojq)	-to, -tā -tē

Глаголы «быть», «иметь», «хотеть»

1	jis; mom (ne-mām); cā, cā	jismoj, jismē; momē; cimē	—
2	jis; mos (ne-mās); cis (ni-cēs)	motē, citē	—
3	jā, jā; bōdē; mo (ne-mā); ci (ni-cē)	—	jistā, citā

Кроме глагола boit «быть», который должен и для полабского считаться нетематическим, в настоящем времени выделяется две главных разновидности основ. Большинство глаголов имело основу на -e, которое и выступало в 3-м л. ед. ч. фактически в качестве окончания: aidē «идет», belē «белит», bradē «бредет», cisē «чешет», gošē «гасит», klanē «клянет», lāzē «лжет», l'aibē «любит», perē «стирает» (ср. бел. прыэ), gājē «роет», sajē «шьет», stove «ставит», ticē «течет», tvorze «кажется, является (привидение)», zagē «смотрит» (ср. зрит). Этому -e в сильной позиции перед постфиксом -sā соответствовало -i: būji-sā «боится», d'ūji-sā «зажигает» (ср. бел. гоіца),

gagni-să «движется», smiji-să «смеется», trăsi-să «трясется», zazi-să «горит, жжется».

Вариантом этой разновидности являются глаголы с *-ne*, восходящие большей частью к глаголам со старой основой на *-ne/-nq-*, например: dargne «дернет», răkne «лопнет», st'ükne «прыгнет (скокнет)», virgne «бросит» (ср. *от-вергнуть*), zomăkne «замкнет». В настоящем времени эти глаголы не отличались от других глаголов на *-e*, но основа инфинитива — прошедшего времени у многих из них была на *-o*: dargnot «дернуть». Глаголов этого подтипа зафиксировано несколько десятков.

Другим вариантом разновидности были глаголы на *-oje*. Среди нескольких десятков глаголов этого варианта имеются некоторые глаголы исконного происхождения: brezdoje «брезжит», svaitoje «светает», mōtoje «мotaет», viñoje «пахнет» (ср. *воняет*), но больше к этому варианту относятся глаголы заимствованных: bad'oje «молится», denkoje «думает», falgoje «следует», strafoje «наказывает», vōdroje «жалуется». Основа инфинитива этих глаголов завершается элементом *-o-* (в слабом положении *-ă*): brind'oje — brind'ot «приносить», srib'oje/šrib'oje — srib'ot/srib'ot «писать», fūdroje — fūdrāt «кормить», vōsoje — vōsāt «обонять».

Наряду с формами 3-го л. ед. ч. наст. вр., отражающими основу на *-e*, в полабском материале зафиксировано четыре десятка глаголов с *-ă* в этой форме. Некоторые глаголы имеют парные формы на *-oje* и на *-ă*: kotoje — kotă «приходит», voñoje — voñă «живет», d'oloje — d'olă «работает (делает)». Слабому *-ă* в основах в сильной позиции соответствует (в трех случаях) *-o*: strido-să «ссорится», stūt'o-să «прислонится», šaño-să «стыдится». Среди глаголов с основой на *-ă* имеется некоторая группа исконных славянских: pēslausă «(по) слушает», maśă «чувствует, ощущает» (ср. бел. *мацае*), vol'ă «валяет», но большую часть составляют заимствованные глаголы: bedūd'ă «означает», klogă «жалуется», l'a'vă «верит», ol'ă «получает», vārdă «будет, станет». Инфинитив глаголов на *-ă* имеет перед суффиксом *-t* *-ă* или сильное *-o*: vārdot «быть, становиться», vāzposāt «возносить»; эта же основа, естественно, — в формах прошедшего времени: gaizol «путешествовал», aišorāl «создал».

Распределение личных окончаний настоящего времени определяется в некоторых формах принадлежностью к той или иной разновидности основ настоящего времени.

В 1-м л. ед. ч. окончание *-q* присоединяется к глаголам на *-e*, в том числе на *-ne* (глаголы на *-oje* в 1-м л. ед. ч. не отмечены): aida «иду», beda «прошу», seca «секу», slăisa «слышу», zaga «вижу (зрю)», ploca «плачу», pūja «пою», geza «пилю (режу)», gorna «говорю», hogna-să «питаю (сь?)». Окончание *-m* присоединялось, видимо, к основам на *-ă* (*-o*); но из нескольких зафиксированных глаголов с *-m* лишь один (met «иметь») отмечен и в 3-м л. (mot — то, ne-măt — не-мă), остальные

в этой форме не отмечены, но в трех случаях имеют формы инфинитива на *-ot*, *-ăt* (пехăт «позволяю» (ср. бел. *няхай*), flaităm «играю на флейте», šlaxtăm «убиваю»), в двух — другие личные формы (ganăm «одобряю», tepăm «думаю (мню)»), а потому и в случае ořăm «надеюсь» можно предполагать, что этот глагол имел основу на *-ă*. В форме 1-го л. ед. ч. глагола boit «быть» — jis *-m* утрачено. Окончание *-q* восходит к **-o*, а *-m* — к старому **-mь*.

Во 2-м л. ед. ч. окончание во всех случаях *-s* (из **-ši*, **-si*): dojes «даешь», dremes «дремлешь», krodēs «крадешь», mūzes «можешь», znojes «знаешь», vaizes «видишь», ganos-me «одобряешь меня», dingās «нанимаешь», viñās «выигрываешь». Оно присоединяется к основе наст. вр.

3-е л. ед. ч., как уже сказано, отражает основу наст. вр.; бывшее окончание **-tъ* утрачено. Примеры даны при характеристике основ.

Форма 1-го л. мн. ч. глагола «быть» jismoi восходит к старому **jesmy*. К этому же окончанию **-my* возводят и встретившееся в нескольких глаголах окончание *-mь*: vitēdojīmē «отдаем», ganomē «одобряем».

Форма 2-го л. мн. ч. отмечена в глаголе citē «хотите», она отражает праславянское окончание. Форма motē «имеете» здесь трактуется вслед за Лером-Сплавинским (1929, 214) и Олешем (1983, 581) как 2-е л. мн. ч., а не дв. ч., как полагал Лер-Сплавинский в другом месте (1929, 216) вслед за Шлейхером, что было принято Полянским (1973, 381).

В 3-м л. мн. ч. зафиксировано всегда окончание *-q*, отражающее старый носовой с утратой **-tъ*. Окончание присоединяется к последнему согласному основы, в том числе к *-j-* в варианте на *-oje*: lūma «ломают», pića «пекут», pūja «поют», gūda-să «родятся», pl'ōsa «пляшут», jaigroja «играют», kotoja «приходят». Форма эта отмечена менее чем в двух десятках примеров.

Сохранилось несколько примеров 3-го л. дв. ч.: jīmato-să «схватывают друг друга», svorato-să «ссорятся», visaipāto-să «целуются», bijato-să «бьются» (формы с редуцированным *-ă* даны в таблице). Форма дв. ч. отражает праславянское окончание.

§ 34. Спряжение глаголов в прошедших и будущих временах. В полабских источниках зафиксировано более ста форм прошедшего времени на *-l-* (претерита). В подавляющем большинстве случаев это формы единственного числа мужского рода. Они образуются путем присоединения *-l-* (по происхождению суффикса эловых причастий прошедшего времени) к инфинитивной основе глагола.

В полабском материале выделяется несколько разновидностей инфинитивных основ. Самые частые — основа на *-ă* и *-o-* (восходящие к старому **-a-*): tākāt «ткать», skokāt «скакать», pūtesāt «потешать», cesāt «чесать», ср. šorāt «творить»; sijot «сеять», sārōt «спать», ср. šenkot «дарить»; sprācīot «гулять». В некоторых случаях *-ă* и *-o* возникли на месте

старого *-ē: sādāt «сделать (содеть)», pōt «петь», vāzdāt «одеть»; таково же происхождение -e в глаголах bet «бояться» и met «иметь». К старому *-i восходят конечные элементы основ -ē и -ai: belēt «стирать белье (белить)», stopēt «ступить», vorēt «варить», pait «пить», bait «бить». В глаголах moit «мыть» и boit «быть» -oi- из *-y. В нескольких глаголах отмечены основы на -nq-, отражающие старые основы того же вида, соотносимые с наст. вр. на -nē-: dargnōt «дернуть (лен)», vātāknōt «воткнуть». Несколько глаголов перед суффиксом инфинитива имеет -c- или -s-: pīct «печь», visāct «рассечь (осечь)», jest «есть», post «пасти», aibüst «уколоть (убодать)» и др. Особо стоят глаголы mlāt «молоть», porūcāt «на(по)чать».

При образовании эловой формы происходило преобразование узких гласных (y, i) в ā, а потому -l предшествует в претерите -o- или -ā- (<*-a-, *-ē-): gnoī «гнал», perdol передал, pl'osāl «плясал», zařāl «смотрел (зрел)»; sīmol-sā «смеялся»; sīkol «послал», farsūkāl «пробовал», а также -ā-: zoblođāl «заблудил», pēlūzāl «положил», ср. porūcōl «начал», vāzālai «взяли» (с носовым гласным в основе), krodāl «крал» (при krost «красть»), aiseklai «усекли» (с восстановлением корневых согласных в конце основы).

Кроме формы м. р. ед. ч. в полабских источниках записано 4 формы ж. р.: mīcālā «мочила (лен)», pālā «пила», vādolā «(у)вляла», ne-mzālo-jēg «не могла его». Окончание ж. р. -o (в слабой позиции -ā) происходит из *-a. Форма ср. р. записана лишь однажды: tū graīmolū «(то = оно, нем. калыка) гремело», окончание (в сильной позиции) -ū <*-o.

Записано более десяти форм мн. ч. претерита; Полянский и Зенерт транскрибируют их с окончанием -ai <*-i. Лишь в одном случае Лер-Сплавинский (1929, 234) отметил написание окончания с -o-, что и протранскрибировал с -ai: vāz-bēlāi-jēg «они его сломали (взбили)», предполагая, что такая форма отражает старое *-y, в то время как обычные окончания отражают старое *-i; *-y видел Лер-Сплавинский и в форме, которую он читал как vāstolā (wostule в Копенгагенском словаре) «встали», Полянский и Зенерт (1967, 164) понимали эту запись как форму ед. ч., а Олеш (1973, 413), в согласии с Лером, представляется более обоснованно, понял как форму мн. ч. vāstolē и тоже возвел к *vystaly. Вопрос о сохранении в полабском различения родовых форм мн. ч. на имеющемся материале решить затруднительно. Последняя форма вполне может быть понята и как форма мужского рода. Вполне допустимо, что в полабском родоразличение форм претерита во мн. ч. не сохранилось. Формы дв. ч. в претерите в записях отсутствуют. Примеры мн. ч.: aizāsālai «испугались (ужасались)», bēlai-sā «бились», vizlikālai-sā «сравнивались»; govole «грабили» (форма мн. ч. или ед. ч. govōl вызывает сомнения: написание источника govāle допускает и прочтение без конечного гласного).

В памятниках сохранилось всего несколько форм претерита со связкой (например: ja plokol «он плакал»), зато нередко в текстах лицо находило свое выражение в местоимении, сочетающемся с глаголом: tāi krodāl «ты крал». Поэтому связка в претерите может рассматриваться как совершенно необязательный элемент (архаичный, быть может поддерживавшийся отчасти немецким языком).

Претерит

Число	Мужской род	Женский род	Средний род
Единственное	-l	-lā, -lo	-lū
Множественное	-lai, (-lāi?), -lē		

Аорист и имперфект

Число	Лицо	Аорист	Имперфект
Единственное	1	-Ø, -(ai) x	-ex, -āx
	3	-Ø, (-i, -ē)	-es, -ās
Множественное	3		-exq

По сравнению с претеритом аорист и имперфект представлены в полабских источниках довольно бедно, примерно по десятку форм каждый. Эти формы сохраняли, видимо, старое значение, но имеющийся материал не дает возможности точно проследить семантику этих времен. То, что они отмечены в многочисленных полабских текстах, в частности в свадебной песне, записях живой речи у Шульце, молитвах Митхофа, дает основание считать их, может быть, не очень активными, но живыми категориями.

Аорист. Единственное число. В 1-м л. основы инфинитива на согласный имеют нулевой суффикс: mīg «мог», voik «учился» (ср. *привык*). Лер-Сплавинский (1929, 231) добавляет сюда еще из Шульце zilē sek (siele zeck) «траву косить», что Полянский — Зенерт (1967, 201) транскрибируют как инфинитив: zilē sect. Заметим, что такие формы соотносимы с претеритом, утратившим конечное -l (ср. рус. *мог, сек*). После гласного в 1-м л. ед. ч. выступало окончание -x праславянского происхождения: aipaustaix «упустил», aītācix «встретил» (<*-utsechъ). В 3-м л. в глаголах vāzā «взял» и vāstā «встал» выступает основа без окончания, в других глаголах получило распространение завершение основы на *-e, которое в сильной позиции дало -i, а в слабой — -ē: rīcī «сказал», xūdī «шел, ходил», sādē «пошел, прошел (дождь)», voigodē «выправил»; элемент -n-(p)- при этом утрачен в глаголах rācī «лопнул» и svīcī «ударил». Другие формы аориста до нас не дошли. Обращает на себя внимание, что в других случаях аорист (и один раз имперфект) образован от заимствованных глаголов, что ука-

зывает на его относительную живость, которую Лер-Сплавинский (1929, 231) ставил под сомнение.

Имперфект. Единственное число. 1-е л. имело окончание *-ex*, *-āx*, отражающее старое **-ěxъ < *-ěaxъ*: *gisex-mě/gisāx-mě* «приказывал», *tex* «хотел». В 3-м л. ед. ч. окончание *-es*, *-ās < *-ěse < *-ěase*: *mes* «имел», *airausfās* «упускал», *bijās* «ударял», *soikās* «искал», *pi-bās* «не был». Лер-Сплавинский (1929, 232) и Олеш (1983, 252) видят имперфект в форме *kok aid'ās* «как дела?», калькирующей нем. *wie ging es?* (букв. *как шло?*). Лер-Сплавинский и Полянский (1962, 13) читают здесь *aidi-sā* — 3-е л. ед. ч. наст. вр. с возвратной частицей. 3-е л. мн. ч. представлено формой глагола «хотеть»: *texq*, где окончание отражает **-ěaxq* в праславянском языке.

Значение будущего времени выражалось, видимо, в полабском теми глаголами настоящего времени, которые соотносимы с совершенным видом, например: *aiplotē* «уплатит», *pēslausā* «послушает», *pergartē* «провертит», *gūzdelē* «разделит». Наряду с этим значение будущего времени передается в полабском конструкциями из личных форм глаголов *sa* «хочу» и *tom* «имею» и инфинитива основного глагола. Поскольку эти конструкции представлены довольно широко в текстах и фрагментах текстов, можно считать, что они отражают регулярный грамматический факт. Возможно, глагол *met* «иметь», встречающийся в подобной конструкции несколько реже, имел модальный оттенок долженствования (часто он соответствует немецкому глаголу *sollen* в немецких эквивалентах). Порядок элементов: вспомогательный глагол — основной глагол. Нередко между ними вставлялась частица, обозначение объекта и т. п. (*sa kā jedai ait* — букв. *хочу к еде идти*, *mo-sā šinot* — имеет себя осуществить = свершится).

Будущее сложное со вспомогательными глаголами *sa* «хочу», *tom* «имею»

Лицо	Единственное число
1	<i>sa ait</i> «идти», <i>met</i> «иметь», <i>sādāt</i> «сделать», <i>rot</i> «петь» <i>sa ait</i> «идти», с (а) <i>sāpot</i> «спать», <i>pi-s (a) pexāt</i> «позволить» <i>tom ait</i> «идти», <i>boit</i> «быть», <i>sijot</i> «сеять»
2	<i>cis ait</i> , <i>met</i> , <i>boit</i> , <i>sāpāt</i> <i>mos vāst</i> «взять», <i>krigot</i> «получить», <i>pl'qsāt</i> «плясать», <i>ne mās met</i> , <i>mos-sā sādāt</i> «раздеться»
3	<i>ci ait</i> ; <i>ni-cē jest</i> «есть» <i>mo sādāt</i> ; <i>mo-sā šinot</i> «свершиться»

Лицо	Множественное число
1	<i>cimē tařot</i> «потребить», <i>t'aitait</i> «сделать (кутить)», <i>vist</i> «везти»
2	<i>citē svorēt</i> «пугаться» <i>motē komot</i> «прийти»

СИНТАКСИС

§ 35. Словосочетание. Синтаксическая сочетаемость слов в полабском языке определялась в основном закономерностями согласования и управления, но в основном они соблюдались. В некоторых случаях несовершенство записей мешает установлению точных форм сочетающихся слов. Рассмотрим некоторые основные модели полабских словосочетаний.

Среди сочетаний с главным словом — существительным наиболее значительную группу в сохранившемся материале составляют согласованные сочетания определений, выраженных прилагательными, причастиями, местоимениями, с определяемыми, выраженными существительными. Согласование происходило в роде, числе и падеже. Примеры: *caistē l'ān* «чистый лен», *dūbrā nūs* «добрая ночь», *molā t'airā* «маленький цыпленок (куря)»; *unnūtā slūvesā* «ненужные слова», *zapašnā vaidlāi* «жнивные вилы»; *zomācenē dvarai* «замкнутые двери», *kpsajacē rās* «кусающий пес»; *tūji jaimā* «твое имя»; *drenūvotq* «колючую розгу», *vit visokāg xaudāg* «от всякого плохого», по *tūja vāxōtq* «за (на) твоё здоровье (охоту)». В материале имеется в косвенных падежах ряд случаев, когда согласование нарушалось, например: *fott'ā raivo* (букв. *редкое пиво*), *kā pos daisko* (букв. *к наш стол*). Особенно часты случаи в записях живой речи у Шульце.

Определение, выраженное существительным и существительным-местоимением, выступало при определяемом существительном в родительном падеже независимо от падежа определяемого, например: *laib zaito* «мера (луб) зерна (жита)», *t'ōnai raivo* «кружка пива», по *jig stārno* «на их сторону»; эти конструкции, обозначавшие количество и принадлежность, близки к конструкциям с количественными словами и числительными: *rōl rauno* «полфунта», *sist dānūv* «шесть дней». В некоторых генитивных сочетаниях существительное в род. п. означало, скорее, объект: *pučār vqsūv* «брадобрей» (букв. *чистильщик бород*).

Определенное место — около полутора десятков примеров — составляют в полабском материале именных сочетаний конструкции определительного характера, состоящие из двух существительных в одном и том же падеже. Этот тип, представленный в других славянских языках приложениями, здесь имеет несколько иное соотношение частей, которое заставляет предполагать немецкое влияние на возникновение таких конструкций. Примеры: *jort'ē-dqb* «яблоня» (букв. *яблоко дерево (дуб)*), *grensā-komoi* «пограничный камень» (букв. *граница камень*), *vaul-celē* «пчелиный улей» (букв. *улей пчелы*), *jisin-mond* «сентябрь» (букв. *осень месяц*).

Зафиксировано несколько именных сочетаний с предлогами, в которых локальное значение приобрело определитель-

ный характер: *modai vā zaitā* «черви в зерне», *dārā vā zimē* «пещера» (букв. дыра в земле), *nūz vā rādli* «лемех (нож в рале)», *kosai vā st'aibā* «плесень в хлебе», *komoī po malna-icē* «жернов (камень на мельнице)», *gang pūd zimā* «подземный ход (ход под землей)» и др.

В полабском материале отмечается несколько типов глагольных словосочетаний. Из беспредложных сочетаний наиболее частыми являются объектные сочетания с винительным падежом: *lecē gonq* «лечит рану», *piet st'aibq* «печь хлеб», *raivū vorēt* «пиво варить», *gocē moit* «руки мыть», *soikās būzēā* «искала бога» и многие другие. В семантическом плане к этим сочетаниям примыкают конструкции с инфинитивом: *mūzē venst'ē gornēt* «может по-полабски (по-вендски) говорить», *jest vore* «есть варит», *sa ait spacifot* «пойду гулять». В нескольких случаях отмечаются беспредложные сочетания с дательным падежом: *vitēdojimē posēm gresnāgūm* «прощаем нашим должникам», *svici varxpūmē būzēē* «ударил всевышнему богу».

Предложные глагольные сочетания представлены в основном с пространственными значениями или с производными от них. Конструкции с предлогом *kā* и дательным падежом указывали направление действия: *aidē kā maisā* «идет на мессу (к мессе)», *sa kā vai't'ē ait* «пойду в город», *sād kā manē* «сядь ко мне». Иной направительный оттенок — не только направление к объекту, но и размещение внутри его — передается словосочетаниями с винительным и предлогами *vā*, *po*: *sāipē vā t'ōraitē* «сыплет в корыто», *sā ait vā vāgārd* «пойду в сад (огород)», *bringoj po maisq* «доставь на ярмарку», *po glāvq vāsodēt* «на голову надеть (всадить)». Обратные направительные оттенки передаются родительным падежом с предлогами *vīt*, *vīz*, причем первый из них нередко участвует в создании конструкций, где пространственное значение уже утрачено: *dojē vīt sibe* «дает от себя», *dirzol sā vīt raivo* «воздерживался от пива», *deri-sā vīz vīzā* «выпал из дома».

Конструкции с предлогами и местным падежом передают, естественно, пребывание в месте, означенном существительным; иногда пространственное значение подвергается определенным преобразованиям. Примеры: *jis vā emerice* «есть (еси) в царствии небесном», *po pot'ē aitācix-jēg* «на пути встретил его», *po asl'e jezde* «на осле ездит», *varti-sā po vādā* «вертится на воде». Подобное значение, но с указанием на нахождение возле предмета, передается сочетаниями с предлогом *ai/au* и родительным падежом: *bāla au jādai* «была на обеде (у еды)», *ai tibe sāpāt* «у тебя спать», *sād ai kāmēn* «сядь у печи (камина)».

Словосочетания с предлогом *sā* и творительным падежом передают в источниках в основном орудийное значение: *vīzē sā lūdā* «везет на ладье (с ладьей)», *dirzē sā vibemā rōkomā* «держит (с) обеими руками», *sā vicaīmā migojē* «(с) глазами мигает», *stōri-sā sā lūxt'ām* «опирается (с) локтем», *bijē sā omāfām* «бьет (с) молотком».

В сохранившемся материале представлены словосочетания глаголов с наречиями места, времени, способа действия и др.: *pēna svetē* «нынче сверкает (светит; о молнии)», *pūd sem ar* «поди сюда», *sāpol dūbrē* «спал хорошо».

Как видно из приведенного материала, порядок глагола и существительного, глагола и наречия не был жестким. Следует отметить также, что в сохранившихся записях имеется ряд нарушений в использовании тех или иных форм косвенных падежей (например: *kraiz raivū* — букв. кружка пиво). Возможно, что часть из них вызвана несовершенством записей, но ясно и то, что дошедшие записи относятся к последним десятилетиям уже сильно редуцированного функционирования полабского языка, что и могло сказаться на определенных упрощениях при действии грамматических норм.

§ 36. Простое предложение. Полабский язык принадлежал к языкам с номинативным строем предложения. Обычный порядок слов: субъект — предикат — объект. Типичное выражение субъекта — им. п. существительного или местоимения; предиката — личная форма глагола; прямого объекта — вин. п. существительного, местоимения, инфинитив. Примеры (здесь и далее с пословным переводом): *šarār posē vice* «Пастух пасет овец», *deŭa voiknē gornēt* «Дитя учится говорить», *vān pi mūzē gornēt* «Он не может говорить», *jo sa ait spacifot* «Я пойду (букв. хочу идти) гулять», *jo sa piet st'aibq* «Я буду печь хлеб». При личной форме глагола подлежащее иногда пропускалось: *mos ražā — ne mām ražā* «Имеешь деньги? — Не имею денег». Зафиксировано несколько безличных предложений: *ninā marznē* «Ныне морозит»; иногда под немецким влиянием в них появляется в роли формального субъекта местоимение: *tū gramē* «(Гром) гремит», ср. нем. *Es donnert*. Предикат в полабском языке нередко выражался прилагательным или существительным, большей частью при этом использовалась в качестве связки форма глагола *boit* «быть»: *joz jis storē* «Я (есмы) старый», *mon jā raunē* «Луна (есть) полная», *tū jā ot'ai* «Это (есть) крючок». Отмечается иногда инверсия подлежащего и сказуемого: *dāzd aidē* «Дождь идет» и *aidē dāzd* «Идет дождь», *minē dovē tq glād* «Меня давит этот голод»; а также предиката и объекта: *tāi tūjā vaistā ni vīzaž* «Ты твои губы не обожги». Субъект и объект могут попасть между частями сложного глагольного предиката: *ci dāzd ait* «Будет (букв. хочет) дождь идти», *joz tom tūjā brūt boit* «Я буду (букв. имею) твоей невестой (быть)», *cis-sā kōpāt ait* «Будешь купать(ся) идти». Определение — прилагательное и местоимение согласуется с определяемым существительным в роде, числе и падеже и предшествует ему: *to zenā mo dūbrā mlākā* «Это женщина имеет хорошее молоко». В препозиции также выступало определение-местоимение в род. п.: *lekār lecē jig gonq* «Врач лечит его рану»; подобное определение-существительное употребляется в постпозиции: *tāi mos voipēt*

t'õnai raivo «Ты должен выпить (выпьешь) кувшин пива». Место обстоятельства в предложении четко не закреплено: ninã tã komãs kã manẽ «Ныне ты придешь ко мне», joz aida vã vãgãrd «Я иду в сад (огород)», no tũj vos müzẽ jist dren rüst «На твоей бороде может еще дерн расти», joz cã kã vait'ẽ ait «Я буду в город идти».

Отмечены предложения с однородными членами, в том числе субъектами и предикатами: mũj l'ol'ã un motai jista din vã tq kl'aud «Мой отец и мать такого же мнения» (букв. *суть* (дв. ч.) *тоже в той мысли*), ni farföörj-nãs vã farsöko, erlö-zũj-nãs vit tũg xaudãg (Мф. 6, 13; букв. *Не заведи нас в искушение, избавь нас от этого плохого*. — Митхоф), vorno rici vãpãk kã naimo kã dvemo «Ворона сказала опять к ним (дв. ч.) к двум» (Песня, Хенниг). В материалах живой речи, зафиксированных Шульце, имеются довольно сложные конструкции с однородными членами, приближающиеся к сложным предложениям: mom joz vlãsãi, tũd'ẽ mom tok kãk draud'ẽ l'audai «(Если) у меня есть волосы, то это как и у других людей» (букв. *Имею я волосы, тогда имею так, как другие люди*), kãk pãtincẽ mlã-kã un dũbrã zenã tũ moi ne momẽ «(Как) птичьего молока и доброй жены, (то) мы не имеем».

Судя по небогатому синтаксическому материалу, который зафиксирован в источниках, значимой была синтаксическая позиция в начале предложения. Этим, возможно, объясняется выдвигание на первое место предиката или объекта: brind'oj sũli «Принеси соли», zaitũ vã mex sãipẽ «Жито в мех сыплет». Этим же можно объяснить выдвигание на первое место обстоятельства, а также постановку на первом месте вокатива и императива: rũd ar! «Поди сюда!», zenã, aid dũmo, vor t'õsor «Жена, иди домой, вари кашу». С этим же связана, очевидно, и постановка на первом месте вопросительных слов в немногочисленных зафиксированных вопросительных предложениях: kãtũ mes nenkã boit? «Кто был (букв. *имел быть*) невестой?», kom cis en ait? «Куда пойдешь?», kãt'ũmẽ joz krodãl vãl ar t'ũbãl (ã)? «У кого (букв. *какому*) я украл вола или кобылу?». В вопросительных предложениях на первое место выдвигается глагол-предикат: müzẽs venst'ẽ gornẽt? «Можешь говорить по-вендски?», znojis-jẽg? «Знаешь его?»

Повторы и некоторые перечисления имели эмфатический характер. Например, эмфатическим было перечисление в таком предложении: joz, tãi, visai motẽ komot «Я, ты, все могут прийти». Аналогичен и характер повтора фрагмента предложения в каждом из семи куплетов полабской песни, например: ne müg spelman boit, joz ne müg spelman boit «Не мог быть музыкантом, я не мог быть музыкантом».

§ 37. Сложное предложение. Из 25 зафиксированных сложных предложений — 15 бессоюзные, например: tũj rik komã, tũjã vil'ã mo-sã šinot vã nebišau kãk visai sokvoi no zimẽ (Мф. 6, 10; букв. *Твое царство придет, твоя воля свершится на небе, как*

все вещи на земле). В 7 однотипных предложениях из 7 куплетов песни и еще в двух предложениях из записей разговорной речи, сделанных Шульце, представлена прямая речь, следующая за словами автора, например: tibẽ joz rici: tũ tãi jis dif kã dvemo: joz jis vilt'ã molẽ t'arl, ne müg zãtẽk boit, joz ne müg zãtẽk boit «Крапивник сказал опять (к) (н)им (дв. ч.) (к) двум: я (есмы) слишком маленький парень, не мог быть женихом, я не мог быть женихом». В остальных предложениях, в том числе в 3 вариантах процитированного фрагмента из «Отче наш», бессоюзно выражается одновременное или последовательное совершение событий: tãd stũjẽ raivũ, raĩ «Здесь стоит пиво, пей».

Среди сложных союзных предложений следует отметить 3 с использованием в качестве союзного средства указательных местоимений tã, tq: nos fader, tã tãi jis vã nẽbišai, sjõtã vãrdã tũji jaimã (Мф. 6, 9; букв. *Наш отец, тот ты еси в небе, святым будет твое имя*), vã sem l'õdũ ni ja jadãn defkã, tq tãi ni prosãl «В этой земле нет ни одной девки, которую (букв. *ты*) ты не просил». В варианте «Отче наш» и еще в одном тексте Митхофа вместо tã написано tada и tade. Полянский транскрибирует это как tãdẽ «там»: büzãc, tãdẽ tãi jis vã tũjẽ emerice, vitẽdũj-mẽ dox te müje grexẽ vã büzẽ jaimã (Мф. 6, 9—12; букв. *Боже, (там) ты еси в своем царствии небесном, прости мне эти мои грехи во божье имя*). Возможно, здесь не слово со значением *там*, а некоторое видоизменение (редупликация) tã типа tãtã (ср. рус. *тот*).

Одно предложение из «Отче наш» имеет сравнительный характер, передаваемый союзом kok/kãk: nosij daglit'ã st'aibẽ dũj-nãm dans un vitẽdũj-nãm nosẽ grexẽ, kok moi vitẽdũjimẽ posẽm gresnãrũm (Мф. 6, 11—12; букв. *Наш ежедневный хлеб дай нам сегодня и прости нам наши грехи, как мы прощаем нашим грешникам*). В одном случае представлен сложный союз kok... tok «как...так»: kok vilẽ varxne büzãc kopkõ kãroi aipaustãs, tok vilẽ Moraikã slãzẽ aipaustãs «Сколько (букв. *как много*) всевышний бог уронил капель крови, столько (букв. *так много*) Мария слез уронила». Наконец, еще в одном случае в функции союзного слова выступает род. п. (в функции вин. п.?) местоимения cũ «что»: joz mom t'esãi ait pũzarãt, sig tq knext t'aite «Мне надо (букв. *я имею*) идти домой посмотреть, что (букв. *чего*) этот парень делает». Таким образом, в полабском языке имеются начала гипотаксиса, отчасти, видимо, возникающего не без немецкого влияния в переводах, но отчасти, как в последнем примере, и автохтонного. Для выводов о строе сложного союзного предложения материал недостаточен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 38. Некоторые выводы из изучения полабского языка.

Анализ дошедших до нас материалов по древне-полабскому языку показывает, что вплоть до самого последнего этапа своего существования полабский язык мог служить адекватным средством общения в тех сферах жизни, где он продолжал применяться. Реальный словник объемом порядка пяти тысяч слов обеспечивал общение в сфере крестьянского быта и примитивного хозяйства. Показателем упадка были скорее не внутриязыковые изменения, не сближение полабской и нижне-немецкой фонологических систем, не проникновение в полабский многочисленных заимствований, в том числе глаголов (впрочем, в зафиксированном материале заимствования не превышают трети словника), а изменения внешние — сокращение тех сфер жизни, где применялся полабский язык (с одновременным расширением за этот счет сфер применения немецкого языка). В связи с этим интересно зачастую не отсутствие среди дошедших до нас довольно многочисленных славянских слов, относящихся к различным сферам духовной жизни и описания окружающей среды, а, напротив, наличие некоторых слов из этих сфер, таких, к примеру, как обозначения «связной» и «несвязной» речи.

Изучение сохранившихся материалов настойчиво ведет к мысли о том, что ограниченность полабских языковых данных представляет собой не столько отражение реальной замкнутости материала, сколько отражение неполноты и фрагментарности его фиксации. Мы знаем, например, что еще в 70—80-х годах XVII в. полабские распевавшие свои песни на праздниках, причитали на своем языке на похоронах и имели свои заговоры на разные случаи жизни. Но до нас дошел только один текст полабской песни, пяток текстов примитивных христианских молитв, и ни одного текста заговора или плача. Вполне вероятно — потому, что в собственно полабских текстах отражались те языческие верования, склонность к которым суровые церковные визитаторы отмечали в конце XVII в. Конечно, сведения о полабском языке, дошедшие до нас, замкнуты, но они в принципе не исчерпывают всего полабского материала, если иметь в виду и те его существенные части, которые до нас не дошли.

Характер дошедшего до нас полабского языкового материала обуславливает различные аспекты его значимости для науки. Так, для сравнительно-исторического изучения славянских языков едва ли существенны полабские материалы по фонетике, морфологии, синтаксису. Но в области лексики и фразеологии полабский обладает значительной ценностью для анализа древнейших языковых явлений. Так, например, можно думать, что в полабском названии солнца и погоды *vedgū* и в выражении *dāzd/sneg aidē* «дождь/снег идет» отразились древние лексические и фразеологические модели. Несмотря на

множество заимствований, поскольку все они (или почти все) поступали из одного (нижне-немецкого) источника, словарь важен для сравнительно-исторического анализа лексики в славянских языках.

Но если данные по фонетике и словоизменению малоинтересны для сравнительно-исторического изучения славянских языков, то их анализ представляет немалый интерес для исследования проблемы языковых контактов. Здесь важны как социолингвистические данные, так и внутриязыковистический аспект: сохранение одних, замены других элементов и разрушение третьих. Так, к примеру, в словоизменении наблюдается либо сохранение старых форм (разумеется, с надлежащими звуковыми преобразованиями), либо же нарушения правил согласования и управления, связанные с разрушением склонения; замены славянских форм заимствованными здесь не наблюдаются. Напротив, в системе грамматических слов есть примеры проникновения немецких элементов и замены ими исконных. Проблема языковых контактов для полабского языка отягощается другой социологически значимой проблемой — проблемой прогрессирующего сужения функционирования полабского языка вплоть до полного прекращения его существования как родного языка для кого бы то ни было, т. е. прекращение его существования как живого языка.

Язык каждого народа, великого или малого, язык закрепленный в литературе или не получивший письменной фиксации, всякий язык отражает исторический опыт народа — творца и носителя этого языка, и представляет собой культурную ценность для человечества. И потому данные полабского языка представляют огромную ценность прежде всего и главным образом для познания этого славянского языка, существовавшего в Центральной Европе вплоть до середины XVIII в. И поэтому мы испытываем чувство признательности к тем, благодаря чьему труду до нас дошли эти сведения, — и к великому ученому Лейбницу, и к скромному крестьянину Шульце, и к много лет собиравшему ценный языковой материал Хеннигу, и к Пфеффингеру, интерес которого был, вероятно, преходящим, и к другим известным и неизвестным собирателям. Познание языка полабских древян обогащает сокровищницу славистических и общелингвистических знаний, да и вообще сокровищницу культуры. Через полабский язык мы узнаем или уточняем некоторые факты, а главное — через познание полабского языка мы укрепляем собственное человеческое достоинство наследников духовных достижений всех тех, кто был до нас.

ИСТОЧНИКИ

Письменные источники, из которых мы черпаем сведения о полабском языке (§ 2), это несколько словарей; наряду с чисто словарными материалами они включают тексты и фрагменты текстов на полабском языке. В настоящем приложении приводятся полностью в транслитерации, транскрипции с немецким и русским подстрочным переводом все сохранившиеся полабские тексты, включая и записанные Парум-Шульце диалоги, являющиеся образцами живой, местами грубоватой речи древянских мужиков на последнем этапе существования полабского языка — в 20-х годах XVIII в. Мелкие фрагменты текстов — отдельные словосочетания и предложения здесь не воспроизводятся. Для того чтобы читатель мог получить представление о характере наиболее совершенного и полного из дошедших до нас словаря, а именно словаря Хеннига, далее приводится транслитерация небольшого фрагмента этого словаря (по фототипически воспроизведенной Олешем 1959 рукописи).

ИЗ СЛОВАРЯ ХЕННИГА (с. 130)

Eiche, Dûmbe, plur. Dumbóy
Eich-Apfel, Dûmbriânka
Eichel, Selûnd, plur. Selûnda
Eigen, Ssigi. Heißt sonst das Seinige, wie Migi, das Meinige. In seinem Eigenthum, Waßijîm, auch Waßidîm
Eimer, Wûmberak

Перевод (немецкой части) и транскрипция (полабской)

Дуб, dqbě, мн. ч. dqbói
Черничный орешек, dqbřonkă
Жёлудь, zelqd, мн. ч. zelqdă
Собственное, sŭji. Иначе означает свое, как mŭji, моё. В своем владении, vâ sŭjim, также vâ sŭj dŭm
Ведро, vqbörăk

ТЕКСТЫ

I. Свадебная песня, записанная Христианом Хеннигом

A. Транслитерация записи (Олеш/Хенниг 1959, с. 386—389)

1. Katü mēs Ninka bayt? Telka mēs Ninka bayt: Tēlka rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Jōs gis wiltga grīsna Sena; Nemik Ninka bayt, Jos nemik Ninka bayt.

2. Katü mēs Santik bayt? Stresik mēs Santik bayt: Stresik rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Jōs gis wiltga mole tgaarl; Nemik Santik bayt, Jos nemik Santik bayt.

3. Katü mēs Treibnik bayt? Wōrno mēs Treibnik bayt: Wōrno rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Jōs gis wiltga tzōrne tgaarl; Nemik Treibnik bayt, Jos nemik Treibnik bayt.

4. Katü mēs Tgauchgor bayt Wautzka mēs Tgauchgor bayt Wautzka rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Jōs gis wiltga glupzit tgaarl; Nemik Tgauchgor bayt, Jos nemik Tgauchgor bayt.

5. Katü mēs Czenkir bayt? Sogans mēs Czenkir bayt: Sogans rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Jōs gis wiltge dralle tgaarl; Nemik Czenkir bayt, Jos nemik Czenkir bayt.

6. Katü mēs Spellman bayt? Butgan mēs Spellman bayt: Bütgan rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Jōs gis wiltge dauge Roat; Nemik Spellman bayt, Jos nemik Spellman bayt.

7. Katü mēs Teisko bayt? Leiska mēs teisko bayt: Leiska rītzī woapak ka neimo ka dwemo: Risplasteite miang Peisong, Bungde wóaßa Teisko Bungde wóaßa Teisko!

Б. Немецкий перевод Хеннига (там же, с. 390—393)

1. Wer soll Braut seyn? Die Eule soll Braut seyn. Die Eule sprach hinwieder zu ihnen den beyden: Ich bin eine sehr heßliche Frau, kan die Braut nicht seyn: ich kan die Braut nicht seyn.

2. Wer soll Bräutigam seyn? Der Zaunkönig soll Bräutigam seyn. Der Zaunkönig sprach hinwieder zu ihnen den beyden: Ich bin ein sehr kleiner Kerl; kan nicht Bräutigam seyn: ich kan nicht Bräutigam seyn.

3. Wer soll Brautführer seyn? Die Krähe soll Brautführer seyn. Die Krähe sprach hinwieder zu ihnen den beyden: Ich bin ein sehr schwarzer Kerl; kan nicht Brautführer seyn: ich kan nicht Brautführer seyn.

4. Wer soll Koch seyn? Der Wolff soll Koch seyn. Der Wolff sprach hinwieder zu ihnen den beyden: Ich bin ein sehr tückscher Kerl; kan der Koch nicht seyn: ich kan der Koch nicht seyn.

5. Wer soll Schencker seyn? Der Hase soll Schencker seyn. Der Hase sprach hinwieder zu ihnen den beyden: ich bin ein schneller Kerl; kan nicht Schencker seyn: ich kan nicht Schencker seyn.

6. Wer soll Spielmann seyn? Der Storch soll Spielmann seyn. Der Storch sprach hinwieder zu ihnen den beyden: Ich habe einen sehr langen Schnabel: kan nicht Spielmann seyn: ich kan nicht Spielmann seyn.

7. Wer soll Tisch seyn? Der Fuchs soll Tisch seyn. Der Fuchs sprach hinwieder zu ihnen den beyden: Schlagt von einander meinen Hintersten: der sey euer Tisch: derselbe sey euer Tisch.

В. Транскрипция (Полянский — Зенерт 1967, с. 218—219; 5, п. 2, 4)

1. kätü mes nenkă boit? tōlkă mes nenkă boit: tōlkă rīci

văpăk kă naimo kă dvemo: joz jis vilt'ě grūznă zenă; ne mûg nenkă boit, joz ne mûg nenkă boit.

2. kătû mes zătěk boit? strezěk mes zătěk boit: strezěk rici văpăk kă naimo kă dvemo: joz jis vilt'ě molě t'arl; ne mûg zătěk boit, joz ne mûg zătěk boit.

3. kătû mes traivnėk boit? vorno mes traivnėk boit: vorno rici văpăk naimo kă dvemo: joz jis vilt'ě corně t'arl; ne mûg traivnėk boit, joz ne mûg traivnėk boit.

4. kătû mes t'auxor boit? vauckă mes t'auxor boit: vauckă rici văpăk kă naimo kă dvemo: joz jis vilt'ě glupsě t'arl; ne mûg t'auxor boit, joz ne mûg t'auxor boit.

5. kătû mes šent'ir boit? zojăc mes šent'ir boit: zojăc rici văpăk kă naimo kă dvemo: joz jis vilt'ě dralě t'arl; ne mûg šent'ir boit, joz ne mûg šent'ir boit.

6. kătû mes spelman boit? bût'ăn mes spelman boit: bût'ăn rici văpăk kă naimo kă dvemo: joz jis vilt'ě daud'ě rât; ne mûg spelman boit, joz ne mûg spelman boit.

7. kătû mes daisko boit? laiskă mes daisko boit: laiskă rici văpăk kă naimo kă dvemo: rûsplăstaitě mûjă paizq, bqdě vosă daisko, bqdě vosă daisko.

Г. Подстрочный перевод на русский язык

1. Кто имел (должен был) невеста быть? Сова имела невеста быть: сова сказала обратно к ним к двум: я (есмы) очень страшная женщина; не могла невеста быть, я не могла невеста быть.

2. Кто имел жених быть? Крапивник имел жених быть: крапивник сказал обратно к ним к двум: я (есмы) очень маленький мужчина; не мог жених быть, я не мог жених быть.

3. Кто имел дружка быть? Ворона имела дружка быть: ворона сказала обратно к ним к двум: я (есмы) очень черный мужчина; не мог дружка быть, я не мог дружка быть.

4. Кто имел повар быть? Волк имел повар быть: волк сказал обратно к ним к двум: я (есмы) очень коварный (злой) мужчина; не мог повар быть, я не мог повар быть.

5. Кто имел виночерпий быть? Заяц имел виночерпий быть: заяц сказал обратно к ним к двум: я (есмы) очень быстрый мужчина; не мог виночерпий быть, я не мог виночерпий быть.

6. Кто имел музыкант быть? Аист имел музыкант быть: аист сказал обратно к ним к двум: я (есмы) очень длинный клюв (длинноклювый); не мог музыкант быть, я не мог музыкант быть.

7. Кто имел стол быть? Лисица имела стол быть: лисица сказала обратно к ним к двум: распластайте мою задницу, будет ваш стол, будет ваш стол.

II. Традиционные тексты, записанные Хеннигом, Митхофом, Бухгольцем

1) Запись Хеннига (текст: Олеш/Хенниг 1959, с. 65—66; транскрипция: Полянский — Зенерт 1967, с. 217—218)

A. Nôŕe Wader, ta toy giŕ wa Nabisgáy, Sjungta woarda tûgi Geima tia Rik komma, tia Willia schinyôt, kok wa Nebisgay; tok kak no Sime, noŕi Wiŕedanneisna Stgeiba doy nam dâns, un wit-ni bringoy nôs ka Warsikoŕye, tay lôsoay Nôs wit Wiŕokak chaudak, Amen.

B. Unser Vater, der du bist im Himmel, geheiligt werde dein Name, dein Reich komme, dein Wille geschehe, wie im Himmel, also auch auf Erden, unser täglich Brodt gib uns heute, und ver-gib uns unsere Schuld, als wir vergeben unsern Schuldigern, nicht führe uns in Versuchung, du erlöse uns von allem Ubel. Amen.

B. nos fader, tă tăi jis vă nebiŕai, sjotă vărdă tûji jaimă. tûjă rik komă, tûjă vil'ă ŕiŕot, kok vă nebiŕai, tok kăk no zimě. nosij viŕedanesnă st'aibě doj-năm dâns, un vitědoj-năm nos grex, kăk moi vitědojimě noŕem gresnărûm. ni brind'oj nos kă far-sûkoŕe, tăi lôzoj nos vit visokăg ŕăudăg. amen.

Г. Наш отец, тот ты есть (еси) в небе, святое будь твое имя. Твое царство придет, твоя воля совершится, как в небе, так как на земле. Наш повседневный хлеб дай нам сегодня, и прости наш грех, как мы прощаем нашим грешникам (должникам), не неси нас к искушению, спаси нас от всякого плохого. Аминь.

Вариант Митхофа (Олеш 1967, с. 52, Полянский — Зенерт 1967, с. 195)

A. Noos wader tada tōjis wattuem nibisien Sjonctă mowardoot tūi seimang tūi Rieck cumma tua willia mossa schjriot wan nibisjeu cack wissei soquoi noossime noossi daglitia Sjeibe dūnam daans ūn wittodūman noosse Greichje cook moy witto dūjeme noossūme Greichŕnarim, ni farforūnas wa versoikung, erlōsūnas wittigge goidac HAmēn.

B. nos fader, tādē tăi jis vă tūjēm nēbiŕau, sjotă moy vărdot tūji jaimă. tūj rik komă, tūjă vil'ă moy-să ŕiŕot vă nēbiŕau kăk visai sokvoi no zimě. nosij daglit'ă st'aibě dūj-năm dâns, un vitedūj-năm nose grexē, kok moi vitedūjimě noŕem gresnărûm. Ni farfōrūj-năs vă farsōkq; erlōzūj-năs vit tūg ŕăudăg. amen.

Вариант Бухгольца (Олеш 1967, с. 95, Полянский — Зенерт 1967, с. 202; последняя запись полабского текста — Олеш 1968a, с. 634)

A. Noos l'olga Tatta, jis wannewuē, geiljona wadatue jan mank ta Nom, kumm tue Ritje, tue Wilje neke bung te kak, dak noosim noos daaglitja Sceibe, dok noosin dâns duē kakma, noos duē Soneitz, perdodim ni noos Waversoēking, noom witung skef deta.

B. nos l'ol'ă, tă tăi jis vă nebū, xail'onă vărdă tūji jaimă. kă nom komă tūj rit'ě, tūjă vil'ă nex bqdě kăk... tok no zimě. nosij daglit'ă st'aibě doi... dâns... nosē du(d,ě)... kăk moi nosē du-znaică perdodimě. ni...nos vă farsōkq... nom vit tq ŕăudōtē.

2) Из записей Митхофа (Олеш 1967, с. 52—53, Полянский — Зенерт 1967, с. 196—197)

A. Būsaz tade tojis wattuje emmerize wittödume doch tamüje Greichje wa Būse jeomang.

Plotūs wasang drenū wottong rösgung suitsj wargnūme Busje nosūje prowa tsilesoi coquile wargne Būsaz copcung caroi aipoistas toquile Moroika slase apoistas, Tjirioleis.

Daans ian Moroin daanaaz waddaan noos Jesus porüdeine tōhr daan dump jalajec trite daan afstōrial comine wade simia tu wissi noos Jesus afstōrial took tung krie wa ganzen weltie afstōrial. Tjirioleis.

Moroia gūdi wackaerst tserkweitse sat taraimē suetskome soikas Būsie nem salojick nitjidde noocht, seidee lumang tsoorne dreine techung Būsje wir diattai tu mý Būsaz nibas waine wissang lidang prilidiol por noosse grees neitje.

Б. Немецкий перевод Митхофа (там же)

Gott du bist im Himmel, vergib mir doch meine sünde in Gottes Nahmen.

Pilatus nahm eine dornen ruthe, schlug Gott den Herren vff seine Backen; wie viel tropffen Bluth Gott dem H. von seinen backen fließen, so viel trähnen Maria auß ihren augen fließen. Kyrieleis.

Heutte ist Marien tag, da unser Herr Jesus gebohren, am andern taige [sic!] ist Er getaufft, den dritten tag hat Er alles abgesteüret, steine, waßer vndt Erde; daß alles unser Jesus hat abgesteüret, so soll Er den Krieg absteuren von der gantzen welt. Kyrieleis.

Maria ging vmb die Kirche mit drey Leüchtern, suchte Gott, konte ihn nicht finden, die juden brachen dornen streüche, wolten Gott damit streichen, deren mein Gott nicht wehrt wahr, alle daß leiden hat er über gelitten für vns arme Sünder.

B. bŭzác, tádě tǎi jis vǎ tŭjě emerice, vitědŭj-mě dox te mŭje grexě vǎ bŭzě jaimǎ.

Plótūs vǎzǎ drenŭvotǒ rōzgo, svici varxnŭmě bŭzěcě [?] no sŭjě provǎ cilēsai. kok vilě varxně bŭzác kopkǒ kǎroi aipaustǎs, tok vilě Moraikǎ slǎzě aipaustǎs. t'ifolais.

dans jǎ Morain danǎc, vǎ dan nos Jezus pěrŭdeně. tōrě dan dǒpǎlai-jeg. tritě dan afstōřǎl komině, vǎdǎ, zǐma. tŭ visi nos Jezus afstōřǎl. tok tǒ krig vǎ gancēn velt'ě afstōřǎl. t'ifolais.

Moraia xŭdi vǎkǎrst carkvaicě sǎ tǎraimě sveckomě; soikǎs bŭzěcǎ [?]. ne-mzǎlo-jěg nit'idě noit. zaidě lŭmǎ cornǎ dreně, texǒ bŭzěcǎ [?] vird'ǎt. tŭ mŭj bŭzác ni-bǎs vaině, visǎ lidǎ prilid'ot per nos gresnait'ě.

Г. Бог, (тот) ты (еси) в твоём царстве небесном, прости все же те мои грехи во божье имя.

Пилат взял колючую (терновую) розгу, ударил всевышнему

богу по его правой щеке. Как много всевышний бог капель крови уронил, так много Мария слез уронила. Господи помилуй. Сегодня есть Мариин день, в день наш Иисус родился. Второй день крестили его. Третий день отделил камни, воду, землю. Это все наш Иисус разделил. Так ту войну во всем свете (пусть бы) отбросил. Господи помилуй.

Мария шла вокруг церкви с тремя свечками, искала бога. Не могла его нигде найти. Евреи ломают черный терн, хотели бога бить. То мой бог не был виновен, все страсти претерпел за нас грешников.

III. Устные высказывания и диалоги, записанные Яном Парум-Шульце (Олеш 1967, с. 173—179, Полянский — Зенерт 1967, с. 197—200)

teu pud zehn har / heid sangd kam mahn / johss zang tiebbe zōhg rietzat / johss mehnang / johss tech tiebe rado meht / mŭh lohlja un mohtey jista din wat tung klāud / māu mohm wissie waa nohs wiesaa, kack pattinze, mlakaa / un diebbra sehna, tŭh māu neh mom / johss saarang hile noh tiebe waa zartje / ninna tǎu kummas kam mahn / wass zehm lijungdo nie jang nie jaddahn deffca tung teu nie prosal / ninna teu wid wissiem tung tjutzehr kriejohl / ninna johss mohm tŭh brŭdt bǎut / teu nie mehnass dibbra deffca / teu siess baa* viel jeldt meht / pirtŭ tibbe nitzang meht / tǎu jiss ninna stohr kaw vrijohn / pŭd zehm kaa nohss deissco / mohss maade jeest / tad jang jaddaan stǎul / heyd zangdie / Deffca, holjo talleer dannǎu / zehm jang jaddan lasseitz / tung kohlǎu jang hist teplŭh / tǎu tŭhe wǎusta nie wiedseess / weitz taad, wam schwein-mangsie / taad jang hist zaar un mohssco / taad stŭhe peiwŭ, pey / neeg tiebbe tŭh schmacojie / johss zang kaa weitje heit / johss mohm hist zittir kreyw / johss zang minne tock peyohn peit / tidje sehna siete minne schworet / tǎu mohss wiltje wungs zaa viel vlassa / mohm johss vlassa, tidje mohm tock kack drǎuje lǎudey / noh tŭhe wungss mŭhse hist drehn rŭhst <...> pŭd har / leiss minne wap peisde / pŭsaarim wat tung darung / schlǎusses tǎu / tibbe johss rietzang tŭh / tǎu jiss diew / tǎu krodahl / (tǎu) krodies / tǎu siess lah wibbossehn bǎut / zŭg tǎu gorniss, ziss tǎu tŭh stodt / kattŭhm johss krodal wahl ar tjŭbahl / johss, tǎu, wissey mohta kummoh / māu zieme radŭst wissie tarjoht

* Вариант (по другой копии): laa.

Б. Немецкий перевод Шульце (там же)

du, komm hierher / gehe sitzen bey mir / ich will dir was sagen / ich meine / ich wollte dich gern haben / mein Vater und Mutter sind auch in den Gedanken / wir haben Alles in unserm Hause, als Vögel, Milch / eine gute Frau, die haben wir nicht / ich sehe allzeit auf dich in der Kirche / nun du kömmt nach (zu) mir / in diesem Lande ist nicht Eine Dirne, die du nicht gefraget / nun du von allen den Korb gekriegt hast / nun soll ich deine Braut

seyn / du [nicht] meinst gute Mädchen / du willst nur viel Geld haben / darum will ich dich nicht haben / du bist nun (zu) alt zu heiraten / komm mit bey unsern Tisch / du sollst mit essen / da ist ein Stuhl / gehe sitzen / [Dirne,] hohle Teller herein / hier ist ein Löffel / der Kohl ist noch heiß / daß du deinen Mund nicht verbrennest / siehe da, nimm Schweinfleisch / da ist auch (noch) Kuhkäse [und] Butter / da stehet Bier trinke / laß dir (es) wohl schmecken / ich will nach (der) Stadt gehen / ich habe noch vier Groschen / ich will mich ganz duhn trinken (mich betrinken) / denn die Frauen wollen mir keiffen (mich auskeiffen) / du hast einen großen Bart mit vielen Haaren / habe ich [Haare], so habe ich (so) wie andere Leute / auf deinem Bart kann wohl Dorn wachsen <...> komm her / lecke mich im... / besiehe mich in das Loch / hörst du? / dir sage ich das / du bist (ein) Dieb / du hast gestohlen / (du) stiehst / du willst nur aufgehenkt seyn / was du redest, willst du das stehen? / wem habe ich gestohlen (einen) Ochsen oder (ein) Pferd? / ich, du, alle zusammen sollt kommen / wir wollen Hochzeit zusammen verzehren

B. tãt pũd sem er! aid sãd kã manẽ. joz cã tibẽ cẽg ricãt. joz menãm, joz tex tibẽ rãdo met. mũj l'ol'ã un motai jistã din vã tã kl'aud. moi momẽ visi vã nos vizã. kãk pãtincẽ mlãkã un dũbrã zenã, tũ moi ne momẽ. joz zarã elẽ no tibẽ vã cart'iv. — ninã tãt komãs kã manẽ. vã sem l'odũ ni jã jadãn defkã, tã tã ni prosãl. ninã tãt vit visẽm tã t'icer krigol. ninã joz mom tũjã brũt boit. tãt ni menãs dũbrã defkã. tãt cis lã vilẽ gelt met. per tũ tibẽ ne cã met. tãt jis ninã storẽ kã frijoñẽ. — pũd sem kã nos daisko. mos made jest. tãd jã jadãn stail. aid sãd (i). defkã, ol'oi taler dãnai. sem jã jadãn lãzaic. tã kolai jã jist teplũ. tãt tũjã vaistã ni vizaz. vaiz tãd, vãm svainẽ mãsi. tãd jã jist sãr un mosko. tãd stũjẽ paivũ, pai. nex tibẽ tũ smakoje. — joz cã kã vaiťẽ ait. joz mom jist citẽr graiv. joz cã minẽ tok pajonẽ pait. tũd'ẽ zenã citẽ minẽ svorẽt. — tãt mos vilt'ẽ vãs sã vilẽ vlãsãi. mom joz vlãsãi, tũd'ẽ mom tok kãk draud'ẽ l'audai. no tũj vãs mũzẽ jist dren rũst. — pũd ar! laiz minẽ vã paizdã! pũzarai-mẽ vã tã darq! slaisẽs tãt? tibẽ joz ricã, tũ tãt jis dif. tãt krodãl — krodẽs. tãt cis lã vibãsenẽ boit. — cig tãt gornẽs? cis tãt tũ stot? kãtũmẽ joz krodãl vãl ar t'ũbãl (ã)? joz, tãt, visai mota komot. moi cimẽ rãdũst visi tafot.

Г. Ты, поди сюда! Иди сядь ко мне. Я хочу тебе чего сказать. Я думаю, ты мне нравишься (я тебя с охотой имел бы). Мой отец и мать тоже этого мнения. Мы имеем все в нашем доме. Как птичьего молока и доброй (хорошей) жены, то мы не имеем (вариант прочтения: Мы имеем все в нашем доме, как птицу, молоко, а доброй жены, то мы не имеем). Я смотрю все на тебя в церкви. — Теперь ты приходишь ко мне. Во всей округе (земле) нет ни одной девки, которую ты не просил. Теперь ты от всех корзину (отказ) получил. Теперь я имею твоей невестой быть. Ты не думаешь о хорошей девке. Ты хочешь только много денег иметь. Через это тебя не хочу иметь. Ты теперь старый для женитьбы. — Поди сюда к нашему столу. Ешь вместе (с нами).

Там есть (один) стул. Иди сядь. Девка, принеси тарелку. Вот есть (один) ложка. Эта капуста есть еще теплая. Ты свои губы (уста) не обожги. Смотри (видь) сюда, возьми свиное мясо. Там есть еще сыр и молоко. Там стоит пиво. Пусть тебе это будет вкусным. — Я пойду (хочу идти) в город. Я имею еще четыре гроша. Я хочу напиться пьяным. Тогда пусть женщины меня ругают. — Ты имеешь большую бороду с множеством волос. Имею волосы, тогда имею так, как другие люди. На твоей бороде может дёрн расти. — Подь сюда. Лижи меня в з...! Посмотри мне в эту дыру! Слышишь ты? Тебе я говорю, что ты есть вор. Ты крал (и) крадешь. Ты будешь повешен. — Что ты говоришь? Ты на этом будешь стоять? Кому (какому) я украл вол или кобылу? Я, ты, все имеем идти, мы все будем свадьбу праздновать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Настоящая библиография содержит сведения о работах, на которые имеются ссылки в тексте книги. Указывается фамилия автора работы и год ее издания; если в данном году вышло более одной работы автора, при годе дается буквенный индекс, например: 1978а, 1978б. Библиография не претендует на полноту, хотя и призвана ориентировать читателя в основных изданиях по полабистике. В ней отражены фундаментальные работы, работы советских авторов, статьи, вышедшие за последние десятилетия. Важнейшие издания текстов и описания языка отмечены в указателе звездочкой. Более полные библиографические материалы по полабскому языкознанию читатель может почерпнуть в библиографических указателях (Олеш 1968, 1975).

- Вильфельдт 1950 — *Bielfeldt H. H.* Polabische Studien. — ZSlPh, 20 (1950), S. 372—376.
- Герхардт 1977 — *Gerhardt D.* Polabische Nachlese I: Hildebrand, Leibniz und ihre Wirkung. — WSl, 22 (1), 1, S. 57—85.
- Герхардт 1977а — — Polabische Nachlese II: Zum Text von Parum Schultzes Chronik. — WSl, 22 (1), 2, S. 229—313.
- Герхардт 1978 — — Polabische Nachlese III: Parum Schultzes Quellen und Bildung. — WSl, 23 (2), 1, S. 153—175.
- Навинский 1931 — *Навинский Г. А.* Полабские заметки. — Prace filologiczne, 15, 2, с. 485—496.
- Кайзер 1968 — *Kaiser E.* Untersuchungen zur Geschichte des Stammsilbenvokalismus im Dravānopolabischen. Auf Grundlage des toponomastischen Materials. — München: Dr. Dr. Rudolf Trofenik. — S. 240+19.
- Кайзер 1968а — — Bildungstypen slavischer Ortsnamen im Hannoverschen Wendland. — In: Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress. München, S. 35—52.
- Кайзер 1973 — — Typen innerer Lehnprägung im Dravānopolabischen. — In: Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress. München, S. 219—235.
- Коблишке 1906 — *Koblischke J.* Das sogenannte Müller'sche Vaterunser — eine plumpe Mystifikation. — Archiv für slavische Philologie, 28, S. 444—449.
- Коблишке 1923 — — Altsorbisches und Drawenisches. — Slavia, 2, S. 286—289.
- Курилович 1955 — *Kurylowicz J.* Akcentuacja polabska. — In: StFPS, 1, s. 349—374.
- Лер 1920 — *Lehr T.* Zapożyczenia dolno-niemieckie w języku polabskim. — Materiały i prace Komisji językowej AU w Krakowie, 7, 2, s. 271—318.
- *Лер-Славинский 1929 — *Lehr-Splawinski T.* Gramatyka polabska. — Lwów: Jakubowski. — s. 278. + XVI.
- *Лер-Славинский, Полянский 1962 — *Lehr-Splawinski T., Polański K.* Słownik etymologiczny języka Drzewian polabskich. 1. — Wrocław — Warszawa — Kraków: Ossolineum. — 142 s.
- Майчак 1973 — *Mańczak W.* Miejsce akcentu w polabskim. — IJSLP, 16, s. 7—21.
- Мареш 1962 — *Mareš F. V.* České prvky v polabské slovní zásobě. — Slavia, 31, s. 513—523.
- Мука 1906 — *Мука Э. Ю.* Полабские славяне. — Славянские известия, № 2, 4, 5, 7, с. 179—188, 246—255, 317—322, 518—522.

- *Олеш 1959 — *Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen.* Nachdruck besorgt von R. Olesch. — Köln — Graz: Böhlau. — 416 S.
- *Олеш 1962 — *Olesch R.* Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch. — Köln — Graz: Böhlau. — 340 S.
- Олеш 1963 — — Quellenkritisches zum Dravānopolabischen. — In: Opera slavica IV, Göttingen, S. 107—119.
- Олеш 1963а — — Zur Quellenforschung des Dravānopolabischen. — ZSlPh, 31, S. 90—97.
- Олеш 1965 — — Ein Nachtrag zur Quellenlage des Dravānopolabischen. — ZSlPh, 32, S. 274—281.
- *Олеш 1967 — — Fontes linguae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica venedica J. P. Schvltzli. — Köln — Graz: Böhlau. — VIII+360+10 S.
- *Олеш 1968 — — Bibliographie zum Dravānopolabischen. — Köln — Graz: Böhlau. — XIV+128+1 S.
- Олеш 1968а — *Finis linguae Dravaenopolabicae.* — In: Festschrift für Friedrich von Zahn, Bd. I, Köln — Graz, S. 623—637.
- Олеш 1968б — — Pfeffingers Vocabulaire Vandale. — In: Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress. München, S. 75—89.
- Олеш 1968в — — Zum Abhängigkeitsverhältnis der Handschriften von Christian Hennigs kurzer Redaktion des Vocabularium Venedicum. — ZSlPh, 34, S. 1—6.
- Олеш 1968г — — Zur Frage der ostfriesischen und dravānopolabischen Vokabulare. — Zeitschrift für Mundartforschung, 35, S. 26—36.
- Олеш 1971 — — Zur geographischen Verbreitung des Dravānopolabischen. — In: Festschrift für Friedrich von Zahn, Bd. 2, Köln — Wien, S. 126—137.
- Олеш 1972 — *Олеш Р.* Древяно-полабские этимологии. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., с. 205—213.
- Олеш 1973 — *Olesch R.* Der dravānopolabische Wortakzent. Teil I. — In: Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress. München, S. 389—418.
- Олеш 1974 — — Der dravaenopolabische Wortakzent. Teil II. — Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Abhandlungen... Nr. 13 (1973). — Wiesbaden: Steiner. — 37 S.
- Олеш 1975 — — Bibliographie zum Dravānopolabischen. Fortsetzung und Nachträge. — ZSlPh, 38, S. 21—56.
- Олеш 1975а — — Zur dravānopolabischen Quellenlage. Der wiedergefundene Görlicher Sammelband. — ZSlPh, 38, S. 324—334.
- Олеш 1975б — — Die mundartliche Gliederung des Dravānopolabischen. — Wiener Slavistisches Jahrbuch, 21, S. 182—201.
- Олеш 1976 — — Die christliche Terminologie im Dravānopolabischen. — ZSlPh, 39, S. 10—31.
- Олеш 1978 — — Die Monatsnamen im Spätdravānischen. — Kwartalnik neofilologiczny, 25, S. 17—25.
- *Олеш 1983 — — Thesaurus linguae Dravaenopolabicae. Tomus I — A — O. — Köln — Wien: Böhlau. — S. LXIV + 708.
- Олеш 1983а — — Mittelniederdeutsch-dravānische interlinguale Kontakte. — In: Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress. Köln — Wien, S. 347—359.
- *Олеш 1984 — — Thesaurus linguae Dravaenopolabicae. Tomus II — III / P — Z. — Köln — Wien: Böhlau. — S. 709—1648.
- Олеш 1985 — Кирилло-мефодиевские традиции в древянополабском языке. — В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск: Наука и техника, с. 65—70.
- Петр 1969 — *Petr J.* [Рец. на: Олеш 1959, Олеш 1962, Олеш 1967] Slavia, 38, s. 665—671.
- Пизани 1956 — — Polab. peräunedân. — For Poman Jakobson. — Den Haag, p. 391—392.
- Полянский 1956 — *Polański K.* Polabica I. — ZNUJ (F), 2, s. 109—137.
- Полянский 1958 — — Polabica II. — ZNUJ (F), 4, s. 185—201.
- Полянский 1960 — — Polabica III. — ZNUJ (F), 6, s. 53—64.
- Полянский 1960а — — Etymologie polabskie. — SO, 20, s. 115—123.
- Полянский 1961 — — Polabica IV. — ZNUJ (F), 8, s. 209—215.
- Полянский 1962 — — Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku polabskim. — Wrocław — Warszawa — Kraków: Ossolineum. — 198 s.

- Полянский 1962 — [Рец. на: Олеш 1959] — *Rocznik slawistyczny*, 22/1, s. 148—152.
- Полянский 1963 — — *Ze studiów nad słowotwórstwem polabskim*. — *StFPS*, 4, s. 103—118.
- Полянский 1963а — — *Morfologiczne wyrównania w rozwoju *ъ w polabskim*. — In: *Studia linguistica in honorem Thaddei Lehr-Splawinski*, s. 1, s. 485—488.
- Полянский 1963б — — *Stan badań nad językiem polabskim*. — *Lud*, 48, s. 257—275.
- Полянский 1964 — — [Рец. на: Олеш 1962]. — *IJSLP*, 8, s. 135—136.
- Полянский 1965 — — *Problem różnic gwarowych w języku polabskim*. — *StFPS*, 5, s. 365—369.
- Полянский 1965а — — [Рец. на: Супрун 1962]. — *SO*, 25, s. 259—260.
- Полянский 1965б — — *Полянский К.* Материалы по полабской этимологии. — *Этимология* — 1964, с. 100—103.
- Полянский 1969 — — *Проблемы полабской этимологии*. — *Этимология* — 1967, с. 5—10.
- *Полянский 1971 — — *Polański K.* Słownik etymologiczny języka Drzewian polabskich. 2. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Ossolineum. — IV+ (143—346) s.
- *Полянский 1973 — — *Słownik etymologiczny języka Drzewian polabskich*. 3. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Ossolineum. — IV+ (349—504) s.
- *Полянский 1976 — — *Słownik etymologiczny języka Drzewian polabskich*. 4. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Ossolineum. — IV+ (507—667) s.
- Полянский 1982 — — *Some Remarks on the Development of Jers in Polabian*. — *IJSLP*, 25/26, p. 379—381.
- *Полянский, Зенерт 1967 — — *Polański K., Sehnert J. A.* Polabian-English Dictionary. — The Hague — Paris: Mouton. — 239 p.
- Правдин 1961 — — *Правдин А. Б.* Употребление дательного падежа в полабском языке. — В кн.: *Учен. зап. Тартуского ун-та*, 104 (Труды по русско-славянской филологии, 4), с. 225—233.
- Радловский 1958 — — *Radłowski M.* Stosunki rodzinne i społeczne u Drzewian polabskich w świetle szczątków ich języka. — *StFPS*, 3, s. 285—343.
- Радловский 1964 — — [Рец. на: Супрун 1962]. — *Rocznik slawistyczny*, 23, s. 136—138.
- Речек 1957 — — *Reczek S.* Z badań nad stroną znaczeniową zapożyczeń dolnoniemieckich w języku polabskim. — *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego*, A 5, s. 177—212.
- Ржегачек 1960 — — *Řeháček L.* K syntaktické problematice polabského infinitivu a k významu syntagmatických spojení s infinitivem v dřevanské polabštině. — *Slavica Pragensia*, 2, s. 17—41.
- Ройзензон 1964 — — *Rojzenzon L. I.* Wertvolle Publikationen zum Polabischen. — *Wiener slavistisches Jahrbuch*, 11, S. 192—195.
- Ройзензон 1964а — — *Ройзензон Л.* [Рец. на: Супрун 1962]. — *Уч. зап. филол. ф-та Кирг. гос. ун-та*, 10, с. 206—207.
- *Рост 1907 — — *Rost P.* Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. — Leipzig. — 451 S.
- Селищев 1941 — — *Селищев А. М.* Полабские славяне. — В кн.: *Селищев А. М.* Славянское языкознание. I. Западославянские языки. — М.: Учпедгиз, с. 417—448.
- Супрун 1962 — — *Супрун А. Е.* Полабские числительные. — Фрунзе: Кирг. гос. ун-т. — 68 с.
- Супрун 1965 — — *К динамической типологии полабского и нижненемецкого вокализмов*. — В кн.: *Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на II Всесоюзной конференции по славяно-германскому языкознанию*. Мн., с. 21—22.
- Супрун 1966 — — *Новые издания по полабской лексикографии и лексикологии*. — *ССл*, 2, с. 91—98.
- Супрун 1967 — — [Рец. на: Полянский, Зенерт 1967]. — *ССл*, 6, с. 90—92.
- Супрун 1968 — — [Рец. на: Олеш 1967]. — *ССл*, 6, с. 116—119.
- Супрун 1969 — — *Полабская фразеология*. — В кн.: *Славянские литературные языки в донациональный период (Тезисы докладов)*. М., с. 22—23.
- Супрун 1969а — — [Рец. на: Олеш 1968]. — *ССл*, 4, с. 114.
- Супрун 1973 — — *Супрун А. Я.* Лексичная спалучальнасць у полабскай мове. — Мн.: Вyd-ва БДУ. — 32 с.

- Супрун 1973а — — *Палабск. glott'ě, белар. гладкі*. — *Вестн. БДУ*. Сер. 4, 1, с. 61—62.
- Супрун 1974 — — *Супрун А. Е.* К изучению полабской фразеологии. — В кн.: *Исследование по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова*. М.: Изд-во МГУ, с. 301—306.
- Супрун 1975 — — *К изучению полабских определительных сочетаний (Сочетания с причастиями настоящего времени)*. — *ССл*, 5, с. 59—68.
- Супрун 1975а — — *К определению значений слов в полабском*. — В кн.: *Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции*. 2. Славянская историческая лексикология. М., с. 42—46.
- Супрун 1975б — — *Супрун А. Я.* Палабскія спалучэнні са словамі vilt'ě 'вялікі' і tolě 'малы'. — *Беларуская лінгвістыка*, 7, с. 58—64.
- Супрун 1978 — — *Асноўныя праблемы полабскай семасіялогіі*. — Мн.: Вyd-ва БДУ. — 20 с.
- Супрун 1978а — — *Супрун А. Е.* Типы речевой деятельности, зафиксированной в записях полабского текстового материала. — *Slavia*, 47, s. 368—370.
- Супрун 1981 — — *Полабский язык*. — В кн.: *Супрун А. Е., Калюта А. М.* Введение в славянскую филологию. Мн.: Выш. школа, с. 99—105.
- Супрун 1983 — — *Лексическая типология славянских языков*. — Мн.: Изд-во БГУ. — 48 с.
- Супрун 1986 — — [Рец. на: Олеш 1983, 1984]. — *ССл*, 4, с. 114—117.
- Тецнер 1902 — — *Tetzner F.* Christian Hennig. — *Zeitschrift des Historischen Vereins für Niedersachsen*. Hannover, S. 182—272.
- Топоров 1961 — — *Топоров В. Н.* Данные полабского языка о локативе. — В кн.: *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, с. 128—131.
- Трубачев 1965 — — *Трубачев О. Н.* [Рец. на: Лер-Сплавинский, Полянский 1962]. — *Этимология* — 1964, с. 351—353.
- Трубачев 1974 — — [Рец. на: Полянский 1971]. — *Этимология* — 1972, с. 178—179.
- Трубачев 1975 — — [Рец. на: Полянский 1973]. — *Этимология* — 1973, с. 179—180.
- Трубачев 1979 — — [Рец. на: Полянский 1976]. — *Этимология* — 1977, с. 165—166.
- Трубецкой 1925 — — *Трубецкой Н. С.* Отражения общеславянского *о в полабском языке. — *Slavia*, 4, s. 228—237.
- Трубецкой 1926 — — *Trubetzkoy N.* Zur Quellenkunde des Polabischen. — *ZSlPh*, 3, S. 326—364.
- *Трубецкой 1929 — — *Polabische Studien (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse, 211, 4)*. — Wien — Leipzig: Holder-Pichler-Tempsky A.-G. — 167 S.
- Трубецкой 1950 — — *Polabian Metrics*. — *Word*, 6, S. 160—161.
- Хейдзянка 1925 — — *Heydzianka J.* Niemieckie wyrazy złożone w języku polabskim. — *SO*, 3/4, s. 232—240.
- Хейдзянка 1927 — — *Szczątki składni słowiańskiej*. — *SO*, 6, s. 26—69.
- Хейдзянка 1933 — — *Heydzianka-Pilatowa J.* Słownictwo polabskie w zakresie wyprawy Inu. — *SO*, 12, s. 258—263.
- Хейдзянка 1967 — — *Określenia czasu w języku Drzewian polabskich. I. Słońce i księżyc*. — *SO*, 26, s. 43—60.
- Хейдзянка 1968 — — *II. Nazwy pór roku*. — *SO*, 27, s. 81—87.
- Хейдзянка 1971 — — *Z wierzeń Drzewian polabskich (Na podstawie analizy słownikowej)*. — *SO*, 28/29, s. 53—74.
- Хейдзянка 1972 — — *Określenia czasu w języku Drzewian polabskich. III. Tydzień*. — *SO*, 30, s. 35—41.
- Хейдзянка 1974 — — *IV. Nazwy dni tygodnia*. — *SO*, 31, s. 47—57.
- Хейдзянка 1977 — — *V. Nazwy miesięcy*. — *SO*, 34, s. 47—64.
- Хейдзянка 1980 — — *Przebieg wynarodowienia Drzewian polabskich w świetle kroniki chłopskiej Jana Parum Schultzego*. — *StFPS*, 19, s. 131—136.
- Хинце 1964 — — *Hinze F.* Beiträge zur deutsch-polabischen Etymologie. — *ZSl*, 9, S. 685—692.
- Хинце 1973 — — *Dravānopolab. *telka, *tilka, *těl'a 'Eule'*. — *ZSl*, 18, 597—S. 604.
- Хинце 1974 — — *Zum Stand der Erforschung des Dravānopolabischen*. — *ZSl*, 19, S. 507—512.
- Шидловска 1958 — — *Szydłowska-Ceglowska B.* Semantyczna analiza polabskiego

- zasobu leksykalnego. — In: Z polskich studiów slawistycznych. Prace językoznawcze i etnogenetyczne. Warszawa, s. 198—204.
- Шкловска 1963 — — Materialna kultura ludowa Drzewian połabskich w świetle poszukiwań słownikowych. — Lud, 48, s. 19—256.
- Шкловска 1965 — Instrumenty muzyczne Drzewian połabskich w świetle słownika połabskiego. — SO, 25, s. 135—143.
- Шкловска 1968 — — Medycyna ludowa u Drzewian połabskich w świetle słownika połabskiego. — SO, 27, s. 263—268.
- *Шлекер 1871 — Schleicher A. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache. — St. Petersburg: Akademie der Wissenschaften.
- Штубер 1956 — Stieber Z. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. — Warszawa: PWN. — 136 s.

Сокращения названий журналов

- ССЛ — Советское славяноведение
- IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
- SO — Slavia Occidentalis
- StFPS — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej
- WSI — Die Welt der Slaven
- ZNUJ (F) — Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego (Filologia)
- ZSI — Zeitschrift für Slawistik
- ZSIPh — Zeitschrift für slavische Philologie

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
§ 1. Историко-географические сведения	3
§ 2. Письменные памятники	5
§ 3. Обзор истории полабистики	9
Фонетика, фонология, графика	14
§ 4. Графика источников и ее интерпретация	14
§ 5. Вокализм	16
§ 6. Консонантизм	19
§ 7. Ударение	21
§ 8. Слог	21
Морфонология	22
§ 9. Звуковая структура морфем и чередования	22
Лексика	24
§ 10. Объем полабского лексикона	24
§ 11. Праславянское лексическое наследие	25
§ 12. Заимствования	29
§ 13. Вопросы семантического анализа полабской лексики	31
§ 14. Лексическая сочетаемость	34
§ 15. Фразеология	37
Словообразование	39
§ 16. Вводные замечания	39
§ 17. Образование существительных мужского рода	40
§ 18. Образование существительных женского рода	44
§ 19. Образование существительных среднего рода	45
§ 20. Суффиксальное словообразование прилагательных и наречий	46
§ 21. Суффиксальное образование глаголов	47
§ 22. Префиксальное образование глаголов	47
§ 23. Глагольные постфиксы	49
§ 24. Образование причастий	49
§ 25. Сложные слова	49
Словоизменение	50
§ 26. Вводные замечания	50
§ 27. Грамматические категории	52
§ 28. Склонение существительных в единственном числе	56
§ 29. Склонение существительных во множественном и двойственном числе	58
§ 30. Словоизменение прилагательных	61
§ 31. Числительные	63

§ 32. Местоимения	65
§ 33. Спряжение глаголов в настоящем времени	67
§ 34. Спряжение глаголов в прошедших и будущих временах	69
Синтаксис	73
§ 35. Словосочетание	73
§ 36. Простое предложение	75
§ 37. Сложное предложение	76
Заключение	78
§ 38. Некоторые выводы из изучения полабского языка	78
Источники	80
Из словаря Хеннига	80
Тексты: I. Свадебная песня	80
II. Традиционные тексты	82
III. Устные высказывания и диалоги	85
Библиография	88

Адам Евгеньевич Супрун

ПОЛАБСКИЙ ЯЗЫК

На русском и полабском языках

Зав. редакцией И. В. Сменя.
 Редактор Л. Н. Самосейко. Обложка П. Я. Кухто.
 Художественный редактор С. В. Баленок. Технический редактор В. П. Безбородова.
 Корректор З. М. Машкевич.

ИБ № 801

Сдано в набор 28.08.85. Подписано в печать 4.08.87. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 2.
 Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6.1. Усл.-кр. отт. 6.375. Уч.-изд. л. 6.1. Тираж
 1620 экз. Заказ 6687. Цена 20 к.

Издательство «Университетское» Госкомиздата БССР. 220048, Минск, проспект Машерова, 11. Отпе-
 чатано с фотоформ минской фабрики «Красная звезда» МППО им. Я. Коласа. 220079, Минск, 1-й Заго-
 родный пер., 3 в типографии «Победа». 222310, Молодечно, пер. В. Тавлая, 11. Зак. 6687.

Издательство «Университетское»
с 1983 г. выпускает книжки серии
«СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Карпов В. А. Болгарский язык.— Минск: изд-во БГУ, 1983.—96 с.

Пальцев Г. В. Польский язык.— Минск: изд-во «Университетское», 1984.—100 с.

Ивашина Н. В., Плотников Б. А. Чешский язык.— Минск: изд-во «Университетское», 1985.—112 с.

Супрун А. Е. Полабский язык.— Минск: изд-во «Университетское», 1987.—96 с.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Леонова Л. В. Сербскохорватский язык.— Минск: изд-во «Университетское», 1988.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Трофимович К. К. Серболужицкий язык.

Мечковская Н. Б. Словенский язык.

Цыхун Г. А. Македонский язык.

В ПЛАНАХ ПОДГОТОВКИ:

Супрун А. Е. Праславянский язык.

Луциц-Федорец И. И. Словацкий язык.

Супрун А. Е. Старославянский язык,
а также выпуски о восточнославянских языках, славянских литературных микроязыках, церковнославянском языке, древнерусском языке и другие.

